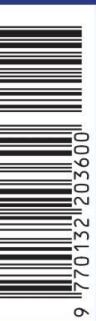

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№3/2020

16+

3

АГЛАЯ
НАБАТНИКОВА,
СТР. 77

ЮНОСТЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
"Юность"».

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
"Юность"».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям.

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
facebook.com/unost
vk.com/zhurnaliunost
Instagram/@zhurnaliunost

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74,
+7 (495) 250-40-95

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Ильдар Абузяров
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Анна Гедымин
Сергей Гловюн
Борис Евсеев
Тамара Жирмунская
Елена Исаева
Владимир Ностров
Нина Краснова
Татьяна Нузовлева
Евгений Лесин
Юрий Полянов
Георгий Пряхин
Елена Сазанович
Александр Соколов
Борис Тарасов
Елена Тахо-Годи
Игорь Шайтанов

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей Шаргунов
Вячеслав Ионовалов
Яна Нухлиева
Евгений Сафронов
Татьяна Соловьева
Светлана Шипицина

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

Юлия Сысоева

РАЗРАБОТКА МАШЕТА

Наталья Агапова

ВЕРСТКА

Наталья Горяченнова

АДМИНИСТРАТОР САЙТА

Антон Шипицин

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР

Алла Матюхина

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Отпечатано
АО «Шербинская типография»
(ГН «РОСТЕХ»)

117623, г. Москва,
ул. Типографская, д. 10

Тел.:
+7 (495) 712-58-57
E-mail:
zakaz@tipografskaya10.ru

Тираж 3 500 экз.
Формат: 60x84/8
Знак №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красаускас. 1962 г.

На 1-й странице обложки
ноллан Марии Титовой

ПОЭЗИЯ

- 6 СЕМИНАРЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
«ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ»
- 20 ОЛЕГ МОШНИКОВ
- 22 СТЕПАН ФРЯЗИН

ПРОЗА

- 28 РИЧАРД СЕМАШНОВ (РИЧ)
ВАШ ЧАЙ, ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК
- 32 ИГОРЬ СТАНКЕВИЧ
СТАРИК
ПУЛЯ
- 36 ТАТЬЯНА ТАРАН
ЛОВЕЦ СОЛНЦА
- 44 СЕРГЕЙ НОСАЧЕВ
НОСТЕР

ДЕТСТВО В «ЮНОСТИ»

- 50 СОФЬЯ РЕМЕЗ
СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА
ТАЙНА ДЯДИ-МИШИНОЙ КУРТКИ
«ПРАВДА» ШЕСТОГО «И»

ЗОИЛ

- 66 ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕНТАР
- 72 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
ЖОЭЛЬ ДИКНЕР: РОМАНЫ ФАЛЬШИВЫХ ФИНАЛОВ
- 77 АГЛАЯ НАБАТНИКОВА
WAKE UP NEO!

НЕФОРМАТ

84 АННА ДОЛГАРЕВА
 СНАЗНА СРЕДИ ВОЙНЫ

87 ЭДУАРД ЛИМОНОВ
 ПОСЛЕ ВОЙНЫ

НАСЛЕДИЕ

92 ФИЛИПП ТАРАТОРНИН
 В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ГЕОРГИЯ ТАРАТОРНИНА

98 АННА ТАРАТОРНИНА
 СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

104 Я НЕ СПРАШИВАЛ. Я ДЕЙСТВОВАЛ
 ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ НИРИЛЛА НОВАЛЬДЖИ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

114 ЕВГЕНИЙ ПОПОВ
 ТА ЕЩЕ «ЮНОСТЬ»

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

122 СОФИЯ АГАЧЕР
 ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

ПОЭЗИЯ

В декабре 2019 года в подмосковном пансионате «Ершово» состоялись семинары для молодых писателей «Путь в литературу. Продолжение». Союз писателей Москвы, организовавший это мероприятие, многие годы работает с молодыми авторами, выявляя талантливых, небанальных творческих людей. Многие из них уже стали победителями, лауреатами и дипломантами разных литературных премий, их имена давно на слуху у читающей публики. Многие только начинают свой путь в литературу. Но это яркое и многообещающее начало! Мастера, которые вели поэтическую часть мероприятия – Анна Аркатова, Ирина Ермакова, Елена Исаева, Александр Переверзин, – отмечают энергию, поэтическую свободу, поиск своего пути, незашоренность молодых поэтов. И искренне надеются, что авторам, представленным в этом номере журнала, суждено большое будущее.

МАНСИМ БЕССОНОВ

* * *

на входе у детского сада
каштан пирамидками цвел.
не хочешь, как вспомню, а надо —
и шел.
случалось, сбежать получалось,
и благо, наш дом — визави.
подумаешь, детская шалость —
реви
над всем, предначертанным свыше,
теперь, над собою, большим:
в любви искупался — и вышел
сухим

ИВАН АСЛАНОВ

* * *

Мне метафору Бог ниспослал: человек — как свеча,
И на то ему дали конечную плоть восковую,
Чтобы свет источал, у иконки в латуни покорно торчал,
По нему же — по Богу — тоскуя.

Но не зря я сдавал теорлит:
Ведь в свече и фитиль без остатка горит!
Это что же в божественном тропе выходит такое?
Неужели среди пыльных икон
Я прикован светить, и торчать дураком,
И закончиться полностью ради чужого покоя?

АНАСТАСИЯ НИНАШ

* * *

Память легче мотылька,
Легче призрака в прихожей.
Отпусти ее пока.
Смерть зудит под белой кожей.

Облака в сырой зиме
Пахнут сумрачной тревогой.
Налегке поверишь мне
Ради голоса и Бога.

Дай мне время обмануть
Птичку в горле – спи спокойно.
Где-нибудь и как-нибудь,
Кафель, шторка, рукомойник.

Потолок в меду. Страна
За стеклом и без предела.
Память легче сна. Она
Отлегла и отболела.

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

ЗОЛУШКА

Я счастлива и тем, что угол отгорожен,
что ящерица спит, что вымыт потолок,
что вскормленный листвою оркестр многоножек
уехал по воде в чугунный водосток.

Горох перебирать (для памяти полезно),
готовить впопыхах, рассказывать пшеницу
о том, как холодна отчищенная бездна,
о том, как я в нее когда-нибудь нырну.

Что тыква мне, когда не выстиран нагрудник,
когда сочится пыль сквозь муку порошка.
Успеть бы дотемна, успеть бы до полудня.
Жаль, ноги устают в хрустальных ремешках.

ЕНАТЕРИНА БАРМИЧЕВА

* * *

Найди себя в сужении кругов,
Когда затянет кучевая поволока
И штыковым дождем отрежет путь на Льгов
С мечтами о Москве, слоистый путь порога
С отходными тропинками в райцентр
Сквозь дымку сосен, комаров роистость,
Поля охровые неистовством люцерн,
Квадраты хлеба, ягодные низки;
Когда дикарский деревенский ареал
Сдаёт без боя ясеням пространство
И загоняется в бревенчатый пенал
С москитно-сетчатым и ведерным убранством.
Найди себя, покуда тусклый свет
Лениво залипает в пятистенки,
Молчалиников двусторчатых квартет
Минуя, тесноту их, копоть гренок,
Осевшую от века и на век.
Держи свечу и спички наготове –
Когда б кисель из сумерек поблек
И грудь сдавило слезное апноэ
Горизонталью грузной потолка;
И утварь заиграла б с тобой в прятки,
А глубина, вдруг, сделалась мелка;
Угвазданные грязью голопятки,
Как будто до обеда не топтав
Рыхлистую сдобных муравьиных кучек,
Забрезжили крылато и стремглав
Рассеялись в углу, глаза измучив
Желанием отчаянным прозреть –
Тогда б ты напоследок чиркнул спичкой
И запер тело в тeneвую клеть,
И понял – правит свет. Он вечен, ты – вторичен.

НРИС ГАЙДУНОВА

ИПОТЕЧНОЕ

Столько домов возводится,
к небу поданы.
Смотришь: пустырь-безводица,
год – и проданы
площади, метражи,
пластик, плиточки.
Нанизаны этажи,
как на ниточку.

Кипенно-белый мел,
двери, лестница.
Тысячи новых тел
в короб вместятся.
Тысячи голосов:
мамы, деточки.
И на глухой засов
свои клеточки.

В солнце бликует двор
металлический.
Каждому свой мотор
механический.
Каждый, кто так сумел –
считай, выиграл бой.
Этого ты хотел,
ипотечный мой?

БОРИС ПЕЙГИН

L&M

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
И в силуэтах труб, и в оголовках шахт.
Так пахнет торфяной охряно-ржавый виски,
Так екает в груди, когда объявлен шах,

Так зреют за столом пустые разговоры,
Так падают огни с седьмого этажа,
Так запоздалый гость не прокрадется вором,
И так свербит в ногах, что просятся бежать;

Так радугой блеснит засвеченная пленка,
Так в небе городском нет ни одной звезды
В дымах далекой ГРЭС, под облачной клеенкой,
Так время мчится вскачь, как Сивка без узды.

Четырнадцать часов прошли почти навывлет –
Я не сошел с ума и с рельсов не сошел.
Настанет новый день, и виски будет вылит.
Прости меня за то, в чем не был я смешон.

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
В пыли обочин трасс и в смоге городов,
В чужих путях домой, неясных и неблизких,
Во всем, на что смотрел, во всем, на что готов...

С утра заладил дождь, и стартер неисправен,
Похмелье из ружья стреляет по вискам.
Я знал тебя во всем, чему я не был равен,
И в том, что вдруг нашел, хотя и не искал.

ЛЕОНИД ГУНЕВ

* * *

И уходишь во тьму ты, дура.
И плывет над душой закат.
Подмосковный город Шатура
Необычной негой объят.

Вот и все. Дагестанец хмурый
Колу пьет, будто жизнь мою...
Вот и все, и горит Шатура,
И мне кажется, я в раю.

Ах, борзеющий дагестанец,
Подмосковные небеса...
И плывут среди труб и пьяниц
Над Шатурой твои глаза.

ЕЛИЗАВЕТА ТРОФИМОВА

* * *

я расскажу тебе потом
о детском трепете
о первозданном голубом
травинке лепете

о невозможном насовсем
вчера оставленном
сегодня отданном им всем
почти исправленном

я расскажу когда смогу
открою заново
а ты рисуешь на бегу
родное зарево

как будто можно опоздать
и не обидеться
какая это благодать
уйти приблизиться

НСЕНИЯ АВГУСТ

* * *

Сложи меня из солнечных ледышек,
за стеклышком рассвета – небо дышит,
вдыхая свет и выдыхая тишь.
Меня, собрав почти наполовину,
ты попадаешь в снежную лавину,
и, обнимая всю ее, летишь.

Ни снегом, а водою родниковой
ладонь мою наполни на Николу,
и слово затрепещет под рукой,
как мотылек, в плену оконной рамы,
и вырастут из снежных зерен храмы,
и станет поле белое – рекой.

Войди в нее, не испытывай ни жажды,
ни радости, единожды и дважды
войди в нее, а после, на немо
наречье помяни в житейском всуе
ты бога, что внутри себя несешь,
и отзовется бог в тебе самом.

Послушай, он звучит, не умолкая
в том зимнем сне, где ты похож на Кая,
летающего в заснеженный чертог
на ледяных санях, не зная, сколько
осталось, от зеркального осколка
до сердца: сантиметров, мыслей, строк.

МАРГАРИТА ГОЛУБЕВА

* * *

В сердцевине дубовой укроется жизнь,
корни с кроной забудут друг друга,
за платформой бетонный забор побежит
и выгнутся ЛЭПы упруго.

Долгостроев гексаметры вышли в тираж,
но уже за огнями окраин
проступает и вечный осенний пейзаж,
а ему рукотворный не равен.

По-германски, по-русски петляет строка,
допивается мед равноденствий,
а в лесу ожидания темны облака,
но прозрачны озон и силенций.

Разделиться на душу и тело, на боль
и болящее, мельче разбиться,
как стеклянный кувшин, как толченая соль,
как разорванная страница.

Над опушкой работали смутные дни
безвременья – на страх и на совесть,
но тропинка сужается, как ни тяни,
так что я и во сне беспокоюсь.
По весне корни с кронами ошупью путь
друг ко другу восставят из пепла,
но пора расходиться, и падает ртуть,
и речное зеркало ослепло.

Расходиться кругами, скрываться в тени,
зимовать по военным законам,
но и ждать, что прорежется, как ни тяни,
новый день в переплете оконном.

ДАНИЛА ИВАНОВ

* * *

Он весь был – тонкость, бледная андрогинность,
Свитер с барочным вырезом, узкий проток запястья.
Обычно на людях он демонстрировал нелюдность,
А женщина его летела над городом в белом платье.
Он садился в эльку и ехал по новым тропам,

Он смотрел в окно – туда, где сгущались ветви.
Азия была в сердце его, на губах – Европа.
А женщину то приносило, то забирало ветром.
Он объехал без малого все маршруты

По Москве и дальше, в тоннелях подземных ульев.
Ему было достаточно и минуты,
Чтобы снова...

...но женщину не вернули.

И тогда он взял флаг и маску надел кротовью,
Письменность создал, определил границы
И стал легендой... Ближнего Подмосковья,
Чтобы женщина та однажды смогла явиться.

ПОЛИНА ЛЕОНОВА

* * *

Долго кружась по телу,
вылетев из полушарий,
они приземлились, зная,
как мне щекотно от них.
Легкое щебетанье,
щекот сидящих на бронхах
ласточек и синиц.
Трепетный пух,
лапка и цевка.
Моя грудная клетка
нас не пускает в мир.

СЕРГЕЙ СНУРАТОВСКИЙ

* * *

Бабка-коробка приходит на небо,
Боса и простоволоса.
Держит платок в руке.
Просит хлеба. Теревит косу.
Говорит на русалочьем языке,
На травяном языке, насекомом.
Слова застревают комом.
Ее слушают внимательно, но неохотно.
Что вы, гражданка, в самом деле?
Вон там, во втором пехотном,
Там хлеб нужнее.
А вы, извините, в теле.
Пусть в красном, пусть в черном, но в теле.

А бабка просит за дочь, за сына,
За тех, кто рядом и не рядом с ними,
За таких же тощих, пропащих,
Пропаших тиной речной, земляникой и потом.
Это потом кто-то станет панком, гопником или готом.
Места и хлеба хватит не всем.
А сейчас все – голодные и бессмертные,
их много, пока еще много.
У самого шустрого вместо клыка молочного – дырка.
Подбежал, схватил полукруглое тельце: «Позырь-ка!»
Ему кричат: «Раздавишь, не трогай!»
И вместе считают точки на спинке. Семь.

АННА МАРНИНА

* * *

*– Итак, – приступил барышник, – вот этот
стоит совсем недорого и может еще хорошо послужить.*

Борис Виан

Представляешь, как же так можно, скопом?..
Пока в небе шла выпечка облаков
с солнечным сиропом,
на земле проводили аукцион,
торговались за стариков.

Публика была собрана и строга,
то и дело с табличкой вытягивалась рука –
лишь бы, лишь бы не проморгать
подходящего старика.

Был один превосходный лот:
грузный и серый, как кашалот..
Но ушел, к сожалению, за бесценок.
Приобрел его хозяин дорогого особняка,
посадил в углу
в декоративных целях.

А еще запомнилась (даже страшно,
как же годы бывают злы!)
неудачливая актриса, вышедшая в тираж, но
сохранившая статью и отзвуки благородства.
Некрасивая дама взяла ее мыть полы,
чтобы та оттеняла ее уродство.

Были двое (пара) – просили не разлучать.
И за них все поднимались и поднимались руки
полчаса или, может быть, целый час.
Они, видимо, умудрились набить оскомину,
раз их продавали внуки.
Чья взяла – не помню уж.

Я ведь тоже могла бы купить кого-то,
устроить своей свекровью,
чтоб нудела о времени, о здоровье
да была засохшая, как смола,
чтобы пахла ивой, шалью и молоком,
ну, ты знаешь, просто была порядочным стариком,
я б такую приобрела.

ЕЛЕНА ПОГОРЕЛАЯ

* * *

В коридорах пахнет мелом.
Вслед за матом неумелым
пятиклассников щербатых
в класс врывается звонок,
гомон, смех и ругань,
 ворох
сплетен и тетрадей, шорох
рюкзаков, подолов мятых,
спотыкающихся ног.

В коридорах пахнет потом
и малиновым компотом
из трехведерного бака
для столовой.

 На углу
опоздавший к переключке
по привычке ищет спички:
то ли съедет из барака,
то ли сядет на иглу –

это он узнает летом...
В коридорах пахнет светом.
Просквозит по кабинетам
беглый луч – и все молчат.
Опоздавший постучится,
промелькнет и истончится...
Что зимой с тобой случится,
oh my sweet and summer child?

ЛЕТА ЮГАЙ

АНГЕЛОВЫ КРУЖЕВА

Ниточка дороги
Идет под ногами прямо,
Перекрещивается с другою,
Поворачивает направо,
Закручивается в улитку,
Завязывается узелочком
И снова расходится со своей товаркой,
И идет под ногами прямо
Все дальше от места встречи.

Ангеловы кружева
Плетутся из наших судеб.
Симметричный узор
Виден,
Когда поднимаешься к облакам.
Иные ангелы, что коклюшки
С тончайшей шеей и длинным телом,
Другие острые, как иголки,
Их крылья – заточенные мечи,
А те и вовсе складываются крючком,
Из-под земли достанут и выведут к свету.

Солнечный зайчик прыгает по обоям,
Золотой клубочек.
Беги за ним,
Мимо точек, цветочков и закорючек,
Попадая в омуты фотографий,
Перелетая по сиреневым лепесткам букета,
Выпрыгивая в окошко,
Сливаясь с всесветлым солнцем.

ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

ОЛЕГ МОШНИКОВ

Родился в 1964 году в Петрозаводске. Окончил Свердловское высшее военное политическое танно-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

МОРОЗКО

Брату Александру

Сказкам верить не хотим,
Мимо – не проедем...
Одиноко – днем одним
Постаревшим детям.

Пролетел без мамы век,
Без отца – полжизни:
Был в безбрежном детстве снег
Слаще и пушистей.

Расставанье – без вины,
Оклик – без ответа, –
Две стрелы разведены
Сторонами света.

В искупленье – глаз сухих
И походки твердой –
Ткнутся нежные стихи
В снег медвежьей мордой.

УЛИЦА ПИОНЕРСКАЯ

«Пионерская – не сдаётся!» –
Обещала Анапа с вокзала
Приполнехонько моря и солнца –
Только коек – в сезон – не хватало...

Не меняется город Анапа! –
Порт понтийский, османская крепость,
Город воинской славы, однако, –

Все хранит лебединую верность
Берегам, казакам, флотоводцам,
Обещая сезонникам гордо:
Пионерская – не сдаётся! –

И не только на пике курортном.

СТАНЦИЯ ПОГОСТЬЕ

Войной, ветрами ленинградскими
Насквозь простреляно Погостье...
На твердом поле окопаться бы,
Погреть сухой землицей кости.

Дернина жесткая на бруствере.
В чехле – саперная лопата...
Не примиряются – сочувствие
И долг безусого солдата.

И на умение, на счастье ли
Надежды мало – это ясно:
Плечом к плечу встанут в согласии
Бессилие и сопричастность.

На подсознание где-то – боязно
От мокрых ран отнять ладони:
В polegшей роте выжить – совестно,
Упав плашмя в медовый донник.

Степан Фрязин – литературный псевдоним профессора Пизанского университета, исследователя русской литературы, десять лет возглавлявшего Ассоциацию итальянских славистов, члена Международного комитета славистов Стефано Гардзонио. Он пишет стихи и прозу на русском языке уже давно: на русском языке опубликованы повесть «Рабыня кудрявая» и поэтический сборник «Избранные безделки. 2012–2015». Публикуемая в этом номере подборка стихотворений Степана Фрязина – творческий эксперимент и литературная игра знаменитого итальянского профессора и его русского альтер эго.

СТЕПАН ФЯЗИН

Младшее альтер эго итальянского слависта Стефано Гардзонио, с которым он находится в постоянной борьбе и соревновании. Автор книги «Мои безделни» (2017).

Живет на ПМЖ в Италии (г. Цветоград, Флоренция). Фамилия его указывает на происхождение одного и на обычай ездить уже с 1975 года на пл. Воронок по линии Моснва Ярославская — Фрязево и путать ее с линией Моснва Ярославская — Фрязино. Нан С. Г. публиковал повести и очерки в журналах «Знамя», «День и ночь» и др.

СТАРОСТЬ РИФМУЕТСЯ С РАДОСТЬЮ

*Забыл повеситься
За полумесяцем...*
Н. И. Х.

ИЛЛЮЗИЯ

Ты вернулась в квартиру с террасой,
Где драцена нас ждет, словно счастье,
Где старинная светится лампа
И молчит, зеленея, листва.
Ночью слышишь гудок из вокзала,
Вечерком вокруг толпятся фанаты,
И внезапно их гол возбуждает,
Будто ценится в жизни лишь миг.
Ты вернулась и хрупкой, и сильной.
И вся улица блещет тобой.
На холме монастырь чуть белеет.
И все синее небо — твое!

5 октября 2017 года

* * *

Выпал снег, и старый зуб
Тихо заболел.
Я стою, как старый дуб,
Слышу птичью трель.
Пой, скворец моей души,
Песню в честь страстей.
Дева, нежно обними
Жгучий ствол скорей.
Выпал снег и тает вдруг.
Старый зуб гниет.
Улетел скворец на юг,
С девой — самолет...

1 марта 2018 года

РАННЕЕ ПОСЛАНИЕ

Я люблю твою нежную кожу
И шипящее в неге «Хочу!».
Где же ты, что мне жизни дороже?
Милый друг, я в тиши не ворчу!
Ой, вернись, нет, я больше не буду
Обижаться, в досаде молчать.
Как хочу я к весеннему чуду,
В обнимку проснуться...

и вся благодать!

5 марта 2018 года

* * *

Старый трутень я бесплодный,
Не летаю, только сплю.
Ко всему давно негодный,
Даже мух я не ловлю.
Краб слепой, сижу в ракушке.
Моя жизнь как анекдот.
Чей конец – шепчу я в ушко,
Чтоб не слышал черный кот.

14 сентября 2018 года

МАССАЧУККОЛИ

Потускнело озеро,
С гор сошел туман,
С неба льются слезы,
Плачет Чио-Чио-сан...
Идет мальчик к пристани,
Ветер зонт украл,
Ноты реют листьями,
Заиграл рояль...

15 июля 2019 года

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

Снимок Первой мировой.
Окна лагерной палаты.
Сидишь, дедушка ты мой.
Рядом русские солдаты.

Третий год уже война.
И в плену ты врач военный.
Из Калуги лейтенант
Лекарь твой коллега пленный.

А вокруг лишь пустота.
Тени прошлого, просторы.
Всюду жизни простота.
Тиха память, светлы зори.

Снимок Первой мировой.
Да рассказывал ты мало.
Мир не вечный, мир другой.
Это все, что мне осталось.

27-28 ноября 2019 года

ПРОЗА

ВАШ ЧАЙ, ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК

РИЧАРД СЕМАШНОВ (РИЧ)

Родился в 1991 году в Калининграде. По окончании гимназии поступил в московский институт на факультет экономики, а затем в тульский университет на психфак. Оба факультета бросил. Работал разнорабочим, продавцом, грузчиком, сторожем.

После службы в армии поступил на заочное отделение журфака, которое окончил в 2016 году.

Под псевдонимом РИЧ записал несколько музыкальных альбомов, в том числе «Патологии» (совместно с Захаром Прилепиным), «У дома», «Литий», «Мой трип-хоп» и др.

В настоящее время живет в Санкт-Петербурге и работает нолумнистом в разных изданиях.

Бабушка была на суete, дед на паузе.

- Сейчас же надень шапку! – крикнула на меня бабушка, закрыв собой выход из дома.
- Пока, бабуль, мне пора, – добродушно сказал я, сделав вид, что не заметил приказа.
- Надень шапку! – повторила она для своего наивного внука.
- Ба, ну какая шапка? Не холодно же, – пытаюсь скрыть раздражение, продолжал я заведомо проигранное сражение.
- Немедленно надень шапку, осень на дворе! – Она не слушала, что я говорю.
- У меня ее даже нет с собой, мне не холодно, – отмахнулся я, пытаюсь обойти бабушку и скользнуть в дверь.
- Тогда надень капюшон, – не растерялась бабушка, уткнув руки в бока.
- Нет.
- Да.
- Нет.
- Да!
- Нет!
- Надень капюшон, кому сказала!

Шансов обойти примерно стопятидесятикилограммовую бабулю в узком коридоре не было. Много раньше меня это понял дед, который всю словесную битву стоял за нами и ждал, пока я выйду на улицу, чтобы последовать за мной и сесть в «жи-

гули», на которых мы должны были отправиться на вокзал.

- Надень капюшон! – неожиданно сзади раздался суровый возглас деда – даже бабушка вздрогнула.

После того как я накинул капюшон и, едва коснувшись губами рыхлой бабушкиной щеки, вышел из дома, дед, хлопнув входной дверью, повторил: «Надень капюшон». Я поднял брови. «...А потом сними! Что ты как маленький?»

К серым «жигулям» я шел, по-дурацки улыбаясь.

Я любил деда по отцовской линии. Деда по материнской линии я тоже любил, но не так, как деда по отцовской. Он выигрывал по всем пунктам: никогда не ругал, уделял мне внимания больше, чем остальным внукам, и всегда давал мне свою машину – без доверенности, не спрашивая, зачем она мне нужна, просто говорил, что ключи лежат в бардачке.

Статный, худой человек с благородными чертами лица. Сколько помню, он всегда был седым, поэтому лет с десяти я его так и звал – Седой. Дед был не против, ему прозвище нравилось.

В популярном сериале «Игра престолов» есть герой, которого зовут сир Джорах, он состоял в рядах мизринских наемников, а затем перешел служить Дейенерис Таргариен. Один из самых привлекательных стариков в этом сериале. Так вот, мой дед очень похож был на этого наемника, которого

играет шотландский актер, с той лишь разницей, что охранял он не красивую блондинку – мать драконов, а огромную суетливую бухгалтершу.

Отслужив три года в армии, он сразу же уехал на три года в тюрьму – в последнюю неделю службы слишком сильно ударил сослуживца. Еще я слышал какую-то историю про хранение пистолета, но подробностей мне так никто и не выдал. Сидел он там же, где и служил, – в Тикси.

Вернувшись на тульские земли после шести напряженных лет на Севере, дед увидел пухловатую, ярко накрашенную брюнетку и решил обзавестись семьей. Девушка не побрезговала поужинать с бывшим эком. Дед прочитал ей по памяти стихотворение Анны Ахматовой, спустя три месяца они поженились.

В заранее прогретой машине было накурено и уютно. Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать машину деда, я бы выбрал слово «курилка». Я провалился в пассажирское кресло и слушал радио, которое здесь звучало всегда, даже если машина была не заведена. Радиоведущие, женщина с мужчиной, эмоционально спорили по поводу внешней политики России, иногда принимая звонки от слушателей. Спустя минуту я понял, что они не спорят, а подначивают друг друга, чтобы выйти на новый виток экспрессии. Дед закрывал ворота своего гаража. Я бы и сам их закрыл, но подумал, что этого не нужно делать, поскольку дед редко, уезжая, закрывает гараж, и просто сел в машину.

Самому бы деду и в голову не пришло скомандовать мне закрыть ворота.

Постарев и ослабнув, он все равно никогда не просил почистить снег у дома или поменять резину на «жигулях». Если я вовремя не приходил, он справлялся сам, даже если работа ему стоила сорванной спины. Нет, он не был гордым. Просто не любил кого-то напрягать. И сам не сильно напрягался, если в том не было острой необходимости.

Упав в машину, дед застыл, затем громко выдохнул и, немного передержав педаль сцепления, тронулся.

Несмотря на то что дед сидел за баранкой около сорока лет, он все равно не стал хорошим водителем. Конечно, рулил ровно и на тормоз нажимал плавно, но его стиль вождения был чрезвычайно нудным: он не разгонялся; плохо видел дураков на дороге и всегда им удивлялся; если впереди маячил поворот, он начинал тормозить метров за пятьсот, как будто рулил не машиной, а парусной лодкой.

«Достали, придурки», – сказал дед, делая радио тише. Такое ощущение, что это придурки сами подключились к дедовым «жигулям» и с утра до вечера

что-то громогласно ему рассказывали, а не дед им позволил круглосуточно жить в его машине. Ясное дело, реплика была специально для меня. Когда через пятнадцать минут я выйду у вокзала, он вернет громкость на прежний уровень. А сейчас нет необходимости в придурках, потому что есть я.

Я знал, что происходит в жизни деда, – его стандартный день состоял из телевизора, поездок на рынок и за колодезной водой, еще он мог по два часа сидеть в «курилке» и слушать придурков. А дед в целом имел представление, что происходит со мной – вернулся из армии, женился, переехал в Москву, работаю где попало, занимаюсь музыкой, – поэтому мы не вели бессмысленные диалоги о жизни. Могли обсудить несенную недавно остановку или жизнь бродячих кошек, которых дед втайне от бабушки кормил в гараже.

Были времена, когда дед выпивал, тогда он, поймав нужную волну, подолгу рассказывал мне длинные фантастические истории из своей жизни.

Сначала дед был в большом спорте: с водкой, застольями, драками, проигранными машинами. Благо, работая бригадиром на строительстве котельных, он имел для этого все ресурсы. Затем, когда его четырнадцатилетний сын пообещал спустить деда с лестницы, если тот еще раз придет в нетрезвом состоянии домой, дед зашил. На десять лет. Жизнерадостности при этом не растерял.

Сын подрос, женился, начали появляться внуки. Дед дождался ранней пенсии и вернулся в игру на легких условиях: после обеда он шел в магазин и брал пять бутылок пива «Балтика 9», которые выпивал в течение длинного вечера. Когда пустые бутылки заполняли весь балкон, дед брал меня, и мы шли сдавать их, на вырученные деньги покупали полные бутылки.

Каждую неделю в воскресенье меня с остальными детьми отправляли к бабушке с дедушкой. Насладившись фирменной жареной картошкой от бабули (фирменной она была из-за обилия подсолнечного масла – дома такую не готовили) и мультфильмом про человека-паука, я шел к деду на кухню, чтобы послушать его героические истории.

Если на второй бутылке дед мог быть артиллерийским лейтенантом, то ближе к пятой он сам себя повышал до гэрэушного майора. «Помню, высадились мы в Афганистане» – типичное начало истории. «После этой операции мне еще Героя Советского Союза дали», – опережая события, продолжал дед. «Седой, а звезду покажешь?» – заинтригованно спрашивал я. «На старой квартире остались. Железяки все это». Я верил, не догадываясь, что сюжеты

для своих историй дед брал из сериалов, которые смотрел в течение недели. Готовился.

Уже в детстве я обращал внимание на некоторые несостыковки, но дед их филигранно нивелировал. Конечно, он мог рассказать мне, как стройбатовским сержантом дембельнулся прямо в тюрьму, но вряд ли бабушка оценила бы такую искренность. О том, что он три года сидел, она мне, стесняясь, рассказала в присутствии деда, когда я вернулся из армии. Старики не знали, что эта информация была давно открытой в нашем доме.

Как-то раз дед не стал дожидаться, когда нас заберут родители, и под суетливое ворчание бабушки упаковал нас в свою «Волгу» (тогда у него была «Волга»), чтобы отвезти домой. Мы любили его огромную белую «Волгу» с кожаным диваном сзади. Сюрприз не удался. По дороге нас остановил милиционер и после короткого разговора с дедом сел за руль, приказав деду сесть на пассажирское. «Дядя, а почему вы везете нас домой?» – поинтересовался я, глядя на огорченного деда. «Потому что ваш дедушка неправильно себя повел, – ответил он мне и презрительно добавил деду: – Стыдно должно быть». Я не понимал, почему дед терпит подобный тон. Стыдно должно было быть милиционеру.

Деда лишили прав на три года, но, что хуже, на несколько месяцев нам запретили навещать бабушку с дедушкой. Чертов милиционер!

«Газелисты совсем оборзели!» – выругался дед, засовывая бычок в пепельницу, которая стояла на неиспользуемом (когда-то сорванном) ручнике. Впрочем, сигналить он «газели», подрезавшей нас, не стал. «Кто вообще идет работать водителем “газели”?» – поддержал я любимую тему деда. «Кто... козлы!» – среагировал дед. Я засмеялся.

Я часто смеялся в присутствии деда. С ним я чувствовал себя хорошо и спокойно. Я знал, что если прямо сейчас мы вылетим в кювет, дед не будет паниковать, а просто скажет что-то типа: «Давно надо было отвезти это корыто на помойку», а когда мы выберемся из машины, добавит: «Бабушке не говори, что в Москву опоздал».

Сколько себя помню, бабушка всегда была недовольна дедом. Раньше много пил, даже гулял, говорят; теперь много курит и сидит в своей «проклятой машине». Бабушка могла без остановки пулеметной очередью высказывать деду свои претензии: молоко он не такой жирности купил, воды привез на баклажку меньше, кухня вся прокурена, вонючие кошки в гараже, документы на машину просрочены, а он дал ее мне... Дед курил и слушал все это как радио, что звучит у него в «жигулях», даже не оглядываясь

в ее сторону. Когда вторая подряд сигарета кончалась, дед с улыбкой говорил: «Я хоосий, ба!» и уходил к телевизору – реклама кончилась.

- Седой, ты, наверное, меня на повороте высади, чтоб не кружиться там, – вспомнил я о толкающихся автобусах на нашем маленьком вокзале.
- А я никуда не тороплюсь. Покружимся.
- Ну как знаешь.
- Ага.

Друзья и сослуживцы у него умерли. Из дальних родственников он ни с кем не общался. Иногда в городе попадались мужики, с которыми он строил котельные, но он всегда как-то без интереса с ними здоровался. «Ладно, пойдем мы. Внуку мороженое надо купить», – прощался он, крепко пожимая руку. Рука у него была крепкой до самой смерти – сухая и длинная, – я любил ее жать и пытался соответствовать.

Окончательно пить он перестал после той истории с двухсторонним воспалением легких. Тогда я учился в своем первом университете, который к тому времени еще не успел бросить. Приехал из Москвы навестить его. На третьем этаже больницы я назвал нашу с дедом фамилию. «Елисеич, что ли?» – слишком радостно ответил мне врач. – В пятой палате его найдешь». Дед занял самую козырную койку в палате – у окна.

- Здорово, Седой! – жал я ему руку дольше обычного.
- Ого, ты чего здесь? – улыбался дед.
- Тебя приехал навестить.
- Да хватит, что ль!
- Ваш чай, товарищ полковник! – раздался мужской голос за спиной.

Дед не подал вида, что это к нему.

- Горячий, с пятью ложками сахара, как и просил. – Обойдя меня, мужик в больничном халате поставил на полку деда алюминиевую кружку.
- Ага, – сдался дед.

Я не стал делать удивленного лица. Мне ли не знать военных подвигов деда.

- Внук? – не отставал мужик.
- Внук-внук. Иди уже, – скомандовал дед, привставая.
- Хорошие у тебя условия тут, – улыбнулся я деду.
- Да ничего, ага.

Я уехал обратно в Москву делать вид, что учусь, а дед остался в больнице делать вид, что лечится.

Условия в этой больнице если и были хорошие, то уж точно не в плане санитарии. Седой от кого-то подхватил туберкулез, и мой отец против воли деда перевез его в другую клинику.

Помимо прописанных таблеток, дед принимал и горячительные напитки вместе со своими соседями-туберкулезниками. «Все равно помирать, так хоть весело». Дед не просил ему что-то привозить – все, что ему было нужно, ему поставляли младшие по званию. Они все делали по первому зову – не каждый день лежишь с таким авторитетным и жизнерадостным больным.

Вместо положенного года дед отлежал в больнице четыре месяца и вернулся домой. «Ненавижу врачей. Лучше дома помру». Главврач полюбил деда и на прощание сказал ему: «Елисеич, если не хочешь помереть, как эти, то завязывай». Дед задумался.

Бабушка проявила свой до этого не проявлявшийся характер жены декабриста и лечила его что было сил, не отходя ни на минуту. Заразиться не боялась и, как и прежде, спала с ним в одной кровати. Болезнь ушла вместе с желанием выпивать. Не хотелось умирать, как эти...

На смену неожиданно заступил его сын. Развелся, пусть и неофициально, с женой и начал в ежедневном режиме пить, как конь из ведра. Дед и в лучшие свои годы так не употреблял. В какой-то момент живущие рядом с сыном бабушка с дедушкой переехали к нему – присматривать. Теперь дед ходил за водкой сыну. Трясся на кассе, брезгливо укладывал бутылки в пакет и шел похмелять так похорошего на него сына.

Как сейчас помню: омерзительно пахнущая кухня, на столе стоят пустые бутылки, немного покушанной еды, куча таблеток и пузырьков, бабушка, отгородившись от нас огромной спиной, мешает в стакане водку с водой для моего папы, который уткнулся головой в забытые на столе руки, дед мрачно курит в углу (там пахнет лучше всего). «Еще не хватало сына пережить», – говорит он и уходит в комнату – реклама кончилась.

Когда ему стукнуло семьдесят, я привез ему семимесячного правнука. «Хороший пацан, – улыбнулся дед, глядя на жизнерадостного ребенка. – Наш человек!»

Через месяц дед захворал и, отказавшись ехать в больницу, умер. Правнука увидел, сына не пережил – реклама кончилась.

На похоронах лежал в открытом гробу, такой же сухой и красивый, как тот шотландский актер, который охранял мать драконов. Бабушка суетилась, чтобы похороны проходили как положено, но иногда замирала и начинала плакать. Мой папа, хоть уже и опохмелился, все равно не мог стоять на ногах – сидел на бордюре возле гроба, руки положил на колени, а голову на руки – любимая поза. Я держал

на руках своего улыбающегося сына. Все в сборе: лежащий, сидящий, стоящий и пока висящий.

Когда гроб опустили, я отдал сына жене и помог папе дойти до ямы. «Кинь землю, Володь», – запе-реживала за сына бабушка. Папа лишь махнул рукой: «Чего уж там».

Но это все потом, а сейчас я, подцепив с заднего сиденья свой рюкзак, жму сухую руку деда. Хочу сказать ему, как люблю его, но просто крепко жму руку. Мы мужики – объясняемся по-простому.

Я сажусь на левое заднее сиденье автобуса. В окне вижу разворачивающуюся машину деда, машу рукой. Чтобы и я увидел его руку, дед почти полностью вытягивает ее из окна – получается что-то типа немецкого приветствия времен Второй мировой. Немного передержав сцепление, дед трогается.

СТАРИК

ИГОРЬ СТАНЕВИЧ

Родился в 1958 году. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище имени 60-летия Великого Октября, Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, Самарскую государственную экономическую академию. Герой РФ. Полковник

в отставке. Депутат Государственной Думы VII созыва. Награжден орденами Дружбы, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Отряд работал в отдаленном кишлаке. День выдался тяжелый. С утра и до обеда не прекращался прием больных. Условия, далекие от «союзных». Представьте стол под деревом, а за ним врач и фельдшер с переводчиком. Вокруг стояли и сидели на корточках афганские мужчины. Медсестра в одиночку осматривала женщин, которые теснились перед глинобитным домом в одно окно. В нем она и работала. Часам к трем поток больных прекратился. Честно говоря, чувствовал себя как выжатый лимон. Да и остальные были на пределе.

Осмотрел последнего больного. Им был старик. Почерневшее от длительной работы в поле лицо сплошь покрыто морщинами, жидкая седая борода, ветхая одежда, согнутая спина ничем не выделяют его среди других. Он взял назначенные ему таблетки. Переводчик разъяснил, как их принимать. Афганец кивнул головой, понял. Отошел на два шага, вернулся, попросил повторить еще раз. Лейтенант повторил. Тот опять кивнул, что-то переспросил. Снова не понял. Подошел афганский партийный работник, начал объяснять, раскладывать таблетки по бумажкам, писать порядок приема. Больной кивнул, все понял, только уточнил: «А можно все вместе?» Тут я не выдержал, встал и отошел в сторону. Чувствую, что не прав, но боюсь сорваться. Фельдшер, молодец, продолжает разъяснять. Партийный работник извинился за своего земляка, постарался помочь делу.

Наконец-то ясно. Все облегченно вздохнули. И тут переводчик переспросил у пациента порядок приема таблеток. Тот внимательно посмотрел на него и сказал: «Белые таблетки съесть утром, до еды, а желтые вечером, после ужина». Стон вырвался из груди фельдшера.

Партийный товарищ предложил компромиссный вариант: заменить таблетки на какие-нибудь безвредные и отпустить старика с Аллахом. Но профессиональная гордость не позволила нашему переводчику отступить. Он отогнал всех и начал кропотливую работу: разложил по бумажкам таблетки на каждый прием, объяснил все сначала. На столе его стараниями появилось порядка сорока сверточков-шариков с лекарством. Но его система не действовала. Тогда он перешел на русский язык:

– Слушай, дед, последний раз объясняю. Одна таблетка – утром, после того, как первый раз поешь. Две таблетки – днем, когда солнце высоко-высоко в небе. И одна – вечером, когда спать пойдешь. Понял? – Афганец изумленно взглянул на него, потом радостно улыбнулся, закивал головой. – Ну, наконец-то дошло. Иди с миром.

Больной собрал все бумажки с пометками «утро», «обед», «вечер», положил их в пакетик и ушел. Мы начали живо обсуждать дар убеждения нашего лейтенанта. Только веселье продолжалось недолго: вернулся старик.

Одна таблетка – утром,
после того, как первый
раз поешь. Две таблетки –
днем, когда солнце высоко-
высоко в небе. И одна –
вечером, когда спать
пойдешь. Понял? – Афганец
изумленно взглянул на
него, потом радостно
улыбнулся, закивал
головой. – Ну, наконец-то
дошло. Иди с миром.

Он подошел к лейтенанту, что-то быстро-быстро заговорил, а потом положил перед ним стопочку аккуратно разглаженных синеньких бумажек, в которые тот с таким старанием завернул ему таблетки. Старик достал пакет, сунул его каждому из нас под нос с тем, чтобы убедиться в целостности лекарств, и пообещал беречь таблетки, никому не отдавать, показывать детям, а через много лет их детям, рассказывая, как хорошо его лечили советские врачи. Только сегодня он понял, что среди русских есть и хорошие люди, поэтому и вернулся сказать им самые добрые слова. А таблетки он есть не будет, они на память. Завернув пакетик в платок, он, умиротворенный, отправился домой.

1989 год

ПУЛЯ

Пуля была очень умной. Она никогда не вмешивалась в разговоры своих соседок по запаянной в цинк картонкой пачке. Они не умели мечтать и болтали о чем попало. А Пуля хотела свободы. Хотела выполнить предначертанное, а потом уйти в полет и лечь там, где ей захочется. И почему она не попала на родной полигон? Лежала бы сейчас на горячем песке и нежилась под горячим солнцем. Так нет же, ее отправили в богом забытую дыру, хотят выпустить по русским. А это значит, что она может удариться в броню, и тогда будет сорвана прекрасная латунная рубашка, брызнет во все стороны свинец, разобьется стальное сердце. И даже если ей повезет и она только коснется брони, то превратится в калек, валяющегося на пыльной обочине. А машина, которую незадачливый хозяин попытается подбить, даже и не заметит удара. Еще хуже попасть в тело человека: тебя вытащат из раненого, просверлят, сделают амулет, а когда надоест носить на шее, забросят в угол тумбочки или шкафа и только раз в год, по пьяни, достанут и покажут друзьям. А если убьешь человека, то будешь гнить в одном гробу с жертвой.

Нет, она сделает по-другому. И произойдет это очень скоро, ведь не зря вскрыли цинк, разорвали бумагу и каждую из них вставили в гнездо пулеметной ленты. Пуля почувствовала приближение боя. Скоро наступит ее черед.

Рано утром хозяин переговорил с бородатыми людьми и пошел к Дороге. «Саланг», «Хинджан» – только эти слова услышала Пуля перед тем, как афганец залег за камни и стал ждать. Соседки, предвкушая полет, тарахтели без умолку. Ей же не о чем было говорить. Она все решила.

Колонна бронемашин спускалась с Саланга. Вот он, ее звездный миг. Ну, что же ты медлишь, хозяин? Тот не спеша навел пулемет, взял упреждение и нажал на спусковой крючок, держал его долго, пока не замолк закрепленный на станке пулемет.

Пуля вырвалась из тесного ствола и в одном рое с другими бросилась на первую облепленную людьми машину. Ее подруги ударили по броне, оставив на ней еле заметные следы, врезались в триплексы, и те, не выдержав, брызнули в стороны бриллиантовым дождем. Но ни одна не задела людей. Только Пуля, как самая хитрая, издала выследила чуть-чуть возвышающуюся на броне БТР голову водителя, едва чиркнула по ней и с радостным свистом полетела прочь. Она сделала это! Пуля оглянулась и засмеялась: водитель упал внутрь, и бронетранспортер, никем не управляемый, понесся под уклон. Больше она ничего не увидела: прикосновение к голове солдата изменило ее полет, и Пуля врезалась в скалу. Гранит сорвал латунную оболочку, расплющил сердечник, разбрызгал по пыли свинец.

Пуля вырвалась из тесного
ствола и в одном рое
с другими бросилась
на первую облепленную
людьми машину. Ее подруги
ударили по броне, оставив
на ней еле заметные
следы, врезались
в триплексы, и те,
не выдержав, брызнули
в стороны бриллиантовым
дождем.

А БТР не слетел в пропасть. Он врезался в бок стоявшего на обочине танка, качнул его и остановился. Людей сорвало с него, как переспевшие яблоки, и бросило на несколько метров вперед. Подбежавшие водители и танкисты подняли двоих на краю обрыва, троих сняли с танка, водителя с окровавленной головой вытащили из люка. Раненых, сломанных и ушибленных, загрузили на броню и повезли в госпиталь. БТР стоял «открыв рот» – передние броневые листы разошлись от удара. Двигатели и коробки передач сорвало с креплений. Передние колеса развернулись в разные стороны. БТР зацепили и потянули на ремонт, так же как повезли на ремонт людей, которые через месяц-два снова были на Саланге – и их снова выславала чья-то пуля.

ЛОВЕЦ СОЛНЦА

РАССКАЗ

ТАТЬЯНА ТАРАН

Татьяна Таран — журналист и писатель. Окончила филфак ДВГУ, работала журналистом, редактором газеты. В 2018 году была участником Московской международной книжной выставки-ярмарки с книгой «Нинто не ангел». В 2018–2019 годах принимала участие в фестивале

«Литература Тихоокеанской России». Публиковалась в альманахах «Власть книги», «Новый Континент», «Эксперимент». Рассказы переведены на китайский язык. Является автором двух книг художественной прозы. В 2017 году вышла первая книга «Список мечт». В 2018 году — сборник

рассказов «Нинто не ангел». В издательстве «Художественная литература» готовится к выходу роман «Дорога на Горностай».

На закате солнце светит прямо в лицо. Я понял это давно, охотясь за ним, уплывающим в океан. Сто девяносто две секунды отводит мне для этого Вселенная. Иногда я успеваю поймать небесное светило в объектив, но чаще всего остаюсь ни с чем.

— Не жди у моря погоды! — скажет мне всякий, и будет прав.

Но я упрямо хожу к океану третий десяток лет подряд. Жду те самые секунды, забываю обо всем, не слышу шум волны, сжимаюсь в пружину, унимаю дрожь в руках. Как снайпер, закрываю глаза и снова резко их открываю, чтобы не съехала «картинка», не расплылась в видоискателе. В руках живое существо, дрожат лепестки его диафрагмы, сжимаясь от моей команды. Я знаю диаметр, при котором будет лучший эффект, и мне нужна выдержка, чтобы не упустить тот самый миг и вовремя спустить затвор. Не всякий раз мне это удается, но я не сдаюсь.

Сегодня у меня будет новая точка съемки. Присмотрел ее давно, еще весной, но ждал, когда сойдет лед с залива, море потеплеет и станет синим. Вы знаете, что цвет моря зависит от погоды? Чем больше солнца — тем ярче синь, тем блее буруны на прибрежных валунах, тем приветливее волна. Если же дождь и пелена стеной — то море серое, побитое рябью; от него веет холодом, безразличием.

В июльские дни найти безлюдный городской пляж — задача сложная, невыполнимая, и я уез-

жаю в бухты за городом. Здесь тоже найдутся люди у воды: рыбаки, влюбленные парочки, серферы, искатели приключений...

Не близкий мой путь — в одну из бухт острова Русский, в часе езды от городских кварталов. Дорога сюда пыльная, тряская. Наградой за волю и терпение будут чистое море и диковинный закат. На противоположном берегу горбятся сопки, а между ними — пролив с выходом в открытый океан. Воображение рисовало алый круг, горящий в золоте. Мне виделось так: едва солнце коснется воды, в этот момент его обнимут два зеленых острова, сторожащих вход в узкий пролив. Все это я уже наблюдал весной, но не было нужной цветовой гаммы, не было тепла, не настоялось еще море.

В той бухте я присмотрел удобное для съемки место. С правой стороны высокая скала защищает от ветра. Слева — галечная коса ведет на соседний остров. Она перемывается невысокой водой, и по ней, закатав штаны по щиколотки, бредут пилигримы туда и обратно, не интересуясь правой частью берега.

Я предвкушал одинокую охоту на солнце, на водную глазурь, на выпрыгивающих из воды рыб, на чаек, норовящих поймать их на лету. Вот последняя развилка и деревянный щит-указатель, примотанный проволокой к стволу дерева. Он ориентирует меня большими красными буквами: «К Шкоте напра-

В эту переходную пору от вечера к ночи природа становится объемнее, ярче контуры, макушки сопки очерчивают резкую границу между землей и небом. А вот утесу суэта ни к чему – он здесь как глыба, его не сдвинуть и не сломить.

во!» Шкот – фамилия первооткрывателя этих мест. В честь него назвали необитаемый остров, к которому и ведет та морская тропа по косе.

Подъезжаю к морю, вижу его синие проблески среди деревьев. Через открытое окно джипа вдыхаю густые запахи влажного леса. Он здесь редкий: морской климат не дает буйства флоре, а прибрежная сырость приходится по вкусу лишь высоким травам да мхам.

Дорога обрывается в десятке метров от берега. Дальше можно еще проехать по песку, но никто не рискует: увязнуть здесь можно быстро, а выбраться – только с лебедкой, привязанной к крепкому дереву на небольшой поляне. На ней я вижу с десяток других машин. Мысленно желаю себе не встретиться с их хозяевами на моем заветном месте, пусть все уйдут налево, по косе. Зачем мне суэта и шум при ловле солнца?

Надеюсь, мне никто не помешает. Разве только облака, которые обычно виснут над морем, липнут к нему, цепляют нижним краем океан, заигрывают с ним, выстраивают замки из белой ваты, населяют их летучими голландцами и фантастическими животными. Их я тоже снимаю, их тысячи уже в компьютере, неповторимых, как отпечатки пальцев. Но мне нужно солнце, я жду его с той самой минуты, когда ушел последний лед с залива.

Место будущей съемки не видно со стоянки. Сейчас обогну крутой мыс, пройду мимо старого воинского укрепления с надписью «Алинка + Пашка = любовь», и тогда откроется небольшой

каменистый пляж, на котором я присмотрел себе основательный плоский валун. Штатив на нем будет устойчив.

Завернул за бетонный полукапонир, от него метров сто идти всего. Картина на море открывалась чудесная: все как я хотел. Чистое небо и яркое, склоняющееся к горизонту солнце. Все будет «вери гуд»! Подошел еще ближе и увидел, что перед скалой кто-то сидит. Я даже выругался про себя и хотел тут же повернуть назад. Не люблю, когда наблюдают за съемкой, начинают многозначительно смотреть в ту же сторону, что и я, будто спрашивая своим видом:

– Ну, и что ты там нашел такого необычного? Море как море, небо как небо. Баловство!

Прохожу еще несколько метров по сырой гальке, и звук от ее шороха доходит до незваного гостя. Хотя кто тут незванный? Я позже пришел, а место уже занято.

Девушка там. Разглядел блондинку. Повернула голову на шум, смерила меня взглядом. Увидев штатив, решила, что не опасен, снова отвернулась к морю. А если не фотограф, а маньяк какой-нибудь? Отчаянная... В таком месте в одиночку.

К счастью, мой голыш был ближе, чем камень, на котором сидела девушка. Я решил, что не нарушу ее уединение, занимаясь своей работой. В конце концов, море общее, и берег тоже. Еще минут пятнадцать в моем распоряжении. Это будут отличные кадры! Чистый горизонт, нависший над ним оранжевый шар.

Чем ниже опускается солнце, тем насыщеннее краски. Сначала огонь опалает все пространство вокруг себя, пускает светлую дорожку по спокойному морю. Нижнюю точку солнца при входе в океан я ловлю, не мигая. Есть! Следующий кадр – с разливающимся по воде желтым светом. Постепенно снижаясь, раскаленная звезда впитывает в себя энергию моря, добывает густоты цвета. Вода становится темной, дорожка, бегущая прямо на меня, размывается, тает. А само солнце становится ослепительно белым.

Как только половина шара погрузилась в темную синеву, сразу стал четким его абрис. Идеальная гармония формы и цвета! Все темнее пространство вокруг, все призрачнее, как мираж, горизонт. И вот этот миг, ради которого я здесь: солнце становится совсем маленькой, едва различимой белой точкой в алом отсвете своих протуберанцев. Последняя секунда, и все... Как будто не было другой картины всего лишь три минуты назад! И не было прошедшего дня. Все ушло в небытие.

Работа сделана. Остается еще час до того, как совсем стемнеет. В эту переходную пору от вечера к ночи природа становится объемнее, ярче контуры, макушки сопки очерчивают резкую границу между землей и небом. А вот утесу суета ни к чему – он здесь как глыба, его не сдвинуть и не сломить. Я посмотрел направо, как будто убедиться в этом сейчас крайне необходимо.

Надо же, в охоте на солнце я забыл о девушке, тоже наблюдающей закат. Сейчас она стояла на том большом валуне, на котором прежде сидела. Наверное, хотела увидеть картину с высоты. Но это бессмысленно! Если только на сам утес забраться, но лучше не рисковать, иногда с него на берег валятся огромные камни. Потом их шлифует море, делая из них удобные сидячие места в этом зрительном зале с видом на океан.

Она стояла в светлом платье лицом к воде. Левую руку поставила на пояс, а другую завела за голову и пропускала сквозь пальцы волнистые волосы. Я засмотрелся на нее: какая фактура, «Девушка в сумерках»! Рассчитывая на то, что незнакомка уже привыкла к нашему соседству на пустынном берегу, я пошел к ней вместе со штативом.

– Какой сегодня закат волшебный, не правда ли? – задал я самый банальный из всех возможных вопросов.

Девушка повернула голову в мою сторону, посмотрела долгим взглядом, словно оценивая меня с высоты своего положения, ответила: «Да». Улыбки не подарила, в глазах – печаль. Я протянул руку, помогая спрыгнуть с камня. Она принялась искать туфли: мокрая галька оказалась прохладнее валуна.

– Меня Павел зовут, а тебя как?

Я позволил себе «ты», потому что она выглядела совсем юной. Моя вторая жена тоже была молодой, пятнадцать лет разницы между нами. А этой девчонке еще меньше на вид. Хотя я вообще с трудом определяю возраст женщин. И чем старше становлюсь, тем прицел все хуже. Смотришь, кажется, что двадцать. А там все тридцать или даже сорок. Не поймешь их, это раньше все ровесницами были, да... Улетело мое время, не заметил как.

– Инна, – ответила девушка.

И я пошел напрямую:

– Может, тебе покажется неприличной моя просьба, но я фотограф, как видишь, и такого света, как сейчас, не видел давно и вряд ли увижу в ближайшее время. А твоя фигурка на фоне моря смотрится сейчас просто обалденно. Можно я сделаю с тобой несколько кадров?

– Вам это зачем? – недоверчиво спросила она.

– На фейсбуке поставлю фотографию, на конкурс отправлю, тебе подарю, – честно ответил я.

– Как вы мне подарите, портрет сделаете? – заинтересовалась Инна.

– Портреты я не печатаю, но могу прислать на почту, если оставишь электронный адрес. На аватарки в сетях поставишь, в резюме сгодится. Хотя такую красивую фоточку в кадры лучше не отправлять, там надо быть застегнутой на все пуговицы! – не очень удачно пошутил я. Может, она еще студентка, какая работа?

И продолжил:

– Ну что, снимаемся? На сумерки не больше получаса, потом все скроет ночь, – поторопил ее решение.

– Мне надо засветло до машины добраться, я темноты боюсь.

– У тебя на стоянке, возле леса?

– Да.

– Не волнуйся, я тебя провожу. Мой рысак тоже там.

– Хорошо, – согласилась Инна. – Давайте попробуем. А что нужно делать?

– Ничего особенного! Просто стой вот так же, как на камне, босая, у самой кромки воды, а я вокруг тебя буду с фотоаппаратом бегать.

Она не улыбалась, и я не просил. Закатный отсвет все вокруг делал печальным. Ее состояние, как мне показалось, тоже было в унисон с природой. Мой ироничный тон не передался ей, и не надо, разговоры сейчас лишние. Успел сделать несколько кадров, но темнота уже понемногу накрывала нас. Достал из рюкзака фонарь, поставил вертикально, как большую свечу. Стал собирать фототехнику, а Инна присела на камень.

Только хотел окликнуть ее, мол, пора выдвигаться! Как вдруг все пространство вокруг нас осветилось яркой вспышкой, льющейся с неба. Это луна, найдя прореху в сгустившихся наконец облаках, жажнула светом в тысячу ватт прямо на наши головы. Семнадцатое июля, полнолуние! (Утром я смотрел время захода солнца на отрывном календаре и по привычке глянул на состояние луны.) Бледный отсвет фонаря рассеялся, как невидимый, тень от утеса затемнила часть берега, добавив ему контраста с блистающим морем. Я так и застыл с камерой. Тот миг, что пытался поймать на закате, показался забавой любителя. Вот же настоящая картинка, вот он, тот самый миг! Девушка на фоне серебряной дорожки, бегущей к луне по краю прибоя.

...Кажется, я становлюсь сентиментальным. Нет чтобы на девушке сосредоточиться – я ведь не старый, чуть за сорок, а все за картинками гоняюсь.

На ее месте я послал бы фотографа куда подальше, а она странным образом подчинилась, обмякла, я почувствовал, как расслабились мышцы под моими пальцами.

Две бывшие жены так и сказали: «Для тебя в фотографии весь смысл жизни, а мы на ее задворках». Не вместе сказали, конечно, поочередно. С первой разошлись через три года, со второй десять лет впустую. Ну, пусть так. В мультиварке рис и котлеты сами приготовятся.

Красива эта девушка. Но не фигурой даже, не белокурыми своими волосами. Люблю сдержанных. Не машут руками, не тараторят, не стараются понравиться.

- Инна, я извиняюсь, конечно, но можно с тобой еще немного поработать? А потом пойдем на стоянку. Луна, ты видишь, какая вынырнула!
- Опять вставать на кромку моря? – усмехнулась она. – Я без фонаря до машины теперь не дойду, снимайте уже, как там надо, я ваша пленница.
- Ты разуйся снова, ненадолго, не замерзнешь, я быстро, так лучше, ты как часть природы, и часыними, они бликуют, – заторопил ее со съемкой.

Инна встала на край берега, но была какая-то скованная, не как раньше. Видимо, повторение пройденного ей было не интересно, она зажалась, стояла как статуя, без живинки.

- Подними руки вверх, как на камне волосы перебирала, и ноги, ноги по-другому поставь! Одну надо устойчиво, а другую – на носок, как будто шагаешь. Да нет, не так!

Я начал сердиться, потому что луна уплывала, и такой шикарный кадр мог скрыться в пять минут, а тогда зачем вот это все? Хамством было с моей стороны подойти и взять ее под коленкой, да еще и провести рукой ниже, до щиколотки:

- Расслабь вот в этом месте, пальцами коснись камней, а пятка пусть висит над ними! Свободней!

На ее месте я послал бы фотографа куда подальше, а она странным образом подчинилась, обмякла, я почувствовал, как расслабились мышцы под моими пальцами. Поза была неустойчивой, долго не выдержит; я сделал пару кадров, да и луна уже светила одним только боком, заползая в свои темные одеяла.

- Все. Спасибо тебе! Шикарная будет картинка! А ты молодец, как настоящая фотомодел, – поблагодарил я Инну, испытывая удовлетворение от только что качественно сделанной работы. Стал укладывать технику в рюкзак, намереваясь идти к стоянке.

Инна снова села на камень и вдруг разрыдалась. Наклонилась, закрыла лицо руками, волосы скрыли все эмоции, и только вздрагивающие плечи сжимались вовнутрь, утончая и без того худенькую фигуру.

Перемена в поведении была столь быстра, что я растерялся. Ей не понравилось? Заставил позировать? Или пора домой, а я тут с луной забавляюсь? Может, обиделась, что за ногу взял? Да что такого, она мне в дочки годится, у меня и мыслей таких не было. С рюкзаком в руке я подошел к ней. Девушка не смотрела на меня, по-прежнему плакала. Полезла в сумочку за платком, стала вытирать слезы.

- Инна, что случилось? Комарик укусил? – нелепо пошутил я, стараясь побыстрее остановить эту сцену и поехать домой. Не люблю женских истерик, надоели за брачную жизнь.
- Комаров на море не бывает, – шмыгая носом, сквозь слезы ответила Инна. – Посидите со мной рядом, мне нужно успокоиться, а то машину не смогу вести.

Инна взяла с камня букетик белых маков, освободив место для меня. На скалах вдоль берега много цветов растет. А весной я тут багульник видел прямо над головой, он цеплялся корнями за выступы. Вдвоем на камне было тесновато, пришлось сидеть впритирочку. Она еще всхлипывала, каждый тяжелый вздох отдавался мне в плечо, получалось, что я тоже «успокаиваюсь» вместе с ней. Мне не очень-то хотелось слушать о причинах слез, дорога в город предстоит неблизкая, надо выдвигаться, что сидеть, на темное море смотреть?

Луна совсем зарылась в облака: ни дорожки от нее, ни рассеянного света, одно лишь рыжее пятно на черном теле тучи. Наше временное пристанище на берегу освещал только фонарь, батарейки хватит еще на полчаса, да тут идти по берегу до маши-

ны каких-то десять минут, нам хватит. Со стороны моря, наверное, эта картина смотрится романтично: двое на берегу, сидят рядком, говорят ладком. Сзади гора, уют, фонарь...

Инна наконец успокоилась и сидела молча. На свет фонаря прилетела белая бабочка, покружила вокруг нас и села на один из цветков в букете. Затрепетала крылышками, устраиваясь поудобней, но что-то не понравилось, взвилась, ушла в темноту.

– Вот и я, как эта бабочка, порхаю от одного мужчины к другому, только приземлиться вот так, даже ненадолго, у меня не получается, – произнесла Инна.

Я молчал. Что ей сказать? Сам в свои сорок пять не построил ничего путного. Фотоаппараты да архивы, вот и весь мой «жизненный багаж».

– Вы сказали «фотомодель», и я разревелась. Меня так парень презрительно назвал сегодня, когда мы ссорились, перекинулся весь. Кричал на меня, что не гоюсь ему: ни помыть, ни сварить. Запустил в меня телефоном, я только успела увернуться, айфон вдребезги о стенку. Чуть не в глаз, прямо в лицо метил, подонок! Схватил куртку и ушел. А я села в машину и поехала сюда. Мы здесь впервые с ним, также поздним вечером, вы понимаете, ну, это... Но он не вернется, два года я терпела, он унижал, я выше его ростом, говорил, что губастая, а это мои собственные, я ничем не накачиваю.

Я повернул голову и посмотрел на нее. Она тоже повернулась, как бы предлагая убедиться в натуральности вида. Слабый свет фонаря не давал различить цвет глаз (кажется, темные), губы и впрямь были пухлые, но не сделанные «уточкой» в кабинете косметолога, а просто сочные, рельефные.

– А вы женаты? – не отводя взгляда, спросила Инна.
– Был, два раза. Второй – неофициально. Сошлись, пожили, разошлись. Больше не тянет.
– И я не в первый раз на эти грабли. Как разобратся в вас, мужчинах? Мне двадцать восемь, и замуж пора, и детей, а все не то, не то... И каждый раз разочарование, но я не могу одна, мне страшно.

Ничего себе, подумал я. Не маленькая, как оказалось, во взрослые игры уже играет.

– Да как разобратся? Вначале все мягкие и пушистые, а потом как черт вселяется в бабу. Ой, прости! То есть я хотел сказать, что никогда не знаешь, чем все обернется. Вот мы, мужики, как о вас думаем: стерва или нет? Это только говорят, что со стервой интересно. Да ни фиги! Одна

сплошная нервотрепка! Никогда не знаешь, какой фортель еще выкинет. По началу вроде заводит, а потом надоедает, устаешь.

– Я скандалы не устраивала. Но ему не нравилось все!

– Что – все?

– Когда мы только начали жить, я картошку не умела толочь, мяла-мяла ее вилкой, а все равно комочки получались. Он ругался, что я неумеха, не могу даже пюре правильно сделать.

– Вилкой-то зачем?

– Все некогда было купить толкушку, я работаю допоздна, а в выходные то на море, то поспать хочется. В общем, плохая хозяйка, так и есть.

– Мои две жены блины пекли, перцы фаршировали, старались, но это не помогло, понимаешь?

– А что помогло?

– Ничего и не помогло. Терпели. Держались друг за друга: им – чтоб не страшно было, а мне – чтоб не скучно. Ну, и секс под боком. Чего уж греха таить, ты вроде взрослая уже. Ничего не вышло, как видишь.

– Тогда как надо жить, чтобы вышло?

Я не ответил, отвернулся и стал смотреть на темное море. Если бы спросить у него: эй, ты знаешь, как жить? А оно бы выбросило на берег бутылку с запиской, в ней рецепт счастливой жизни. Прочитал – и готово, выполняй, как написано.

Но море сегодня даже волну неохотно выдавало. Весной тут все шумело и перекатывалось, а сейчас только легкий шорох, равномерно так: «Шух, шух...» Ветра почти не было, что удивительно для этих мест с открытым выходом в океан, но вот такая выдалась луна: утихомирила природу.

Снова прилетела бабочка, та или другая, не знаю. Теперь села на руку девушке. Сразу – основательно, без метаний, будто прилипла к коже. Я знал, что глаза у бабочек находятся сбоку, много фотографировал их, научился подкрадываться. Даже знал ее название – павлиноглазка артемида. Сходство с павлином – из-за двух темных пятнышек на светлом фоне крыльев, и еще темней была их окантовка. Я читал мифы Древней Греции, Артемиды в них – всегда юная богиня охоты. Идеальной красоты создание!

Я осторожно, с тыла, занес руку над белокрылой гостьей и слегка прикоснулся к тельцу. Бабочка даже не вздрогнула. Чуть-чуть придавил пальцем, проверяя границы своей дозволенности, – она не возражала. Тогда я медленно стал гладить по туловищу, от головы к хвостикам крыльев. И еще раз. И еще...

Значит, так. Ничего не произошло. Сон, стечение обстоятельств, ночное видение Артемиды, улетела, не прощаясь, и была ли вообще? На этом все. Заканчиваем.

Кажется, она уснула. Или притворилась, или ей было приятно, и она хотела продолжать эту магию. Не знаю. Но бабочка по-прежнему сидела на руке Инны, не шевелилась, замерла. Спинка у нее была бархатная, она слегка продавливалась под моим неуклюжим, жестким пальцем.

Не знаю, сколько секунд это продолжалось, может, двадцать или тридцать, но павлиноглазка вдруг зашевелила лапками. Я не столько увидел это (свет от фонаря становился все слабее), сколько почувствовал какое-то движение под пальцем, и чуть ослабил силу своих движений. Она стала трепетать крылышками мелко-мелко, но не взлетела, а продолжила свой танец. Мне захотелось успокоить ее, и я легонько накрыл бабочку согнутой ладонью, оставляя под ней просвет для выбора действий.

Артемида предпочла свободу и, нащупывая дорожку хоботком и усиками, выбралась из этого «укрытия». Препятствием оказался мой большой палец, на него она перебралась с тонкого запястья девушки. Моя подвешенная кисть начала подрагивать, и, не желая спугнуть ночную гостью, я тихонько опустил ладонь на руку Инны. Все это время она наблюдала за моими играми с бабочкой и молчала. Сейчас, прикоснувшись к девичьей коже, я почувствовал, что она покрыта мурашками. Я ощущал их физически – как будто десятки очень мелких вулканчиков вдруг пробудились от спячки и вышли на поверхность.

Я даже растерялся. Что мне делать? Павлиноглазка перебирает лапками, хочет выбрать более устойчивую позицию, а я залип на руке Инны, соображая, какой сценарий будет дальше. Мы молчали, потому что Инна и я понимали: скажи мы хоть что-нибудь, бабочка тут же улетит. Любое дуновение, даже от наших слов, спугнет ее. Артемида продол-

жала свое путешествие по моей руке, Инна дрожала, с этим надо было что-то делать. К счастью, бабочка добралась, наконец, до моих часов, исследовать их ей не захотелось, и она легко покинула временное пристанище.

А мы остались. Моя рука лежит на ее руке.

Нелепая ситуация. Я совсем не хотел кадрить Инну, она же мне в дочки годится. Хотя нет, сорок пять минус двадцать восемь... Сколько же это будет? Семнадцать? Но я же не мог ее в том возрасте родить? Теоретически – то да, но практически – извините. Я только в армии расстался с девственностью. Слово – то какое дурацкое... О чем я вообще? Рядом сидит девушка, дрожит вся, может, от холода, а я тут цифры считаю.

Свободной рукой я обнял Инну. Она сразу обмякла, прижалась к моему плечу, как будто давно ждала этого. «Вулканчики» под моей ладонью растворились.

– Ты замерзла? – спросил я, но голос был какой-то чудной, хриплый, как будто не я, а какой-то царь морской из пучины произнес эти слова.

Инна сжала плечики еще больше:

– Немного. Прохладно стало.

– Ну да, луна не солнце, – брякнул я очередную банальность. – У меня куртка в рюкзаке, давай достану, укурю.

– Не надо, – тихо ответила Инна. – Мне тепло под вашей рукой.

Будь я не таким жестким, каким меня сделала жизнь, я бы знал, как поступить. Но я деревянный. Казалось бы, чего проще? Потянулся к тебе человек – откликнись. Трагедия у нее, хотя какая там трагедия? Все живы, здоровы, подумаешь, поцапались, разбежались. Детей нет, никто не тянет за рукав: «Папка, вернись!» С десяток еще таких парней будет, раз не вышла до сих пор замуж. А может, умная, поэтому одинокая. Был бы у меня ум – вообще бы не женился. Одна нервотрепка от этих браков. Да. «Хорошее дело браком не назовут», как говорит мой друг, Сашка-художник. Вот он вообще ни разу не был женат, а девушки к нему в мастерскую одна за другой вереницей тянутся. И по сей день, в его седые годы.

Что же с этой девицей делать? Прижукла, молчит. Но я не спасатель! Ее парень телефонами швыряется, а мне его грехи отмаливать? И что потом? Ну, будет у нас, а дальше? Встречаться у меня, или у нее, потом она замуж захочет, сама сказала: «Давно пора». Мне это зачем? Попользоваться и сказать: «Извини, наша встреча на берегу была случайностью»?

Я убрал свою руку с того места, где еще пять минут назад сидела бабочка. Значит, так. Ничего не произошло. Сон, стечение обстоятельств, ночное видение Артемиды, улетела, не прощаясь, и была ли вообще? На этом все. Заканчиваем.

Темную поверхность бухты вдруг осветил прожектор с катера: это пошел на ночную рыбалку любитель кальмаров. Луч света прохватил до острова Шкота, как бы говоря: дорога – там! Я убрал другую руку с плеча Инны и поднялся.

– Поздно уже, пойдем к машинам. Выбираться далеко и долго, грунтовка разбита. До освещенной трассы не меньше часа теперь пилить по темноте.

Инна все так же сидела на камне, глядя в одну точку. Туда, куда ушел ночной катер и унес с собой яркую вспышку. А наш фонарь уже почти не светит, его хватает лишь на пару метров вокруг. Я ждал, не бросишь ведь девушку тут. В конце концов, это я задержал ее здесь своими съемками при луне. Я чувствовал свою вину. Не за то, что использовал ее как фотомодель, совсем за другое: я не мог ответить на ее молчаливый вопрос.

«Возьмешь меня к себе хотя бы на эту ночь?» – вот что она говорила мне своим дрожанием, своими узкими плечиками, своим молчанием. «Я хочу тепла сейчас, натерпелась от парня, от других своих ровесников, а ты ведь взрослый, ты знаешь, как обращаться с женщиной. Покажи мне дорогу! Я хотя бы научусь у тебя, будет пример, как жить дальше...»

Но я плохой учитель. Сам не создал ничего путного в отношениях. И сейчас снова заводить эту тягомотину, которая все равно ничем хорошим не кончится? Я женат на фотографии – мне об этом сказали уже две жены. Но это неправда, я обычный, как все. Как шофер, как матрос, как инженер. Хотя, быть может, в силу профессии вижу в женщинах чуть больше, чем есть на самом деле. А потом происходят обычные бытовые конфликты, образ рушится. Карета превращается в тыкву, девушка – в ведьму. Я не хочу этого больше.

– Пойдем, Инна, – позвал уже настойчиво.

Она встала, подняла на меня глаза, многозначительно задержала взгляд, но я был непреклонен. Дурь? Ну вот так. Я не готов к отношениям. Не сегодня, не сейчас.

Инна повернулась и пошла по берегу первой. Я подхватил свой рюкзак и штатив, догнал девушку и пошел рядом с ней, подсвечивая гальку под ногами, насколько хватало мощности фонаря. Завернули за мыс, где стоял полукапонир с надписью про Пашку и Алину, и через пять минут мы уже были на сто-

янке машин. Вокруг мерцали огни костров, тянулся запах шашлыков: любители вечерних посиделок еще не все разъехались.

Инна подошла к своему «Сузуки-Свифт», достала из сумочки ключи от машины.

Я сказал ей:

– Дорога длинная, давай поеду впереди, буду обезжаты ямы, а ты вслед за мной. У меня джип мощный, не переживай, вытащу, если что. Заводи машину, я сейчас подгоню свою – и двинемся. Хорошо?

Инна опять подняла на меня глаза. Здесь, на поляне, было светлее, чем на берегу. Тарахтел генератор, подавая ток к лампе над сторожкой охранника стоянки, костры тоже добавляли света. Глаза у девушки оказались темными, я увидел их цвет. И грустными. Она согласилась:

– Хорошо.

Я вывел свой «Исузу-Бигхорн» из-под кроны деревьев, вывернул на грунтовку и подождал, пока малыш «Свифт» пристроится мне в хвост. Моргнув три раза фарами, дал знак: «Поехали!» Мотор заворчал недовольно: долго пришлось ждать водителя. Я прибавил газу, и мы выдвинулись в темную вереницу деревьев по обеим сторонам узкой дороги.

Скользкая от лесной сырости грунтовка петляла, как русло непокорной речки, ветки деревьев цепляли за крышу и бока машины. Мы пробирались по темноте час с лишним и наконец выехали на освещенную трассу. Как только машины почувствовали ровную поверхность, колеса их завертелись быстрее. Я вспомнил, что забыл спросить у Инны электронный адрес, да ладно, доедем до города, покажу поворотником, чтобы она притормозила на обочине, там и спрошу. Вот уже Русский мост, ограничение в шестьдесят километров, останавливаться нельзя, по двум полосам неслабый поток машин, все возвращаются с морских прогулок, а после моста можно опять увеличить скорость и быстро домчать до города, до уютной квартиры, выпить чая, а можно и коньяка, устал я что-то сегодня...

За рассуждениями я не заметил, в какой момент за мной не оказалось «Сузуки» с Инной. Вот точно, на мост мы заезжали вместе, я ловил в зеркале заднего вида ее фары, думал еще пропустить вперед. Дурак. Надо было сразу ей об этом сказать, что в городе она пойдет впереди, показывая дорогу к ее дому. А номер телефона не взял, да он вроде и разбит. Вот старый пень. «Езжай за мной, я выведу», умник. Где же она свернула? На Тихую

бухту прямо поехала? Может, ей в пригород надо? Или все же в город, а там за Улиссом пошла направо?

Я притормозил у обочины, пропуская следующих за мной, в надежде, что кто-то вклинился, подрезал ее «Свифт», и он отстал в потоке. Но проехало с десятков других машин, а Инны не было. Включил левый поворот, встроился в ритм дороги. Растерянно, на автомате, повел свой «Бигхорн» теперь без оглядки назад. И сказал сам себе: «Ну все, проехали. Ты даже номер машины не засек. Ты ничего не запомнил и ничего не понял в этой жизни».

Я крутанул ручку магнитолы. Там у меня заряжен диск группы «Мумий Тролль». Что выпадет сейчас? Медляк, такой редкий у Лагутенко, но вот сейчас как раз под настроение:

*И этот город останется также загадочно любим.
В нем пропадают такие девчонки.
И нам оставаться ночевать в нем одним...*

Аккордеон рвал душу, а я смотрел в лобовое стекло. Город блестел миллионом ночных огней. Но он был пуст. Для меня.

КОСТЕР

СЕРГЕЙ НОСАЧЕВ

Родился в 1986 году в городе Чехове Московской области. В 2000 году поступил в Ленинградское Нахимовское училище, где отучился два курса. Окончил Московский государственный университет инженерной экологии. Срочную службу проходил в Носмических войсках.

После демобилизации несколько лет проработал на ракетостроительном заводе имени Хруничева. Одновременно учился в Литературном институте имени Горького на Высших литературных курсах. Репортер, теле- и радиоведущий. Сейчас ведущий на телеканале «ОТР».

В 2015 году вышел сборник рассказов «По ту сторону листа». Шортлистер премии «Лицей-2018». Публиковался в журнале «Октябрь».

Гул шагов грозно и безапелляционно нарастал. Невидимые пятки редко били в тропинку из фанерных щитов. Костя сосредоточился на звуках, отчето они стали казаться тревожным боем индейского барабана.

– Ну вот и все, – прошептал Костя и с тоской посмотрел на молодую луну. – Кончилось свидание.

Хотел было сразу уйти, но решил выждать. Может, повезет, и пришелец долго здесь не задержится или вообще – пройдет мимо. Грохот сменился едва слышным шорохом – незваный гость перешел на траву, а значит, скоро проявится. Окрестности, особенно река внизу, тонули в густых тенях, но лысая макушка холма хорошо освещалась по-осеннему ярким звездно-лунным светом. Костя вглядывался в темную кайму поляны. Вот от нее отделилась тень. Свет мгновенно выбелил ее. Девушка. Она огляделась (зачем? Один черт ничего не разглядеть...) и вприпрыжку двинулась к центру поляны. Решив, что она здесь одна, гостья запрокинула голову и раскинула руки в стороны, словно на ней не было куртки и небо не дырявили звезды. Косте это понравилось, но в то же время стало немного неловко подглядывать за странными, даже интимными лунными ваннами.

– Ну, здравствуй, – тихонько проговорила девушка.

– Привет! – не удержался Костя.

Вскрик, нелепый прыжок спиной вперед, попытка развеять густую ночь внимательным взглядом.

– Извините, не хотел напугать. – Костя спрыгнул со скалы, на которой сидел, и спешно вышел на свет.

Первый страх прошел. Девушка достала телефон, и беспощадный луч фонаря ударил Косте в лицо.

– Жестоко. – Он зажмурился и стал тереть глаза.

– Сами виноваты.

– Это чем же?

– Напугали меня.

– Испугались вы сами. Я просто поздоровался. Будьте добры, уберите.

Девушка продолжала светить Косте в лицо.

– А вдруг вы нападете на меня?

– Если не прекратите – точно нападу.

Костя вдруг осознал, что рисуется, сам длит эту неприятность. Он развернулся, проморгался и пошел обратно к огромному валуну.

– А фонарь все же погасите. Раз пришли, то хоть не мешайте, – попросил он, располагаясь на скале.

Девушка переминалась в нерешительности, но все же выключила фонарь, и на поляне вновь возобновилась безмятежная ночь, еще более темная в обожженных светом глазах.

Костя вглядывал ее из темноты своего убежища. По ее коротким скованным движениям было понятно, что ей неловко и она не знает, уйти или остаться.

– Зря вы там стоите. Трава уже влажная. Ноги промочите. Заболеете...

– А можно к вам?

Костя достал телефон и высветил свой пьедестал.

– Забирайтесь.

Хотелось уединения, но именно этим отчасти и привлекало одиночество – что кто-то может заставить его за созерцанием бытия, увидеть в нем носителя тяжелых дум и восхититься. Неплохо начать разговор, когда собеседник априори считает, что у тебя может быть свое, обдуманное мнение, когда ты еще ничего и не сказал. Ты выше. Если человек кажется интересным – ты снисходишь, соглашаешься. Если нет – с видом оскорбленным оттого, что уединение нарушено, неделикатно просишь оставить тебя или уходишь...

Девушка была симпатичной, насколько Костя смог ее рассмотреть. И голос у нее был приятный по-особому. Он как будто был скомпилирован из нескольких дано знакомых голосов, очень близких, и эти звуки располагали Костю помимо воли.

– Не такой холодный, как я думала.

– Да. Не гранит... и день был солнечный, – зачем-то проговорил очевидное Костя. – Меня зовут Костя.

– Карина.

– Карина, – повторил Костя.

– Да?

– Это... нет. Я просто так. Пробую имя. Карина. Катерина и Ирина.

Карина молча отвернулась и уставилась в темноту. Косте хотелось говорить, но все, что приходило в голову, казалось банальным и нелепым, куда менее интересным, чем прохладное безголорье ночи (ничтожный повод, чтобы рушить монументальность этой тишины). Стало неудобно. Десять минут назад он смотрел на черное пыльное небо, глубоко в него, в космос, путешествовал по этой красоте, занырявая в фантазии и воспоминания. Этот калейдоскоп так увлекал, что Костя сидел неподвижно, не обращая внимания на затекшие ноги. А теперь он с диким усилием ставит мысли на рельсы этических размышлений: уместно ли заговорить? Как понимать ее молчание – может, она тоже хочет поговорить и так же не решается из стеснения, страха?

Но раз за разом мысли сбивались, врезаясь в собеседницу: ее духи, чуть слышное дыхание.

Она зашелестела курткой, заерзала.

– Все-таки холодновато.

Костя обернулся. Карина подпихнула под себя ладони.

– Встань. На вот, подложи.

Костя приподнялся и растянул из-под себя настлапника.

У нее было обручальное кольцо, но он все равно спросил.

– А ты?

– А мне замуж ориентация не позволяет.

– Не смешно.

– Ничутьточки?

Карина покачала головой.

– Ну и ладно, – демонстративно вздохнул Костя и продекламировал: «Но я останусь верен себе и продолжу глупо шутить».

– Какой же ты клоун.

Костя рассмеялся.

– Потому и не женат. Не намерен прогибаться ради женщины!

– Прекрати. А то уйду.

Карина, сама испугавшись своих слов, резко замолчала. Костя напряженно вслушивался в нее, но девушка умолкла, даже дышать стала тише; как будто в многоэтажке среди ночи разом погасли все окна и дом растворился в беззвучном городском небе.

– Я последнее время боюсь звездного неба.

Он специально искал в голове какую-то нетривиальную мысль и сооружал фразу-катализатор, но Карина промолчала. В этой неловкости и неудобстве Костя разом ощутил затекшие ноги и озябшую спину. Он выждал время и продолжил без ее вопроса.

– Там ведь есть кто-то. Это уже не просто предположение. Выкладок много и весьма убедительных теорий. И когда думаешь, что все, что писали Брэдбери и Стругацкие, не такая уж фантастика, становится тоскливо. Оттого, что я этого не застаю. Что фактически «рано или поздно» при нынешнем состоянии дел – звучит как «не в этой жизни». С другой стороны, мечтать о новых планетах, когда свою-то нормально не посмотреть, – это еще грустнее.

– Я замерзла.

Костя мысленно поблагодарил ее за деликатность. Монолог и впрямь вышел унылым.

Костя сдвинулся назад, смежив их спины.

– Так будет теплее, – сказал он и просительно добавил: – Не хочу уходить.

Спина Карины была удивительно горячей, и он прогнулся и расправил плечи, стараясь соприкоснуться с ней как можно шире. Интересно, его тепло она ощущает так же?

Скоро похолодало еще сильнее. На этот раз Карина ничего не сказала, но Костя отдал ей свою куртку.

- Может, просто пойдем?
- Есть идея получше. – Он спрыгнул с камня. За-
текшие ноги не слушались, и он едва не сломал
лодыжку. – Разведем костер.

– А если будут ругаться? Все-таки мы на террито-
рии пансионата...

- Ну... мы повинимся, раскаемся и пообещаем боль-
ше так не делать.

По поляне заплясал свет фонаря. Через пять ми-
нут Костя с видом знатока тщательно укладывал
мелкие хрупкие ветки «колодцем».

- Нам бы еще бумажку какую-то. – Он обернулся на
Карину.

Та протянула ему бумажный носовой платок.

Через минуту огонь установился, и Костя стал
ломать в него толстые сучья.

- Так значительно лучше. – Карина нагнулась
и протянула руки к огню.

- Давно надо было. Не хотелось портить пейзаж.

Карина огляделась – огонь высветил небольшой
круг поляны, но за границами круга темнота стала
гуще, отменив весь остальной мир.

- Очень красиво. И тепло.

Костя сидел на корточках у самого огня. Карина
сторонилась пахучего едкого дыма.

- Тебе не холодно?

- Нет. А тебе?

- Лицо и колени горят, а спина мерзнет.

Карина подошла сзади, прижав ноги к его спине.
На замерзшую спину словно вылили ковш сильно теп-
лой воды. По коже пробежали мурашки. И Костя слегка
откинулся на Каринины ноги, как на спинку кресла.

- Спасибо.

- А я вот всего несколько раз в жизни сидела
у ночного костра. Детство в городе. Никаких
пионерлагерей, походов и дач. Раз в год – на
море.

Костя промолчал и снова удивился сам себе.

В его жизни были сотни ночных костров, и он
мог бы часами выуживать трогательные воспомина-
ния, выстраивая образ романтика-походника, но он
молчал.

- Мне было лет пять-шесть. Родителей позвали от-
мечать папин выпуск из училища – не то чтобы
я помнила, они мне потом рассказали, – а меня
не с кем было оставить. И мы поехали куда-то
в лес. Этот старый желтый автобус. Мне долго
еще казалось, что он наш. Потому что там была
только родительская компания.

Я мало что помню. Едем в автобусе – и бах – мы
уже в лесу, ночь, костер, песни под гитару. Все чер-
но-оранжевое. Очень яркие улыбчивые лица, гром-

кие веселые голоса, которые разносились на весь
мир. Потому что было темно и тихо и только мы не
спали. Многие были парами. Мужчины оборачивали
жен в куртки, женщины клали головы мужьям на пле-
чи. Тихие поцелуи в волосы и лицо. Они передавали
друг другу кружки с вином. А я, помню, очень радо-
валась, что у меня была другая, не как у остальных,
кружка. Большая, с паром...

- С паром?

– Да. У меня-то чай был. Алюминиевая, горячая.
Ручка была замотана бечевкой, чтоб пальцы не
жгло, но брать ее все равно приходилось через
спущенные рукава. И она парила. Сейчас понят-
но, что все те люди – они самые обычные. Так же
ссорились, обижали друг друга, разводились. Но
долго все это было иконой семейного счастья.
Тайная вечеря. – Карина усмехнулась.

- Ну, сейчас никто не мешает...

- Да. Но и этого не делаю. Слишком накладно. Та-
щить в лес, готовить там, потом обратно, все
перестирывать от дыма...

- А на самом деле?

Карина задумалась.

- Первый прыжок с парашютом – всегда первый.
В какой-то момент просто испугалась. А если
все выйдет не очень? И тогда это «не очень»
останется более сильным и ярким и испортит то,
красивое и теплое.

- Ну, у тебя же муж...

- Муж... Это ничего не меняет. Даже наоборот. От
него будешь ждать чего-то и наверняка не до-
ждешься. Да и не люблю нарочитость. Ведь чтобы
получилось, должно хотеться в лес. А нам не хо-
чется.

- Если бы знал, что все так, не разводил бы...

Тут же острая коленка ткнула его между лопат-
ками. Костя едва не рухнул в костер. Он выудил из
кучки дров несколько палок и подложил их в огонь.

- Сейчас все очень свободные. Раскованные, сек-
суальные. Кажется, что не осталось ничего ду-
шевного. Точнее, осталось, но ощущается чем-то
постыдным. Проще раздеться, чем погладить по
волосам и поцеловать в макушку.

- Я бы погладил и поцеловал, но сижу слишком
уютно.

- Паяц.

- Отож!

Природа размеренно сопела. Невероятно длин-
ный, мелодичный вдох, осторожно шевеливший кро-
ны деревьев, шерсть спящих и недремлющих зверей,
ласкавший черный глянец воды у подножия холма,

и камни на скалистых вершинах, ворсинки на тельце самых ничтожных насекомых и саму тьму – через все это проходила ночь, напиваясь множеством незначительных звуков и превращая их в совершенно особенный род тишины. Можно было не чувствовать отдельных нот, но густоту и значительность их общности не отменил бы самый закоренелый прагматик. Косте хотелось говорить с Кариной. Не от переполненности чувствами и мыслями – что-то толкало касаться ее, пусть только словами, но касаться. Но тишина ночи казалась слишком плотной, как насыщенный раствор: еще один звук – и в секунду ночь закристаллизуется и рассыплется в пыль.

Редкие острые порывы ветра давали пощечины костру, обдавая пару мимолетным жаром.

– Через пару десятков лет я вернусь сюда. Там, может, все перевернется с ног на голову, а здесь останется так же. Лес, пансионат, останки горнолыжного спуска. Пожилой мужчина, тяжело осваивающий холм. Подъем не больно-то крутой, да. Но у меня будут больные колени и сердце или спина и сердце. Рядом будет восхищенно крутить головой мальчик – сын или внук. Из всех сил он постарается удерживаться от вопросов и слов. Слишком неприступно будет мое позерское молчание. Хотя тогда оно уже, может, будет просто возрастным. Здесь мы так же разведем костер. Шерудя палкой угли, стану кричать что-то вроде: «Вы разводите костры, только чтобы их фотографировать...» и, может быть, расскажу про этот вечер.

Карина рассмеялась.

– Почему ты сейчас думаешь об этом? – спросила она через время.

Костя пожал плечами.

– Потому что сейчас я только предчувствую значительность этого вечера. Что-то в нем есть такое, из-за чего я его не забуду. Но сейчас я не могу его распробовать, переварить. Нужно время. Пара месяцев или лет. Как с картиной – нужна правильная точка, чтобы увидеть ее верно и полностью.

Дерзкий порыв ветра хлестнул по хлипкому шалашу костра, на секунду раздув угли и высветив всю поляну целиком. Пламя тут же стихло, ватные ветки кедра с легкостью разлетелись, и на месте кострища теперь пульсировала мутная оранжевая лужа.

– Пойду еще хворосту наберу, – тщательно вываривая гласные, сказал Костя и ухмыльнулся своей пародии на деревенский говор.

Костер медленно иссякал. Он хотел было набрать еще топлива, но Карина его остановила: «Скоро

надо будет идти». Как ребенка, его внезапно и остро ранила конечность этого вечера. Любой костер обречен когда-то догореть. Он зажмурился, чтобы прочувствовать, что она права и что нужно идти.

Угли стали черно-красными, растратив все тепло.

Костя стал замерзать, но стоящая позади Карина, ее тепло вязали руки и ноги, как постель поутру, и тот же утренний стон пульсировал в голове: «Еще минутку». И он был благодарен девушке, что не торопит закончить этот вечер.

Он весь сосредоточился на ее ногах, греющих его спину. Чувствовал, как это тепло делит мир надвое, объясняя одновременно нечто грубое, первобытное и самое что ни на есть потаенное, хрупкое.

– Я завтра уезжаю. – Он поднялся, но не повернулся к девушке.

Костя смотрел сквозь деревья, где у подножия холма прятался пансионат. Одна мысль о железобетонных конструкциях, электрическом свете, городах и существовании множества людей, кроме них двоих, разбила изящную радужную конструкцию внутри Кости, и за секунду все внутренности посекло ее летящими осколками.

– Знаешь, о чем я думаю?

– Знаю.

Костя удивленно обернулся на девушку.

– Думаешь, будет ли в твоей жизни что-то хоть наполовину такое же романтическое, как замужняя я и этот вечер, – улыбнулась Карина.

– И?

– И мы уверены в том, что будет. – И когда Костя повернулся, уходя, добавила: – Или нет.

Они начали спускаться по холму, и он взял Карину за руку, чтобы она не оскользнулась. «Или нет», – звучало в его голове по кругу.

– Или нет.

Костя знал, что воздух напоен запахами, десятками ничтожных ароматов, создающих неповторимую общность. Но не ощущал этого. Остро захотелось узнать, какова Сибирь на вкус. Он снова пообещал себе бросить курить и тут же обреченно усмехнулся.

Наверное, давно пора бы смириться, что есть что-то недоступное. Может быть, совсем рядом, и в то же время недоступно, как звезды.

Он обошел поляну по кругу. В тени поблескивала шершавая, чуть замшелая грань скалы. В несколько затяжек он докурив сигарету и залез на камень. Темнота окружила, почти обняла. Он уставился в небо и прислушался. Где-то внизу, далеко, лениво плескалась река. Он знал это, но услышать не смог.

ДЕТСТВО В «ЮНОСТИ»

СЕМЕЙНАЯ ТАИНА

СОФЬЯ РЕМЕЗ

Родилась в Москве в 1983 году. Выпускница отделения истории искусства исторического факультета МГУ (2004), журналист, редактор журнала об архитектуре и дизайне («Интерьер+дизайн»), автор детских рассказов («Чиж и Еж», «Ностер», «Детская лите-

ратура: новые имена», 2017, 2020; «Нан хорошо уметь писать: выпускной», 2018), книг «Заметки Гоши Нуницына, ученика 4 "А" класса» и «Сережка и я» (2020).

Участница фестиваля «Молодые писатели вонруг ДЕГГИЗа» (2016), «Нан хорошо уметь писать» (2018), Форума молодых писателей

России, стран СНГ и зарубежья (Липки) (2016, 2019), семинаров молодых детских писателей (2017, 2018), семинара Союза писателей Москвы («Проза-1», 2019).

К утреннику в Сережнинском детском саду родителям надо было сшить зайца по выкройке. Когда мы с папой об этом узнали, переглянулись и хихикнули. Мама посмотрела на нас недобрый взглядом.

- Почему родителям задают эти дурацкие задания? — Мама очень смешно развела руками, и мы с папой снова развеселились.
- Будете смеяться — сами сядете шить. Я еще зернушку твою не забыла. — И мама ткнула в меня пальцем.

Я тоже не забыл зернушку. Первая и единственная поделка, которую я попросил маму сшить, была кукла-зернушка. В первом классе Людмила Васильевна задала нам всем такую зернушку на дом. Все понимали, что сами мы ничего сделать не сможем и шить, связывать и вышивать нужно родителям. Тряпичная кукла, набитая крупой или зерном, раньше на Руси была символом достатка: по преданию, она приносила удачу и богатство. К маме я тогда обратился без всякой надежды, однако она решила мне помочь. «Ну если удачу приносит, сделаю, конечно», — воодушевилась мама и сразу же взялась за дело. В интернете было множество схем и подробных описаний. Нужно было купить лоскут двунитки, грубой и плотной ткани, атласные ленты, тесьму и всякие яркие отрезки на одежду и косынку зернушки. Мама сказала, что идти в магазин за одеждой для куклы точно не собирается, и решила все сшить из старых папиных носков.

- По всей квартире валяются! Миллион носков — и каждый в единственном экземпляре! Теперь пригодятся, — потирала руки мама.

Действовала она не совсем по схеме. Прежде всего, набила старый папин носок гречневой крупой и перевязала другим носком посередине. Должны были получиться тело и голова. Гречка сразу растянула носок — голова вышла маленькой, а нижняя часть куклы расплылась в огромный нечеткий шар. Маму это все не смутило нисколько. Она долго рылась

в ящиках номода и наконец торжественно достала из самой глубины наную-то подарочную коробочку, перевязанную красной ленточной с золотой надписью.

— Вот! Вот вам и тесьма!

— Какая же это тесьма? — удивился папа. — Это же тебе на работе духи дарили!

— Терпеть не могу духи, даже не думала, что когда-нибудь пригодятся! Агодились! — Мама с азартом содрала ленточку, развязала бант и стала завязывать «тесью» на малюсенькой голове зернушки.

Папа тихо смеялся, а мне не до смеха было! Я смотрел, как мама делает зернушку, и понимал, что таную нунку будет стыдно приноситься в школу. Мама очень горда была своей работой. Готовая зернушка напоминала подтаявший снеговик, которому вместо головы налепили снежок. Маму я поблагодарил, но в школе зернушку никому не показал. И правильно сделал. Видели бы вы, каких потрясающих зернушек принесли мои одноклассники! Они были в точности как на картинке в учебнике, а некоторые даже лучше! Людмила Васильевна обещала тех, кто нунку не принесет, не ругать, и не ругала. И оценок плохих не ставила. В тот день мама прямо с порога спросила меня, как там ее зернушка понравилась Людмиле Васильевне. Я соврал, что очень понравилась, и достал нунку из рюкзака.

— Вот, Л. В. сказала, чтобы мы дома поставили на удачу.

— Конечно! — Мама поставила поносившуюся, расплывшуюся зернушку на полку, на самое видное место, там нунка и простояла, или, точнее сказать, пролежала, все более расплываясь, целых пять лет.

И вот настал Сережнин черед нести поделку. Зайца сшить. По выкройке. На всю субботу мы отправились на прогулку, освободив маму от всяких забот, то есть от нас с Сережкой и нашей болтовни. Всю субботу мама шила зайца. Результат впечатлил нас с папой до глубины души и даже Сережку развеселил.

— Это что? — спросил Сережка, пока мы с папой давились от смеха, пытаясь не показать маме, что нам смешно.

— Это твоя поделка. Заяц.

— Заяц? — засмеялся Сережка.

— Ну а похож на ного? — спросила мама у Сережки.

— На носок! — улыбнулся Сережка.

Тут уж мы не удержались и засмеялись в голос. Мама тоже засмеялась. Заяц был сшит из нескольких белых и серых папиных носков, так же как в свое время несчастная зернушка. Тело его больше напоминало тельце краба, одна лапа была пришита сильно ниже другой, голова болталась на ниточке, а нарисованные глаза были разного размера. Из зайца со всех сторон торчали нитки.

— Ну не умею я шить! — развела руками мама. — Возможно, они поглядят на этого зайца и поймут, что с нас взять нечего. Поделки — это не наш конек, то есть не конек нашей семьи...

— Не нашей семьи конек, — подтвердил папа.

А наутро на зайце появилась надпись маркером.

«Печаль будет длиться вечно», — было написано папиным почерком через все заячье пузо.

— Это что такое? — спросил я папу.

— Это последние слова художника Ван Гога.

— А почему ты написал их на зайце?

- Мне кажется, я просто прочел его, зайца, мысли.
Вечером, когда я вернулся из музыкальной школы, у двери меня встречал довольный Сережка.
- Смотри, что у меня есть! — хвастался он подарочной коробкой с конфетами, такой, какие дарят малышам на новогодних елках. — Я тебе не дам!
- Ни одной конфеты не дашь?
- Ну ладно, дам, — растягивая слова, улыбнулся братец.
В подтверждение он открыл коробку, но потом передумал и закрыл.
- Откуда у тебя конфеты?
- Подарок! — хитро улыбнулся Сережка и поспешил в комнату, прижимая к себе коробку.
- Это он за зайца получил, — выглянула из кухни мама.
- За твоего зайца?
- Ага, мой заяц стал лучшим на конкурсе зайцев! Воспитатели так решили. Мария Николаевна сказала: «Сразу видно, что ребенок сам участвовал в создании этой поделки».
- Но он же не участвовал!
- Не участвовал. Но, кроме меня, тебя, папы и Сергея, этого никто не знает. Пусть это останется нашей семейной тайной. — Мама торжественно улыбнулась мне и вернулась на кухню.

ТАЙНА ДЯДИ- МИШИНОЙ КУРТКИ

Папин день рождения начался как обычно — на даче, с его друзьями, с детьми папиных друзей, долгими взрослыми разговорами, которые мне всегда так нравилось слушать, с большим костром и всякими вкусно-стями. А закончился папин день рождения на следующее утро пропажей нуртни.

— Вот тут, на этом самом крючке висела! — Высокий, сонный дядя Миша стоял на террасе, смешно разведя длинные руки в стороны.

Почти все гости разъехались накануне, ночевать в разваливающемся дачном домике на раскладушках и в спальнях мешках остались только самые стойкие. Из этих стойких дольше всех спал дядя Миша, а когда проснулся...

— Ты поищи, вчера была прохладно, может, кто-то накинул. А потом где-то бросил, — посоветовала моя мама.

— Уже везде посмотрел!

— А в сараях?

У нас на даче целых четыре сарая. Это прочные деревянные домики, которые моя бабушка, папина мама, много лет заполняла вещами, которые уже не нужны были в городе, но могли когда-нибудь кому-нибудь пригодиться. Все эти вещи каждый год привозились сюда в мешках, тюках, коробках, контейнерах и пакетах, разбирались и систематизировались. На каждой коробке был наклеен подробный список всего, что в ней хранится. Сарай больше походил на архивы, сразу было ясно, что хозяйка этой дачи, моя бабушка, — настоящий научный работник. Это совсем не то же самое, что мамина мама, бабуля, бывшая антриса, которая никогда не знала, где у нее что лежит. Бабушка серьезно подходила к хранению ненужных вещей.

— В ваших сараях потрясающий порядок! Но нуртни нет, я искал!

— Давай я тебе свою нуртку отдам, — предложил дядя Сева.

Дяде Севе никогда не бывает холодно, он и зимой в одной толстовке ходит.

— Да мне не холодно, просто у меня в куртке ключи от квартиры. А дома никого. И до середины недели никого не будет.

— Ой, а от мотоцикла ключи тоже там?

— Нет, ключи от мотоцикла тут, со мной. К счастью, я вчера вечером за добавной торта ездил и ключи забыл обратно в куртку положить.

— Найдется куртка! Не могла же она сама уехать! У костра смотрел?

— Может, она сгорела? — предположила Саня, дочка дяди Севы.

Дядя Миша испуганно посмотрел на нее и пошел к тому месту, где вчера разжигали костер.

Малышня побежала за ним. Из малышей к утру на даче остались всего четыре человека: Марфа, младшая дочка дяди Севы и тети Наташи, мой брат Сережка и двое совсем микроскопических ребят, которые недавно научились ходить, — глазастая Ася, дочка тети Оли и дяди Вити, и Гриша, сын тети Маши. Во главе малышей командой бежал, конечно, Сережка, он всегда первый оказывается там, где происходит что-то интересное. Замыкал колонну Гриша. Иногда он уставал и полз по тропинке, потом героически поднимался на ноги и делал несколько неуверенных шагов. У костра куртка не нашлась. Дядя Миша даже рассеянно разгреб остывшие угольки палкой, пытаясь понять, могла ли куртка действительно сгореть. Малыши тоже набрали палок и быстро разметали остатки костра, попутно вымазавшись в сажу.

Все снова собрались у веранды. Дядя Миша уже не выглядел сонным, он здорово волновался. Оказалось, что паспорт дяди Миши тоже остался в кармане злополучной куртки.

Папа организовал поиски и предложил нам с Саней нурироваться малышей поисковый отряд — нашим заместителем я выбрал Сережку. Взрослые искали куртку в доме, а мы должны были обшарить каждый уголок придомовой территории. Дядя Миша уже ничего не искал. Он печалился из-за куртки и не верил, что она когда-нибудь найдется.

— В Москве человеку без паспорта лучше вообще из дома не выходить! А мне теперь даже выходить неоткуда!

Сначала мы с Саней пробовали раздавать задания, но быстро поняли, что малыши все время ходят только толпой, а за теми, которые не очень держатся на ногах, вообще нужен глаз да глаз. Накануне за ними приглядывали их родители, но сейчас эти родители были слишком заняты поиском куртки. Теперь передо мной и Саней стояла непростая задача заменить детям родителей и заодно прочесать сад. Малыши к своей задаче отнеслись серьезно. Гриша и Ася пытались искать куртку даже под землей. Они раскапывали маленькие ямки и заглядывали внутрь. Из ямок появлялась всякая живность, вроде червячков или жуков. Поиски превращались в археологические раскопки. Через час большие и маленькие поисковики снова собрались у веранды, где все еще сидел и печалился дядя Миша.

— Ничего! А у вас?

— А у нас вот! — Сережка аккуратно приподнял и показал лист лопуха, на котором сидела приличных размеров улитка.

Малыши восхищенно разглядывали попеременно улитку и Сережку, великого добытчика улиток.

Дядя Миша застонал и потер глаза пальцами.

И тут меня осенило!

- Слушайте, я знаю, где куртка! — Я выдержал паузу. Все смотрели на меня в нетерпении. — В ней кто-то уехал! Смотрите! На этом крючке висит какая-то куртка! Вот чья она?
- Взрослые переглянулись. На крючке действительно висела куртка, с первого взгляда было ясно, что куртка женская, с поясом, и маленькая, и к дяде Мише она никакого отношения не имеет.
- Чья куртка? — повторил мой вопрос папа, но все только пожимали плечами.
- Вот! Значит кто-то, кто уезжал вчера в темноте, случайно надел куртку дяди Миши. А свою забыл!
- Точно! Я вспоминаю! Ира уезжала в наной-то куртке вчера! — Дядя Сева даже хлопнул в ладоши, радуясь неожиданной догадке. — Гоша, ты молодец!
- Да, это ее размер, — покрутила в руках куртку тетя Наташа. — И Ира с самого начала была какая-то сонная. И даже прилегла поспать наверху! И уезжала она самая последняя, ночью, было совсем темно, никто не видел, в чем она была. Могла и не заметить, что захватила чужую куртку.
- Ну все понятно! Вот все и выяснилось! — Папа набрал номер и какое-то время прислушивался к гудкам в трубке. — Не отвечает!
- Это ничего, может, спит еще! Главное, мы теперь знаем, где куртка. Дядя Миша повеселел и пошел готовить угли для шашлына, малыши разбежались, а я все продолжал думать про куртку. В голове вертелись сюжеты из недавно прочитанных детективов про Эрнюля Пуаро. Почему тетя Ира взяла не свою куртку? Вдруг это неслучайно? Что связывает тетю Иру и дядю Мишу? Ничего! Они познакомились вчера. Все остальные гости были друг с другом знакомы, а дядю Мишу папа пригласил в первый раз.

Я достал из рюкзака блоннот, карандаш и написал на чистой странице:

«Тайна джинсовой куртки».

Мысли сами собой начали складываться в предложения. Я записывал свою версию событий, стараясь попутно определить мотивы каждого гостя. Я предположил, что куртку мог взять любой из уехавших гостей, каждый из тех, что оставались на даче, мог спрятать куртку в своих вещах, чтобы потом, когда шум утихнет, спокойно увезти ее домой! Своими соображениями я поделился с Саней, попросил ее внимательно следить за гостями. Саня сразу согласилась и решила замаскироваться: она взяла у дяди Севы темные очки, нашла на чердане шляпу — теперь она выглядела как настоящий шпион. В таком виде Саня ходила по дому и саду, внимательно наблюдала за гостями и записывала свои соображения в тетрадь. Через пару часов она предоставила мне полный отчет о проделанной работе.

ЗАМЕТКИ САНИ НИЩЕВОЙ

«Мой папа (Сева Нанищев) ведет себя странно, подозрительно. Приготовил две чашки кофе вместо одной, с самого утра жарит шашлыки, делает вид, что ничего не скрывает. Когда я появилась из-за дерева, на его лице я заметила испуг. Обычно папа никого не боится. Это очень странно и подозрительно.

Моя мама (Наташа Нанищева) ведет себя странно, подозрительно. Не взяла у папы чашку с кофе, время от времени осматривает вещи, как будто

что-то ищет или проверяет. Много болтает с другими гостями, но о себе ничего не рассказывает, только задает вопросы.

Моя собака (Юджин) ведет себя странно, подозрительно. Прячется за сараем, при виде Сережи, Аси или Гриши перебегает в кусты, не лает, не виляет хвостом.

Тетя Оля и дядя Витя ведут себя очень странно и подозрительно. Держатся все время вместе и не отходят от Аси. Время от времени кто-то из них уходит вместе с Асей на второй этаж. Когда я попробовала проследовать за ними, меня не пустили, попросили подождать внизу. Они что-то скрывают.

Гошин папа (дядя Тема Нуницын) ведет себя очень странно и подозрительно. Продолжает искать куртку, хотя все остальные уже перестали это делать. На завтрак съел большую порцию шашлыка! Выглядит уставшим, и это очень странно.

Гошина мама (тетя Таня Нуницына) ведет себя очень странно! И очень подозрительно! Собирает мусор в большие пакеты и относит их к калитке. Когда тетя Таня заметила, что я проверяю содержимое пакетов, она довольно строго сказала, что не стоит копаться в мусоре. Она точно что-то скрывает.

Тетя Маша ведет себя необычно! Она повсюду носит с собой фотоаппарат и все фотографирует. Тетя Маша единственная не ела на завтрак остатки вчерашнего именинного торта. Ее поведение наводит на подозрения».

Не успел я дочитать отчет, как папе удалось дозвониться до тети Иры. Она утверждала, что куртки у нее нет! То есть свою куртку она действительно забыла — ту самую, которая висела на крючке, но и чужой не брала. После таких новостей дядя Миша снова занервничал. Все успокаивали его, предлагали остаться пожить на даче, пока не найдется куртка.

— Как же я тут останусь! Мне на работу завтра! И у меня кошка дома одна! Придется дверь ломать! А дверь только недавно поставили! Новая дверь! Знаете, какая надежная! А сейчас праздники, коммунальные службы с перебоями работают! Где я найду в праздники трезвого слесаря?!

Все понимающе переглянулись. Всем стало жалко кошку.

— И паспорт! — продолжал волноваться дядя Миша. — Мой паспорт! Он мне нужен!

Дядя Миша сейчас был похож на Сережку, когда тот теряет какую-то из своих самых любимых машин.

— Все уверены в том, что тетя Ира говорит правду? — строго спросил я.

— Гош, ну не выдумывай! Зачем ей говорить неправду?!

— Вот об этом и надо подумать!

— Он начитался детektivов, ему везде мерещится заговор! — оправдывалась за меня мама.

— Может, и так, но куртка-то пропала.

Мы с Саней влезли на толстые ветки яблони, куда забирались уже много лет на утренний пикник после папиного дня рождения. Саню я видел только три раза в год — на папин день рождения, на мой и на Санин. Она была из тех друзей, которые тебе родные, даже если встречаешься с ними нечасто. Все потому, что дети друзей твоих родителей — если они тебе нравятся — легко становятся твоими друзьями. Мне нравится Саня. Она младше меня, и еще несколько лет назад я ее считал совсем малышкой.

– Первый торт слишком быстро разошелся. Некоторые взяли по два-три куска. – Дядя Миша с укоризной посмотрел на нас с Саней.

Но сейчас, на фоне нового поколения малышей, она, конечно, казалась уже большой. С Саней можно было играть в разные детские игры, и она никогда не говорила, что мы для этого уже слишком взрослые. Лазать по деревьям, носиться в догонялки вместе с малышкой, возиться с костром и рисовать горящим кончином ветки световые узоры в темноте. И обсуждать дело о потерянной нуртке в сложившихся обстоятельствах можно было только с Саней. Взрослые считали мои версии домыслами, а малыши еще слишком маленькие, чтобы всерьез с ними что-то обсуждать. Мы с Саней разбирали детали дела.

- Надо понять, какой мотив был у похитителя нуртни. Может быть, ему или ей было что-то нужно в дяди-Мишиной квартире? Или дяди-Мишин паспорт потребовался для того, чтобы изменить свою личность? Может, кто-то хотел прикинуться дядей Мишей... Тогда похитителем должен быть кто-то из мужчин!
- И кто-то, кто хотел бы исчезнуть по какой-то причине!
- Малышкой можно сразу исключить, — решил я.
- Да, крючок высоко, они бы не дотянулись.
- Я думаю, если нуртку не увезла тетя Ира... Тетя Ира вчера уезжала последней, помнишь, твоя мама так сказала? А все остальные гости уезжали, когда было светло! Нужно уточнить кое-что у дяди Миши. Мы спустились с дерева и отправились говорить со свидетелями.
- Дядя Миша, вы сказали, что вчера ездили за добавкой торта на мотоцикле.
- Ездил.
- А ключи от мотоцикла из нуртни брали, так?
- Из нее.
- Вспомните, в котором часу вы поехали за тортом?
- Ну... Первый торт слишком быстро разошелся. Некоторые взяли по два-три куска. — Дядя Миша с укоризной посмотрел на нас с Саней.
- Вспоминайте, дядя Миша, нам нужно знать точное время поездки, это важно!
- Я взял ключи, подошел к калитке, как раз уезжали Размахнины, я им рукой махал.
- Так, отлично. Значит, есть свидетели. А время не помните?
- Нет, не скажу. Счастливые часов не наблюдают. — И счастливый дядя Миша горестно вздохнул. — Но там еще Таня была, прощалась с Размахниными. Может, она помнит?
- Попробуем опросить свидетелей. Вы нам очень помогли, дядя Миша, теперь мы делаем все возможное, чтобы помочь вам. Следующим важным свидетелем оказалась моя мама.
- Мама, можно тебя на два слова?
- Что-то важное?
- Конечно! Мы расследуем дело о пропаже нуртни.

- Ну давай, спрашивай.
- Ты не знаешь, кто из гостей, если не считать тетю Иру, уехал последним?
- Знаю, это Размахнины! Я выходила с ними прощаться!
- Отлично! Получается, дядя Миша видел свою куртку уже после того, как последние гости уехали. Только тетя Ира еще оставалась. А ты не помнишь, в котором часу уезжали Размахнины?
- Не помню, но можно предположить, что было около семи вечера. Они сразу как приехали, извинились, что не могут остаться до утра, потому что ребенок у них с бабушкой, а бабушка его одна не уложит спать. И сказали, что к восьми им нужно быть дома. И друг другу все время об этом напоминали. Отсюда им чуть больше часа ехать — так что около семи.
- Мам, ты прям как настоящий детектив рассуждаешь! Горжусь тобой!
- Ну хоть кто-то мной гордится в этой семье.
- Ладно, Сань, теперь мы знаем все, что нужно. Пойдем нарисуем временную шкалу.
- А что это?
- Ну, это последовательность событий. Что за чем происходило. Так мы поймем, куда делась куртка. Пока мы явно что-то упускаем!

С нарисованной шкалой все события действительно обрели смысл.

Куртку видели в доме уже после того, как уехали все гости. Значит, никто из уехавших вчера куртку взять не мог. Если верить тете Ире, она тоже не брала куртку. Остаемся только мы — утренние гости. Мы с Саней исключили из числа подозреваемых себя, малышей и дядю Мишу. Саня хотела исключить еще и своих родителей, но я предупредил, что родственные чувства не должны помешать нам докопаться до истины.

Близилось время отъезда. Дача обретала допраздничный вид, дядя Миша метался в поисках куртки, а мы с Саней продолжали прокручивать одну версию за другой. Главная проблема была в том, что возможность спрятать куртку была у всех, а мотива для такого преступления ни у кого не было.

Наконец дядя Миша присел на коврик в большой комнате и сразу вскрикнул от боли: в комнате играли малыши и разбросали мелкие машинки и кусочки моего старого конструктора. Дядя Миша смахнул игрушки, сел поудобнее и глубоко задумался.

- Дядя Миша! Ваша куртка точно должна быть здесь! Мы продумали все и поняли, что куртка не покидала пределов дачного участка!
- Если только она не ушла сама, — хихикнула мама.
- Миш, зато у тебя ключи от мотоцикла остались! — приободрила дядю Мишу тетя Оля.

Гости развеселились и стали один за другим шутить о том, как весело жить в движении, и о том, что летом тепло и квартира не так нужна, как, например, зимой. Но потом все вспомнили про паспорт и про кошку и перестали веселиться.

- Он сидит на нашей парковке. И он ее испортил! — Это был Сережка. Они с Марфой, Асей и Гришей зашли в комнату и окружили дядю Мишу. Сережка невежливо уткнул указательный палец дяде Мише в спину.
- Сережка, это не ваша парковка, это ковер. И дядя Миша ничего не портил, это вы разбросали... Постойте! Откуда у нас этот маленький коврик? Я такого не помню!

Одна и та же мысль, вероятно, пришла в головы сразу всех гостей. Всех, кроме малышей и дяди Миши. Все бросились к ковринку и стали тянуть его из-под ничего не понимающего дяди Миши. Он вскочил и начал было протестовать, но коврик в развернутом виде оказался...

- Моя куртка! — Дядя Миша схватил куртку и проверил карманы. — Все на месте! — Дядя Миша закружился по комнате, обнимая куртку. — Братцы! Спасибо вам! Спасли! Я сейчас! Я вам еще один торт привезу! Надо же отметить!
- Ты только в куртке поезжай, — улыбнулась мама.
- Да я теперь даже спать в ней буду!
- Эх, — вздохнул Сережка. — Ну ничего, пойдем поищем другую парковку.
- Поищем, — так же печально вздохнула Марфа. — Хотя эту жалко, мы ее так долго вчера с крючка этого доставали.
- Зачем только дядя этот все испортил?

Вечером я сел и написал детективный рассказ о потерянной куртке. Только в моем рассказе куртку коварно спрятала и увезла тетя Маша, агент спецслужб, которой очень нужно было тайно пробраться в дяди-Мишину квартиру, чтобы выкрасть секретные документы.

«ПРАВДА» ШЕСТОГО «И»

Не знаю, зачем придумали классный час. Просто лишний урок, который никому не нужен. Но в расписании стоит. Елена Игоревна, наша новая классная, его проводит. А мы его высиживаем. Оле с Соней хорошо — они любят рисовать. Сидят себе, рисуют. Игорь на голове стоит. В переносном, конечно, смысле. Мы с Леной уроки делаем. Тайном. Потому что вообще-то классный час — для общеклассной работы. Что-то нужно делать всем вместе, а у нас вместе не получается. Потому что у всех интересы разные. Елена Игоревна предлагала спектакли ставить, но мы уже на этапе выбора пьесы все переругались. Даже до распределения ролей дело не дошло. Была идея классный час на свежем воздухе проводить, но и тут общего занятия для всех не нашлось.

— Давайте делать газету!

Елена Игоревна — она такая маленькая, голос у нее тихий, не все слышат, а кто слышит, те делают вид, что не услышали. Мне, может, и интересно было бы газету делать, но я сижу молчу. Потому что с нашим классом все равно наши не сварись.

— Давайте! — Это Даша. У нее голос о-го-го. Ее сразу все услышали. — А кто у нас будет главный редактор?

— Нуницын!

Я сделал вид, что задумался о своем.

— Гоша!

— Тут я.

— Будешь газету делать?

Мама всегда с упреком говорит, что я не умею вежливо отказывать. Так и есть, мне отказать неудобно, на все подряд соглашаюсь. В спектаклях играть, в конкурсах чтецов участвовать от школы... «Кто поедет? — Нуницын, он артистичный и хорошо запоминает текст». В олимпиадах... «Кто пойдет? — Нуницын, у него все пятерки». У Лени, может, тоже все пятерки,

Вообще-то я уже несколько раз был главным редактором. Во-первых, в младших классах делал журнал о свиньях. Во-вторых, совсем недавно издавал семейный журнал.

но от школы почему-то всегда меня везде суют. Ну и ладно, я уже привык. Но газета эта...

Вообще-то я уже несколько раз был главным редактором. Во-первых, в младших классах делал журнал о свиньях. Во-вторых, совсем недавно издавал семейный журнал. Это я сам придумал — делать журнал в последней нашей итальянской поездке. Чтобы не скучать во время тихого часа. Тихий час ввела мама. И никакой это не час, а три часа — чтобы они с папой могли поболтать и посмотреть кино, пока Сережка спит. «После обеда всем полезно поспать». Папа с ней, конечно, согласился, хотя после еды спать не очень-то полезно. Вот я и болтался без дела, пока не придумал журнал делать. Маме, конечно, предложил. Она же журнальный редактор.

— Ну давай. Ты придумай структуру — рубрики, из которых журнал будет состоять. И манет сделай, я тебя учила индизайном пользоваться.

И дай мне какую-нибудь простую рубрику — я ее сделаю и в самом конце журнал отредактирую.

Неплохо, да? То есть я весь журнал буду делать один. Ну да ладно. Придумал я рубрики — о путешествиях наших, о насекомых, которые нас кусали, об итальянском языке и итальянской кухне, о фильмах, которые мы успели посмотреть, о музыкальных инструментах и музыкантах. И нужно было какую-то Сережину рубрику сделать. Я придумал, чтобы Сережка истории рассказывал и рисовал к ним картинки. Я бы эти картинки фотографировал и вставлял в верстку. Я рисую не очень, а Сережкины рисунки считаются лучшими в его малышовой детсадовской группе. И истории он рассказывает неплохие, правда, однообразные. Во всех Сережковых историях непослушный мальчик превращается в какую-нибудь машину. В экскаватор или там в грузовик. А концовку он из моих историй про волшебный лес берет. Мальчик этот, который грузовик, оказывается в страшном лесу с волками, замуривает глаза, обещает больше не хулиганить — и пожалуйста, вот он уже дома, у мамочки под боком, ест всякую вкуснятину и смотрит мультики.

С этой Сережиной рубрикой больше всего сложностей возникло. Историю он мне быстро наговорил: мальчик превратился в поезд, поезд поехал в лес, там, понятно, волк, дальше «извините меня, пожалуйста, не буду больше» — и к маме. Завязка, кульминация, развязка, в лучших традициях мировой литературы. А вот с рисунком вышла история. Я заточил карандаши, нашел фломастеры и альбом и пошел Сережку уговаривать иллюстрацию нарисовать.

— Сережн, давай я тебе твою историю почитаю, а ты мне нарисуй.

— Давай нарисую! — охотно согласился Сережка. — Только сначала мне надо булочку.

Я принес булочку.

Ты Сережу не торопи! Художник —
творческая работа, не терпит суеты.
Он должен работать в своем ритме.
В Сережкином ритме можно до
морковкина заговенья работать.
Но я терпения набрался. Пусть рисует.

- И сон!
Сходил за соном. Сережна долго и с удовольствием ел булочку, запивал ее соном, а я держал бумагу и карандаши наготове. Наконец булочка закончилась, и Сережна прыгнул со стула.
- Ты нуда? Ты мне рисунок обещал!
- Да я тебе нарисую вечером!
- Так уже вечер!
- Ну ла-адно. — Сережна снова взгромоздился на стул.
Я зачитал Сережке историю.
- Нужно поезд нарисовать. Лес и волна.
- Сначала я нарисую дорогу, по которой идет поезд, — важно сообщил Сережна, взял самый бледный серый фломастер и стал водить по бумаге. Назалось, он о чем-то глубоко задумался.
- Хорошо, Сережна, дорога уже есть. Теперь нужно нарисовать поезд!
- Нужна дорога! По которой поезд пойдет!
- Так ты ее уже нарисовал!
- Я еще хочу!
Тут, в самый неподходящий момент, конечно, нарисовалась в дверях мама.
- Ты Сережу не торопи! Художник — творческая работа, не терпит суеты. Он должен работать в своем ритме.
В Сережкином ритме можно до морковкина заговенья работать. Но я терпения набрался. Пусть рисует.
Сережна долго рисовал дорогу, потом задумчиво отложил фломастер.
- Ну что, готова дорога? — нетерпеливо спросил я.
- Готова.
- Вот тебе новый листок! Нарисуй поезд!
- Сережна снова взял серый фломастер и начал водить по бумаге.
- Тут будет дорога, — уверенно заявил художник.
- Как? Опять?
- Нет, тут будет страшная дорога! Дорога в лесу! По ней поедет поезд!
- Лес-то нарисуй! И волна! Страшного волна нарисуешь?
- Нарисую. Вот тут будет поезд!
- А ты можешь для поезда взять другой цвет?
- Нет, я хочу серым!
Я достал из Сережкиного ящика с игрушками паровозин.
- Вот, смотри! Нарисуй с натуры! Вот такой поезд!
- Вот ви-идишь, — протянул Сережна, — этот поезд серый!
- Согласен! Нарисуй серый!
- Сережна снова задумался и продолжил рисовать дорогу.

- Ладно, не надо поезд. Волка нарисуй! — Я подложил брату чистый лист бумаги.
Сережна хитро улыбнулся и занес над бумагой свой серый фломастер.
- Умоляю! Только не дорогу! Волна!
- Да. Но сначала дорога. — Он был неумолим.
- А давай сразу поезд!
- Да! Но потом!
- Гоша, дай ему отдохнуть, он тебе завтра нарисует. — Мама тут как тут со своими ценными предложениями.
- На следующий день у Сережни вообще вдохновения не было. Я ходил за ним с альбомом и фломастерами до вечера, а он — ни в накую.
- Я его целый день уговариваю нарисовать волка! Что ему стоит? — пожаловался я маме.
- Сереженька! Помоги Гоше! Нарисуй ему...
- Лес и волна, — вставил я.
- Нет! Лес я не буду! Только волна!

ЗОИЛ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕКТАР

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ СЕЗОНУ ПРЕМИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» ИМЕНИ АРСЕНЬЕВА

ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО
Журналист, прозаик. Родился в 1980 году в Иркутской области, вырос и живет во Владивостоке. Окончил журфак ДВГУ. Автор документального романа «Правый руль» (2009, переведен на японский), беллетризованной энциклопедии-путеводителя «Глобус Владивостока»

(2012), фантастической киноповести «Владивосток-3000» (2011, в соавторстве с музыкантом Ильей Лагутенко), книги «Христалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях» (2015), биографии «Фадеев» в серии «Жизнь замечательных людей» (2017), романа «Штормовое

предупреждение» (2019, в соавторстве с Андреем Рубановым), «Олег Нуваев. Повесть о нерегламентированном человеке» (2019, в соавторстве с Алексеем Норовашно).
Лауреат Общероссийской литературной премии «Дальний Восток» имени В.Н. Арсеньева.

В декабре 2019 года в Москве впервые вручали литературную премию «Дальний Восток», носящую имя путешественника, ученого, писателя Владимира Арсеньева.

Премия заявлена как общероссийская, жюри возглавил столичный писатель (но, заметим в скобках, сибирский депутат) Сергей Шаргунов. Дальневосточники составили в жюри достойное — директор Приморского музея имени Арсеньева Виктор Шалай и глава издательства «Рубеж» Александр Нолесов, — но все же меньшинство.

У иных моих земляков-дальневосточников возникли претензии и к решениям слишком «столичного» жюри, и к тому, что премия вручалась в Москве. Но во всяком другом случае она рисковала родиться провинциальной в плохом смысле слова (провинциальность бывает разная; одну надо выдавливать по наплев, другую — беречь и культивировать). Этого, к счастью, не случилось.

Прописка претендента роли не играла — лишь бы его произведение имело отношение к Дальнему Востоку. Это тоже правильно.

В номинации «Нрупная проза» победил Андрей Геласимов — столичный писатель с мощным зауральским анамнезом (родился в Иркутске, учился в Якутске) — и его роман «Роза ветров» о подвиге Геннадия Невельского. Последний в 1849 году открыл, что устье Амура — судоходно, а Сахалин — остров, что стало предпосылкой для скорого занятия Россией Приамурья и Приморья. В «Малой прозе» победил житель Якутска, хирург по профессии Анатолий Слепцов с рассказами «Честные люди» и «Быков мыс». Лауреат в «Детской прозе» — жительница Санкт-Петербурга Анастасия Строкина с книгой «Нит плывет на Север». Каждый из лауреатов получил по полмиллиона рублей.

Шорт-листы бывают репрезентативнее списка лауреатов, так что назовем некоторых финалистов (упомянуть всех, пусть они нас простят, нет возможности).

Помимо романа Геласимова, в короткий список попала еще одна книга, уже успевшая хорошо прозвучать, — антиутопия «Остров Сахалин» известного фантаста, детского писателя Эдуарда Веркина.

Из менее раскрученных на общероссийском уровне финалистов отметим Олега Сидорова — публициста из Якутска, автора ЖЗЛ-биографий якутского революционера Максима Аммосова и филолога, этнографа, писателя Платона Ойунского.

Обратил на себя внимание рассказ уральца Андрея Томилова «Лунса и мотор» о старике удэгейце, да и весь таежно-охотничий цикл «Пленники тайги».

Сразу двое приамурцев (Алексей Воронков с романом «Албазинец» и Нина Дьякова с пьесой «Горький хлеб Албазина») обратились к одной теме — потере Россией в XVII веке Албазинского острога, из-за чего русским пришлось на полтора века оставить Амур и двигаться на восток по «северам» — через Якутск к Аляске. Тема отнюдь не местного значения, просится даже кино... Но, кажется, это сегодня нереально: Россия с Китаем дружит и взаимные старые раны беречь не хочет.

Житель Владивостока, в прошлом офицер-подводник Юрий Нрутских выпустил роман «Намрань» об одноименной военно-морской базе СССР-РФ, действовавшей во Вьетнаме в 1979–2002 годах.

Исследование хабаровчанина Александра Леонкина «Город Бонивур» посвящено последнему советскому городу, заложенному на Амуре в 1986 году и вскоре abortированному. Кстати, столичный «Пятый Рим», издавший эту книгу, выпустил уже целую историческую серию на дальневосточные темы. Тут и мемуарный сборник «Усмирение Китая» о том, как Россия в 1900 году в составе международного альянса подавляла «боксерское» восстание и штурмовала Пенин, и еще один сборник «Гражданская война в Якутии», и «Гвардии Намчатна» история Николая Манвелова о том, как гарнизон адмирала Василия Завойно в 1854 году, в ходе Крымской войны, отбил нападение англо-французской эскадры на Петропавловский порт, сколь бы сюрреалистично все это сегодня ни звучало.

...То, что двое из троих лауреатов живут в столицах, не удивляет. В высшей лиге за наш депрессивный и малолюдный регион чаще всего играют именно легионеры из центра страны, начиная с гончаровского «Фрегата «Паллады» и чеховского «Острова Сахалина».

Традиция, возникшая в царские времена, продолжилась в революционные (Владивосток, куда поэты и артисты бежали от Гражданской войны, ненадолго стал столицей русского футуризма) и советские. В 1930-х Дальний Восток — стройная и передовая — испытывал настоящее паломничество кинематографистов и литераторов: прозаики и поэты Пришвин, Гайдар, Фраерман, Симонов, Диновский, Сельвинский, двое Некрасовых — Виктор и Андрей (так что у капитана Врунгеля — тихоокеанский бэкграунд), Долматовский, Назаневич, режиссеры Васильевы, Герасимов, Довженко... Если первое десятилетие XX века, отмеченное русско-японской войной, родило вальсы «На сопках Маньчжурии» и «Амурские волны», то четвертое, прошедшее под знаком противостояния уже Советского Союза с той же Японией, — «Натюшу» и «Трех танкистов».

Была и другая волна, несшая литераторов на восток, — подпольная, до поры потаенная. Вернувшиеся — Шаламов, Заболоцкий, Домбровский, Жигулин... — продолжили традицию русской тюремной литературы.

В отличие от Владимира Нарбута, погибшего на Нолыме, и Осипа Мандельштама, умершего в пересыльном лагере Владивостока.

Следующий писательский «призыв» был (условно) романтически-шестидесятилетним — в широком диапазоне от геолога Олега Нуваева, отправившегося исследовать Чукотку геофизическими методами и переклывшегося на исследование человека методами литературными, до баталиста Александра Проханова, первой горячей точкой которого стал в 1969 году лед Уссури у острова Даманский, и Юлиана Семенова, нашедшего прообраз Владимирова-Исаева-Штирлица именно на Дальнем Востоке (менее известно, что забугорный «двойник» последнего, флеминговский Джеймс Бонд, тоже бывал во Владивостоке).

В новое время эстафету приняли Александр Кузнецов-Тулянин (роман «Язычник» о курильских рыбаках), Евгений Гришковец («Как я съел собаку» о флотской учебке на острове Русском), Михаил Тарновский («Тойота-Креста» о праворульных машинах, но на самом деле не о них), Виктор Ремизов («Воля вольная» об охотских браконьерах), Леонид Юзефович (документальный роман «Зимняя дорога» о якутском походе генерала Пепеляева 1923 года), тот же Андрей Геласимов, Александр Нуланов (биограф создателя самбо Василия Ощепкова, отца советской шпионской книги Романа Нима и разведчика Рихарда Зорге, каждый из которых был связан и с Дальним Востоком, и со спецслужбами, на чем в разной степени погорел), Алексей Норовашко (биограф арсеньевского проводника Дерсу Узала и Олега Нуваева), Алексей Винокуров (роман «Люди Черного дракона», аттестуемый как «амурские сказки», в 2018 году вышел в финал «Большой книги»), Андрей Рубанов, который, едва попав в Приморье, взялся за «Штормовое предупреждение», Евгений Попов, спродюсировавший сборник рассказов «Поезд идет на восток», авторами которого стали его студенты — слушатели Высших литературных курсов (составитель — Максим Шикалев)... Почти все названные авторы, подчеркну, живут в центре страны, а иные даже за границей, как прозаик из Швейцарии Элеонора Фрай — автор романа «По дороге в Охотск». Так что «поворот на восток», похоже, происходит не только в кремлевской политике. Не удивлюсь, если со временем до Тихого океана доберется Алексей Иванов, уже пробившийся с Урала в Сибирь.

Литературные Урал и Сибирь, если уж мы их упомянули, явно плодотворнее Дальнего Востока, что объяснимо: история русского освоения этих земель глубже, людей там живет больше, обуславливая неизбежность перехода количества в качество. Сибиряки Распутин, Астафьев, Шукшин, Вампилов не были талантами местного значения (правда, тот же Шукшин реализовался все-таки в Москве).

Доныне едва ли не единственным бесспорным литературным «гением места» нелокального масштаба, реализовавшимся именно на Дальнем Востоке, а не в столицах, остается самородок Арсеньев — пехотный офицер из Петербурга, в 1900 году переведенный в Приморье.

(Это не значит, что других не было — конечно, были, чего стоит хотя бы литературная династия, основанная Николаем Матвеевым-Амурским и включающая Венедикта Марта, Ивана Елагина, Новеллу Матвееву; и все-таки.)

Рядом с Арсеньевым хочется назвать партизана, ученика Владивостокского коммерческого училища Александра Фадеева, но как писатель он состоялся опять же в столице, хотя продолжал арсеньевскую линию и всю жизнь использовал приморский материал (вплоть до — снажу

Хорошие издательства на Дальнем Востоке, как ни странно, имеются. Но до относительно широкого читателя (сосредоточенного в Москве, Петербурге, нескольких миллионниках) их книги доходят плохо, с помехами, как SOS в шторм.

неочевидную вещь, но могу обосновать, — «Молодой гвардии» о подпольщиках Донбасса).

Несложно назвать целый ряд очень достойных авторов, работавших на Дальнем Востоке в позднесоветское время, но, к сожалению, известных за пределами региона слабее, чем они того заслуживают: покойные Иван Басаргин, Александр Плетнев, Станислав Балабин, Владимир Илюшин, Геннадий Машкин, Анатолий Нлещенно, Юрий Вознюк, Николай Рыжих, здравствующие Владислав Лецин, Радмир Норенев, Анатолий Буйлов, Владимир Санги...

Реалии нашей центростремительной страны: чтобы тебя заметили, издаваться нужно в Москве или Петербурге.

Говоря о тех, кого сегодня хорошо знают за пределами Дальнего Востока, назову прозаика и художника Лору Белоиван, живущую в приморской Тавричанке, где она создала реабилитационный центр для тюленей. Книги Белоиван издавались в Москве и Петербурге («Чемоданный роман», «Нарбид и амброзия», «Южнорусское Овчарово»), выходили в финал «НОСа», Довлатовской премии, «Новых горизонтов». Замечательный прозаик из Владивостока Евгений Мамонтов (ныне живет в Красноярске, в сентябре прошлого года его рассказы вышли в «Новом мире») в 2015 году попал в финал премии «Ясная Поляна».

Хорошие издательства на Дальнем Востоке, как ни странно, имеются. Но до относительно широкого читателя (сосредоточенного в Москве, Петербурге, нескольких миллионниках) их книги доходят плохо, с помехами, как SOS в шторм. С удовольствием назову владивостокский «Рубеж» Александра Колесова, магаданский «Охотник» Павла Жданова, камчатскую «Новую книгу», которой руководит Александр Смышляев, якутский «Бичин»... Последнему, как мне рассказывали, помогают власти Якутии, но это скорее исключение. Чаще всего главное слово, определяющее жизнедеятельность зауральских издателей, — не «бизнес», а «энтузиазм»; рынок ограничен, логистика сложна и так далее.

С другой стороны, поддержка властей (как и «невидимая рука рынка») — штука о двух концах. Не потому ли вышедшие при помощи какого-нибудь чиновника или бизнесмена книги часто оказываются в лучшем случае альбомами о красотах природы, а в других случаях — «датскими» изданиями о юбилеях предприятий либо откровенной графоманией?

Из сравнительно недавних изданий «Рубежа» отмечу «Плавание «Баррануды» Джона Тронсона (записки британского моряка, в 1850-х посетившего берега, где через несколько лет появится Владивосток;

англичане и французы составляли карты этих мест, давали мысам и бухтам свои названия — история могла пойти совсем по другому пути...), первый том «Антологии литературы Дальнего Востока», двухтомник «Шествие с Востока» критика Александра Лобычева, книгу забытого сатирика начала XX века Федора Чуданова — «амурского Саши Черного», стихи Геннадия Лысенко, эссеистину Ильи Фалинова... На особом счету — двухтомник стихов и прозы Арсения Несмелова, серии «Восточная ветвь», где вышла проза дальневосточных эмигрантов первой волны Михаила Щербанова, Бориса Юльского, Альфреда Хейдона, и «Архипелаг ДВ», представляющая писателей второй половины XX и начала XXI века: Басаргин, Илюшин, Владимир Семенчин, Борис Назанов... Пожалуй, самая ожидаемая новинка — четвертый том первого полного собрания сочинений Арсеньева (а самое, на мой взгляд, интересное — письма и дневники Владимира Нладиевича, многие из которых не печатались и не расшифровывались, — запланировано на пятый и шестой тома; ждем).

«Охотник» издал трехтомник Альберта Мифтахутдинова (1937–1991) — первое собрание магаданского прозаика, когда-то широко печатавшегося в Москве и за рубежом, а позже полузабытого, как, кстати, и главный певец Чукотки Юрий Рытхэу, который в 1990-х и нулевых много писал, но его книг наш читатель не видел (зарубежный — видел). Здесь же, просто по ассоциации, хочется назвать The Siberians Фарли Моуэта — отличную книгу канадского биолога и прозаика, приятеля Рытхэу и Мифтахутдинова, о поездках в СССР 1960-х — от Москвы до Магадана. В Союзе Моуэта издавали много («Не кричи: волки!», «Нит на заклание», «Люди оленьего края...»), но «Сибирянов» не перевели — возможно, из-за ироничности автора, при всех его симпатиях к русским; а потом стало не до Моуэта — надеюсь, не навсегда. Упомяну также «охотничью» серию геологических, дальстроевских мемуаров (хорошо бы нам взяться и за морские), документальный роман Рудольфа Седова «Золото Розенфельда», детскую книгу «Волшебная Нольма» московского писателя Андрея Усачева, фотоальбом Павла Жданова «Исчезающее прошлое», запечатлевший руины нолымских лагерей в их сегодняшнем состоянии...

Вспомнить всех и все, повторю, нет возможности.

Остались кое-где на Дальнем Востоке и литературные журналы, но в условиях, когда рушатся даже столичные «толстяки», состояние здоровья этих последних мамонтов примерно понятно. Даже леопардам проще: их-то в Приморье берегут и бунвально заставляют размножаться.

Интернет, хотя и несколько нивелировал различия между столицей и провинциями, вовсе не решил всех проблем. Напротив — создал новые: избыток информации, как оказалось, — не меньшая проблема, чем ее дефицит.

В условиях технологической революции и доступности полиграфических мощностей расцвел новый самиздат, назавшийся раньше приметой сугубо «тоталитарного» времени. Результат чаще всего предсказуемо слаб, но нет правил без исключений в спектре от прозы и мемуаров до публицистики и краеведения. Правда, читателю из другого города эти книги чаще всего недоступны — в отличие от изданий, которые выходят под серьезными брендами и поступают в книжные сети хотя бы крупных городов.

В последние годы дальневосточное поле стали возделывать самые разные авторы, но целые пласты целины остаются неподнятыми; по-прежнему — избыток материала при нехватке летописцев. Взять хоть сопри-

носовение востока России с Азией или же исторические сюжеты — от «незначительных войн» (например, чукотских и камчатских, к которым примеривался еще Пушкин) до великого русского переселения на восток конца XIX века. Либо, если прыгнуть на век вперед, — 1990-е годы на Дальнем: они, на мой взгляд, пока лучше всего отражены в текстах нехудожественной природы — труде автомеханика Сергея Норниенко «Ремонт японского автомобиля» и учебнике профессора-юриста Виталия Номоконова «Организованная преступность Дальнего Востока». Хочется, чтобы до широкого читателя дошел отличный дебютный роман Игоря Нротова «Чилимá» — именно о Владивостоке 1990-х.

Надеемся на появление новых хороших книг как столичных «очарованных странников», так и провинциалов (по месту жительства и темам), которых бы при этом не считали «провинциальными авторами». «Основные издательства и журналы, главные литературные премии... по-прежнему сосредоточены в Москве... Но вот переселяться начинающему литератору в столицу теперь необязательно», — пишет в «Российской газете» прозаик Роман Сенчин — сибиряк, состоявшийся в Москве и живущий ныне на Урале.

Открытие и освоение Дальнего Востока продолжаются. Газопроводов, портов, погранзастав мало. Литературное освоение, прописка территорий в пространстве культуры, включая продолжение «дальневосточного текста» отечественной словесности, — это, не побоюсь пафоса, задача государственная, имеющая прямое отношение к конституционному понятию территориальной целостности. Именно культура позволяет большой стране, разделенной расстояниями, тарифами и судьбами, ощутить себя единой. Здесь очень важны среда, институты: издательства, библиотеки, журналы, магазины, фестивали, премии (включая новорожденную Арсеньевскую, которая должна жить), писательские резиденции... Если малек симы не выйдет на океанский простор — он не вырастет в полноценного красивого лосося, оставшись на всю жизнь симпатичной, но мелкой речной пеструшкой.

ЖОЭЛЬ ДИККЕР: РОМАНЫ ФАЛЬШИВЫХ ФИНАЛОВ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства

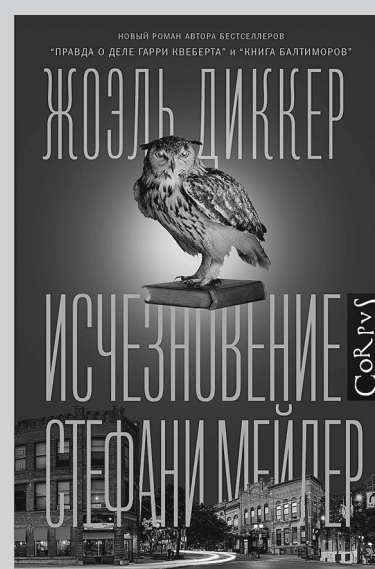
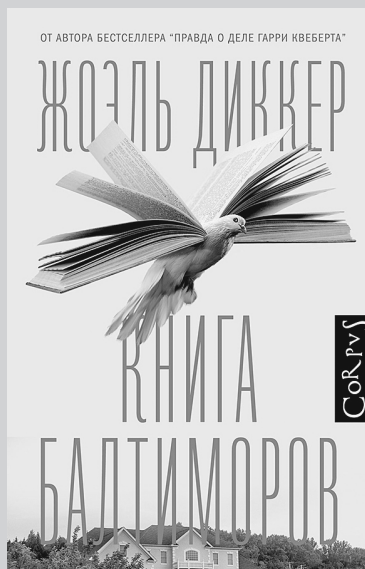
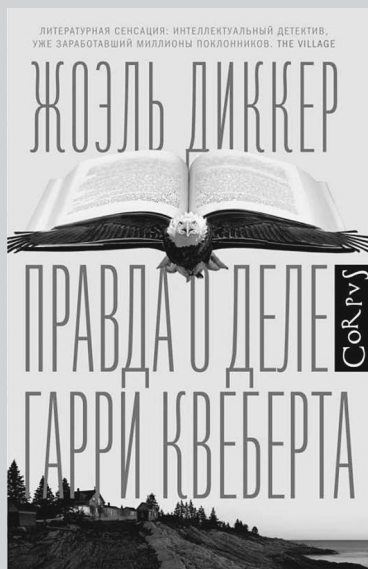
«Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник «Российской газеты».

Пишущий на французском языке швейцарский писатель Жоэль Диккер ворвался в европейскую литературу в двадцать семь лет с романом «Правда о деле Гарри Нвеберта» (2012). Сегодня книга издана в тридцати странах и получила Гран-при Французской академии, Гонкуровскую премию лицеистов и *Prix de littérature française aux Pays-Bas*. Это было бы удивительно и само по себе для столь молодого автора, однако истинное положение дел еще невероятней. Дело в том, что «Правда о деле...» — шестая книга Диккера — и вторая опубликованная. Двумя годами ранее, в свои двадцать пять, он получил Премию женеvских писателей за книгу «Последние дни наших отцов». На русский язык «Правда о деле Гарри Нвеберта» была переведена в 2014-м, в «Нига Балтиморов» — в 2017-м, а «Исчезновение Стефани Мейлер» — в 2019-м.

«Правда о деле Гарри Нвеберта» — тот случай, когда ты, взглянув на фотографию молодого автора с внешностью голливудского актера на четвертой сторонке переплета, с легким скепсисом садишься в кресло с семисотстраничным томом — и дальше все кан в тумане. Захлопнув наконец прочитанную книгу, задним числом понимаешь, что в перерывах в чтении успел пару раз сходить на работу.

Сюжетная воронка затягивает читателя во все новые и новые детали и подробности, напряжение нарастает, версии возникают одна за другой — и так же стремительно отменяются. Все это делало «Правду о деле Гарри Нвеберта» идеальным материалом для сериального сценария. И он, разумеется, немедленно появился — и оказался весьма неплох. Что, впрочем, неудивительно, потому что режиссером стал Жан-Жан Анно, который в 1986 году снял «Имя розы» с Шоном Коннери и Кристианом Слейтером.

В своем мастерстве закрутить спираль сюжета до предела Диккер не уступает, например, Дороти Сэйерс с ее блестящим умением

выстроить и выдержать интригу (тем, кто не знал или забыл, можно порекомендовать выпущенную несколько лет назад тем же издательством Corpus серию о Гарриет Вэйн в новых переводах), а Агату Христи и вовсе зачастую в этом превосходит. Ключевое отличие детективов Диннера от классиков жанра — той же Христи или Нонан Дойля — состоит в том, что главные герои Диннера — люди неисключительных способностей и опыта сыска. А самые обычные, не обладающие ни феноменальными знаниями, ни выдающейся наблюдательностью и памятью, ни особенной способностью к дедукции. События в значительной степени сами ведут героев, подкидывая им версии и варианты. Писатель бросает читателю одну наживку за другой, наблюдает покровительственно и скептически, как тот ее заглатывает, и, приятельски похлопывая по плечу, заявляет:

— Догадался? Но дело в том, что все было совсем не так...

Вроде бы умение для детективного жанра не уникальное. Но как ему удастся проделать это раз десять за роман так, чтобы каждая версия была громом среди ясного неба, решительно непонятно. Когда я пытаюсь представить себе план работы Жоэля Диннера над книгой, я вижу лист ватмана, мелко исписанный именами персонажей и испещренный стрелками и схемами.

Сюжет «Правды о деле Гарри Квеберта» вызывает неизбежные ассоциации, во-первых, с набоновской «Лолитой», а во-вторых, с линчевским «Твин Пинсом». С «Лолитой» все лежит совсем на поверхности: любовь совсем юной (правда, у Диннера пятнадцатилетней, а не двенадцатилетней, как у Набонова) девушки Нолы и гораздо более зрелого мужчины в литературе теперь навсегда несет набоновскую печать: будь то «Вспоминая моих грустных шлюх» Габриэля Гарсии Марнеса или «Испуг» Владимира Мананина.

С Линчем связь более глубокая, чем просто расследование убийства юной жительницы небольшого городка, всеобщей любимицы, умницы и красавицы. Для Динкера оказывается важным показать хаос, скрывающийся за оболочкой тихой и спокойной жизни. Подобно тому, как Твин Пинс разъедаем тайнами и страстями, когда у каждого героя полон шкаф самых разных скелетов (у самой Лоры Палмер прежде всего — и потому с режиссерской точки зрения гораздо проще было ее убить с самого начала и уже потом, через других персонажей, разбираться со всеми ее ангелами и демонами), у Динкера и Аврора в «Правде о деле Гарри Нвеберта», и Орфеа в «Исчезновении Стефани Мейлер» полны самых неприятных тайн и сюрпризов. Столько фальшивых концовок и детективных мистификаций потому и оказываются возможны, что у каждого из героев так или иначе рыльце в пушку. Это, конечно, не герметичные детективы, но то, что действие происходит в маленьком городе, позволяет добиться сопоставимого с ними саспенса — жители городка знают друг друга много лет, и один из них неизбежно убийца.

Фирменный прием писателя — расследование событий многолетней давности, которые теперь, в настоящем, по какой-то причине оказываются актуальны вновь. В «Правде о деле Гарри Нвеберта» таким сюжетным толчком становится найденный труп Нолы и выдвинутые Нвеберту обвинения в убийстве. Чтобы спасти учителя от электрического стула, главный герой Маркус Гольдман начинает распутывать этот клубок — как оказывается, не ниток, а змей. Во втором романе — «Ниге Балтиморов», — которому присущи черты и семейной саги, и детектива (впрочем, на этот раз без классической детективной завязки), таким спусковым крючком для флешбэков и воспоминаний становится встреча героя с бывшей возлюбленной, подругой детства, оказавшейся участницей давних драматических событий в семье героя. «Нига Балтиморов», обладая набором традиционных динкеровских «фишен», тем не менее совершенно иная по духу и сюжету, чем его первый роман. А в третьем — «Исчезновении Стефани Мейлер» — писатель решил вернуться к комбинации, принесшей ему мировую славу. По сути, использован тот же «стартовый набор»: небольшой провинциальный городок, показанный на контрасте с Нью-Йорком (для Динкера вообще характерно это неанцентрируемое, но явное противопоставление), жестокое преступление, совершенное много лет назад и требующее, чтобы к материалам дела вернулись сегодня, тайны всех, кто так или иначе оказывается в писательском фокусе, и множество ловушек, псевдоподсказок читателю и фальшивых финалов. Вслед за Линчем Динкер вновь нам доказывает, что совы (и все остальные вместе с ними) не то, чем кажутся. И если уж начали проводить параллели с «Твин Пинсом», то тут возникает еще одна, неявная. Сняв два выдающихся сезона своего сериала и выждав двадцать пять лет, Линч выпустил третий. Третий сезон был совсем как настоящий: с постаревшими, но все теми же героями, узнаваемыми кадрами и приветами из прошлого. Все в нем было, но он, как фальшивые елочные игрушки из известного анекдота, не радовал. Жюэль Динкер своей третьей книгой — спустя не двадцать пять, конечно, а всего шесть лет после выхода первой, — решил повторить произведенный ею фурор. И преуспел в этом значительно больше, нежели Линч, но все же «Исчезновение Стефани Мейлер» оставляет легкое, едва уловимое ощущение вторичности и самоповтора. Вроде бы и сделано снова очень мастеровито, и сюжет другой, и про истинного преступника догадаться так же трудно, потому что автор то и дело подсовывает нам

Чувствовать сюжетный нерв и изящно поигрывать на нервах читателей Жоэль Диккер умеет как никто другой.

новые обманки, но как только писательский прием оказывается обнажен и понят, книга теряет немалую долю своего обаяния. Хотя вполне допускаю, что это могут быть издержки восприятия читателя профессионального, которому профдеформация мешает просто следить за развитием событий и заставляет обращать внимание на множество экстрасюжетных деталей и особенностей. Если же цель наша — хороший, качественно скрученный динамичный детектив с элементами триллера, то автор с задачей справился прекрасно: что-то, а чувствовать сюжетный нерв и изящно поигрывать на нервах читателей Жоэль Диннер умеет как никто другой.

В «Исчезновении Стефани Мейлер» довольно много для романа о маленьком городке действующих лиц, в которых иной раз немудрено запутаться. Предыдущий мэр Орфеа, убитый в собственном доме вместе с женой и маленьким сыном в день открытия первого театрального фестиваля; и новый мэр — тоже с женой. Предыдущий начальник полиции (который оказывается связан с женой нынешнего мэра) — и новый. И множество героев вокруг: кто-то сделал за эти два десятилетия головокружительную карьеру, а кто-то потерял все. Теперь — новый фестиваль и новое убийство, определенно связанное с тем же делом. Духи прошлого никак не уйдут, и все действующие лица событий двадцатилетней давности теперь совсем на других ролях. На прежних местах (и то специально для расследования) оказываются только полицейские Дерек и Джесси, которые когда-то раскрыли это дело, но, как показали дальнейшие события, ошиблись. И теперь возвращаются, чтобы исправить свои ошибки. Диннер умеет выжать максимум из каждого персонажа, даже самого, на первый взгляд, второстепенного. По мере отработки той или иной версии каждый из них демонстрирует полный свой спектр от жертвы до преступника. Как Хоакин Феникс в роли Джонера выходит за рамки привычного антигероя из нон-фикшена, становясь одновременно заложником и жертвой обстоятельств — и величайшим злодеем, так любой самый тихий и незаметный герой в романах Диннера (или тщательно смоделированных автором догадках читателя), по крайней мере, на краткое время, примеряет на себя главную роль преступника, сюжетного центра, человека с двойной жизнью и жуткими тайнами. Писатель раскрывает характеры и фобии героев через возможные мотивы преступления и делает это филигранно.

В 2000 году американский журналист и писатель Джон Сибрун в книге NOBROW описал новую общественную систему — «культуру супермаркета», пришедшую на смену классической иерархической системе. По словам Сибруна, начало этим изменениям было положено в 1962 году, когда Энди Уорхол выставил в галерее «Стейбл» тридцать два полотна, изображавших банки супа «Нэмпбелл». В этот момент граница между «высоким» и «низким» рухнула безвозвратно.

Диннер, говоря языком Сибруна, безусловный представитель NOBROW: создавая свои детективные романы (то есть работая в «низком» жанре),

он в границах этого жанра не остается. Главный герой «Правды о деле Гарри Нвеберта» — успешный молодой писатель Маркус Гольдман, и его линия — линия поиска писателям себя, страха второй книги, обучения литературному мастерству — не менее важна в композиционном целом, чем собственно сюжет с расследованием. В «Ниге Балтиморов» семейная история и элементы романа воспитания и вовсе доминируют над условно-детективной составляющей. Наиболее «классический» детектив у Динкера получился в «Исчезновении Стефани Мейлер», но и там заявлены множество других, более глубоких тем: мук творчества, театрального успеха, карьеры и поставленной на карту личной жизни, жертв ради семьи или собственной карьеры. Один из героев Динкера, сокрушаясь о своем общественном положении, говорит о том, что не мог себе позволить написать детектив, потому что это жанр низкий, уважения не заслуживающий. Нажется, вводя этого персонажа, Динкер одновременно и поиронизировал над собственным писательским триумфом, и щелкнул по носу снобствующих критиков. Если банка супа может быть большим искусством, почему детектив не может быть большой литературой?

WAKE UP NEO!

РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН МИХАИЛА ЕЛИЗАРОВА «ЗЕМЛЯ»

АГЛАЯ НАБАТНИКОВА
Родилась в Новосибирске в 1982 году. Окончила ВГИК по специальности «режиссер». Автор фильмов «Юнгфрау», «Нимфа» и других. Дебютный сборник рассказов «Рехилинг» вышел в 2019 году в издательстве «Эксмо». Член Союза российских писателей.

Публикации: Textura, «Знамя», «Горький», RT на русском, сборники «Я научила женщин говорить» (ч. 2), «Новые писатели», «Рунопожатие нирпича», «Женский денатмерон».

Слово «*культовый*» давно стало неприличным. Однако свежая глыба (800 страниц) от давно молчавшего Михаила Елизарова написана именно в жанре культового готического романа, причем с ярко выраженным национальным колоритом. Эта пузатая, как будто покрытая патиной времени книга потеснит на полках «Чапаева и Пустоту» Пелевина и «Тридцатую любовь Марины» Сорокина — давно снучавших и глядевших в пустоту *после постмодерна*. Елизарову удалось переосмыслить дикий глум классиков 90-х над русской действительностью и переплавить в неореализм, не выплеснув по дороге мистической подоплеку и ментальной игры. Это удивительно!

Внешняя сторона дела такова: молодой, сильный от природы очкарик Владимир Кротышев идет в армию, в стройбат. Там он научается ремеслу землекопа — в любых условиях и любым инструментом он теперь может выкопать могилу. Отслужив, он никак не может найти себе дела, но встречает старшего брата Никиту, настоящего бандита из Подмосковья. У бандита есть невеста Алина — интеллектуальная красавица, немедленно влюбившая в себя и Володю. Кротышев-младший следует за белым кроликом, вытатуированным на плече девушки, совершает грехопадение и оказывается крепко втянутым в похоронный бизнес Загорсна и сопутствующие разборки. Не раз Владимир проходит на волосок от смерти, пользуясь своими преимуществами — богатырской силой в сочетании с чувствительностью и умением схватывать на лету. Парень не блещет ни образованием, ни богатством, однако девушки его любят и ему везет. Одно из объяснений — Владимир любим потусторонними силами: инициирован с детства кладбищенским духом. Дух смерти и неисповедимые его пути среди живых и есть основная тема «Земли» — русской готической библии.

У романа, по слухам, будет продолжение в двух томах. Это немного скрадывает серьезный недостаток книги — драматургическую невнят-

ность. Начавшись бодро и реалистично коллизией между братьями, действие уверенно растворяется к середине повести, потеряв из виду брата, уведя на задний план *Шамаханскую царицу*, которая все это закрутила. Автор неожиданно сосредоточивается на схоластических головоломках (они же бандитские рамсы), оставляя читателя к финалу абсолютно растерянным. Получив неуверенный, несклепистый хеппи-энд в отношениях Алины и Владимира, читатель так и не получает объяснений прежним мотивациям героев. Оказаться посреди оборвавшейся дороги тем обиднее, что Елизаров ведет читателя нарисованно мелкими шажками — проза перенасыщена деталями и подробностями жизни. В конце концов становится непонятным, во имя чего в первом акте навешано столько ружей, зачем было знать все цвета, запахи и звуки, мимо которых прошел герой на своем долгом пути. Возможно, излишняя многословность — результат страгемы «*не летать три года, чтобы потом взлететь высоко*». Елизарову необходимо доказать серьезность намерений и выдать объем «кирпича»: подтвердить нвалификацию (предыдущая книга вышла в 2012 году, творческий огонь уходил в сторону авторской песни).

Несмотря на существенные недостатки, «Земля» — новаторский роман, и в этом его главная сила. Елизаров мастерски владеет языком, в данном случае никто не перепутает авангард с детскими наранулями. Стилистически оставаясь в рамках классического реализма, автор говорит о потустороннем: играх ума в калейдоскопе зыбкой реальности — прием безусловно неожиданный и удачный. Таким образом читатель присутствует вместе с героем одновременно в двух пространствах — и это достаточно честный эффект магии. Является ли автор чернокнижником — вопрос, но материалом владеет в полной мере.

Концепции немецко-итальянской философии умело вплетены в суровую отечественную реальность, легализуя таким образом субкуль-

туру поклонников Мартина Хайдеггера и Юлиуса Эвола. У героини, помимо прочих символов, вытатуирована и свастика: *если близко лисий хвост, значит, близко лиска*. Последователи Алистера Кроули (ребята, кстати, вам на терапию!) тоже найдут в книге много хвостов, хотя мистическая жизнь бедных студентов и жертвоприношения в хрущевках высмеяны автором по полной программе.

Интереснейший эффент — там, где взгляд *прогрессивного* зрителя уперся бы в обшарпанный фасад: тяжелые условия армейской службы, грязные заборы и коррупция — Елизаров устремляет свой взор глубже, показывая читателю, что это лишь внешние проявления мистической сути пространства — язык, на котором говорят с Нео партизаны матрицы или дүхи (тут каждый понимает по-своему). Этот подход выдает как любовь автора к Родине, так и его шаманские задатки: как известно, у шамана на бубне изображена карта местности.

Гладбища, морги — пристанища смерти давно влекут Елизарова, повесть «Ногти» с героем, который делает посмертный манияж трупам, вышла еще в 2001 году. В «Земле» тоже есть загадочная героиня — работница морга, искусно наводящая марафет понойникам. Девушка противопоставлена хищной Алине, *принцессе мертвых*, причем не только внешне. Одна эффентна как кинозвезда (приводится даже конкретный ориентир — фильм «Перевозчик-2»), покрыта философско-сатанинскими татуировками, алчна и беспринципна, другая влечет скромной, неявной красотой, русской носой и по-пионерски четким пониманием добра и зла. Одна готова сожрать героя как самка богомола: ничтоже сумняшеся давит монтировкой «биологические» наручные часы одного из братьев, мистически связанные с его жизненной силой, оставляя второго брата в сомнениях, — не было ли это сделано наугад, без понимания, чьи часы приносятся в жертву, ведь у братьев они одинаковые; вторая — помогает герою в критический момент, буквально показав скрытый путь, дав преимущество в делах и подняв авторитет среди бандитов.

В «Земле» очень мощные героини, которые вынесут этот роман как кони, со всеми его слабостями. Создать сильного современного героя нелегко, и Елизаров успешно решает эту проблему, опираясь на хрупкие девичьи плечи. Алина — долгожданная русская Марла Зингер, как будто вышедшая из «Бойцовского клуба» с косяком в зубах, но узнаваемая и живая, *наша*. Привлекательная и отталкивающая одновременно, парадоксальная и напризная. Она — умнее и морально сильнее героя. Опытная жрица собственного культа, грамотно подводящая Владимира к воротам в потустороннее. Привороженный герой до конца сомневается, то ли он жертва в ее хитром плане, то ли Избранный, Нео, которому улыбнулась удача. Невозможность осознать свое положение, ожидание любого удара держит героя мертвой хваткой, обнажая природу страсти — насилие и борьбу.

В который раз замечаю: если у автора-мужчины хватает силы духа поставить героя в очевидную эмоциональную зависимость от женщины, в нижнюю позицию, то автор только выигрывает, попадая сразу в правильный узел, в правильный код реальности. Как ни странно, герой не становится в ведомой позиции ни нюней, ни тряпной, ни поднаблудчиком, а напротив, приходит к себе и своей суперсиле.

Вова Нротышев — выходец постсоветской эпохи героев-негероев — наивный, болтающийся в нравственной путанице, как *цветок в проруби*. Ему сложно определиться, правильны ли его поступки — предатель-

Глубина дискурса соответствует Виктору Пелевину — от него взят прием превращать любой разговор или дурацкое словосочетание в символическую головоломку.

ство брата, предательство братвы, — в конце концов он просто следует своей интуиции и выходит условным победителем — влияющим на реальность, добившимся уважения. У героя-негероя есть несколько качеств, делающих его симпатичным несмотря на несимпатичные поступки: исключительная физическая сила и умение постоять за себя (как нам всем этого не хватает); внимательность к людям, проистекающая из уважения, — Кротышев не ставит себя выше других, напротив, наблюдает и прислушивается с позиции ученика, срисовывая у авторитетов (в число которых входит, на удивление, и женщина) знания и навыки. В итоге деликатный подход плюс везение (все помнят про Избранность духом смерти) делает простоватого Володю главной надеждой сообщества магов из похоронного бизнеса.

Маги в романе представлены иерархически разнообразно — от подробно описанной субкультуры «розенкрейцеров в рваных носках», которые отвисают ночами на кладбище со «жрицами чипсов» из спальных районов, до богатых гостей из Москвы, ведущих высокопарные споры об устройстве мира на вычурно усложненном языке, звучащем для непосвященных как эсперанто. Эти же высокопоставленные гости определяют нашего Нео на *курсы повышения квалификации*. Можно предположить, что Владимир включен в круг патрициев, управляющих в России сферами смерти.

Глубина дискурса соответствует Виктору Пелевину — от него взят прием превращать любой разговор или дурацкое словосочетание в символическую головоломку. Однако, в отличие от Пелевина, Елизаров достаточно утверджен в реальности как героев, так и родного языка, с которым у Пелевина более напряженные отношения. Автор «Земли» любит своих героев, уважает людей, имеет координаты добра и зла, Родины и любви к женщине, поэтому позаимствованные приемы производят другой эффект, совершенно не похожий на ту глумливую иронию, которая утомляет однообразием у мастера русского постмодерна. Все эти *«гностические письмовники»*, *«дазайны»*, *«песок засыпал снег»* и прочие размышления о бытии превращаются во флирт с интеллектном читателя, оставляя благодаря параллельному действию в материальном мире некоторую лазейку для безнадежных. В любом случае краткий курс по немецкой философии и бытовому шаманизму послужит если не tutorialом, то аттракционом — допустим, буддистские аллюзии Пелевина тоже мало кто понимал на должном уровне, но развлекались все.

Даниилом Багровым, то есть героем поколения и *доброй с кулаками*, Вове Кротышеву не стать, не хватает принципов и ясности мышления, но зачатки Нео в нем присутствуют. Причем Нео из отечественной матрицы — со всеми ее «воинами-строителями», жрицами, работающими секретар-

шами у мэра, заледеневшей землей под могилу, схемами заработка на трупах и горюющих родственниках, разборками между государством и частным бизнесом.

Wake up Neo! The Matrix has you*.

Финал «Земли» и есть условное пробуждение Neo в управляемой реальности. Посмотрим, что же он станет делать дальше, если дождемся продолжения.

Если вы увлекаетесь мистической литературой, от Германа Гессе до Юрия Мамлеева, знаете, кто такие Эдуард Лимонов и Александр Дугин, а также не чураетесь контркультурного экстрима, «Земля» станет достойным приключением для вашего ума и сердца, хотя путь познания окажется воистину долгим.

Дорогу осилит идущий!

* Цитата из фильма «Матрица»: «Проснись, Нео. Матрица имеет тебя».

НЕФОРМАТ

↑ Фаина

В этот год, почти булгаковский, нельзя было быть уверенным, солдат какой армии стоит перед тобой. Но солдат улыбнулся. Он побежал к машине, что-то взял и вернулся к Фаине с огромной коробкой сникерсов, которые они с братом потом уплетали за обе щеки почти месяц.

– Я тогда всем и всегда говорила, что живу в Новороссии. Потому что мне было очень обидно, что на карте Украины в одном из учебников брата на переднем развороте не было Луганска. Контуры были такие же, как и везде, все областные центры подписаны, а вот именно такого областного центра, как Луганск, не было, – говорила мне Фаина.

Маленькая белобрысая девочка, она спасалась от войны тем, что много читала. Лето 2014 она запомнила не по обстрелам, а по сказкам Оскара Уайльда. А сама начала писать, когда ей исполнилось десять.

– Сама писать начала, когда узнала, что Андрей Усачев, мой любимый писатель, приезжает в Луганск и детская библиотека объявила конкурс на лучший рассказ по его произведениям. Победителей должен был награждать сам Андрей Алексеевич. Мне очень хотелось встретиться с ним, так что у меня не было выбора: пришлось написать рассказ. К моему удивлению, я выиграла тот конкурс, так что моя мечта сбылась, – говорит Фаина.

И Фаина начала писать свои сказки, записывать странные сюжеты, приходившие ей в голову, когда она уходила в мир фантазий, спасаясь от войны.

Бои по правилам

И параллельно занималась боевыми искусствами.

– В 2014 году сначала стала заниматься айкидо, но потом клуб переехал на другое место и туда было неудобно добираться. После пошла на тхэквондо, потому что занятия проходили на стадионе рядом со школой. Тогда на ста-

Маленькая, упрямая, опасная луганская девчонка.

|||||

Прости, маленькая. Мне тридцать один, и у меня нет ответа на твои вопросы.

|||||

Это правильно, девочка, сочиняй свою сказку.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ЭДУАРД ЛИМОНОВ
Родился в 1943 году
в Дзержинске
(Горьковская область).
Русский писа-
тель, поэт, публицист.
Автор нескольких десятков
книг прозы, стихов и публи-
цистики.

Лауреат Премии Андрея
Белого в номинации «Проза»
за книгу «Нига воды».

Пленных немцев видел вживую, такой я старый.

Какое-то количество лет я считал, что этот постоянно возникающий кадр: пленные немцы в пыльных болотного цвета шинелях идут мимо окна внизу – кадр из фильма. Ведут немцев всего ничего молоденьких тощих послевоенных красноармейцев с винтовками с пригнанными к ним штыками.

Позднее, восстановив с помощью тогда еще живых родителей этот эпизод, я осознал, что это кадры из моих собственных воспоминаний. Оправляясь от кори, глухой, я лежал в кровати у окна, выходящего на Красноармейскую улицу, на развалины харьковского вокзала, а пленных немцев пригнали на работу...

Моим лучшим другом детства был горбатенький Толик с веснушками на остром носу. Он был замечательный поделщик: изготавливал из дерева, старых катушек из-под суровых ниток и мягких железных пластин паровозики и тележки. В них мы и играли. Ползая по полу в их жаркой норе.

Их семья называлась «черные», они были беженцы с Кавказа, из Красной Поляны. Жили они на первом этаже строго под нами. Так что играть приходилось бегать недалеко: спустился на первый и играй. Сам «черный» был печник. Его жена называлась «черная» – высокая женщина в платке, закрученном высоко на голове, она была уборщицей. Помимо Толика, в семье были еще две дочери: подросток Любка и «ребенок Надька». Так ее все и звали в доме – «ребенок Надька».

После войны вокруг было немыслимое количество родителей с ныне исчезнувшими профессиями: прачка, поломойка, уборщица, возчик. В основном родителями были женщины или старики, то есть деды. Отцы практически все погибли ведь.

У красивого Вовки Чумакова, моего одноклассника, с ним я убежал в 1954 году в Бразилию, мать была прачкой.

Мы все донашивали одежду старших мужчин. Мать моя не ленилась выпарывать из отцовских темно-синих брюк эмгэбэшный кант (первый костюм мне купили, помню, на выпускной вечер, а так все донашивал), и я в этих брюках ходил в школу.

Даже позднее, через десяток лет, у Толика Мелехова, а он учился в Харьковском университете на филфаке, это 1964 уже год, мать была прачкой. Помню ее мешавшей деревянной лопатой в большой «выварке» белье. Теперь и профессий таких нет, и «выварку» можно отыскать разве что в старом деревенском сарае. Пол у Мелеховых был хорошо вымыт, сиял просто, зимнее солнце лежало на красно-буром полу. Я пришел получить от Мелехова «Введение в психоанализ». «Введение» было аккуратно завернуто в пропарафиненную бумагу. Тогда о книгах заботились.

У Толика Ветрова отец был возчик. То есть он был владелец лошади и подводы и подряжался что-либо привезти или отвезти. Вероятно, это все же был дед, а не отец. Сам Толик прожил только 22 года, его застрелили менты во время побега из лагеря. Или убили свои в лагере, я уж не помню. Он был круглолиц, красношек и носил на валенках самодельные апельсинового цвета калоши. Тогда у многих в нашей школе были такие калоши. Их из чего-то варили народные умельцы, возможно, из трофейных каких-то резин.

Лошадок было много, и они весело трусили по улицам, таща на телегах кирпичи, доски и оцинкованное железо. Страна отстраивалась после войны, и вклад лошадок в этот огромный труд был неизмерим. Спасибо, товарищи лошади! А еще помню с удовольствием их душистый помет, из которого торчала солома.

Мы все донашивали одежду старших мужчин. Мать моя не ленилась выпарывать из отцовских темно-синих брюк эмгэбэшный кант (первый костюм мне купили, помню, на выпускной вечер, а так все донашивал), и я в этих брюках ходил в школу. Хорошие, кстати, были брюки из темно-синего толстого сукна. Я их сам заузил в два приема, мать заметила, но было поздно: в швах я обрезал лишнюю материю.

Задницы наших брюк все блестели от чрезмерной школоризации. У девочек висели, оттягиваясь, и тоже блестели, задницы платьев... Думаю, мы производили впечатление таких бедных зомби, нищих зомби, но мы-то об этом не догадывались. Наклейка на прохуdivшемся сверху ботинке была нормальным явлением. Сейчас сказали бы: вот пацан из совсем нищей семьи. У меня оба ботинка были с такими наклейками.

Вокруг было немыслимое количество заводов. На многих из них я потом работал. Все заводы гудели, рычали, гортанно орали гудками, стучали и горели и днем, и ночью. Названия у них были вполне банальные, индустриальные: «Поршень», «Электросталь», «Серп и молот» (этот тянулся на четыре трамвайные остановки), немыслимый гигант «ХТЗ» (Харьковский тракторный, чуть

ли не сто тысяч работяг), мелкий «Велосипедный» (туда меня почему-то не взяли), военный завод имени Малышева, где я не работал, но строил один из его цехов. Имени Малышева и сейчас коптит небо: для украинских властей ремонтирует БТР.

Мать моя любила театры, а у отца было множество знакомых в театральной среде. Однажды мать потащила меня на представление балета «Красный мак» Глиэра. Там был эпизод, когда российский моряк сидит ловит рыбу, спиной к зрителю. А со спины к нему ползет реакционный китаец с ножом в зубах. И тут я совершил первый патриотический поступок. Я сорвался с места и побежал к матросу, желая предупредить его об опасности.

Смущенная мать побежала ловить меня, а зрители не рассердились и стали мне аплодировать.

В перерыве ко мне подходили большие военные и пожимали мне руку. Говорили: «Молодец мальчик, настоящим патриотом растешь!»

Ну я кое-как и вырос.

Еще с нами рядом там был цирк, и директор цирка тоже был отцовским приятелем.

Так что в цирк мы ходили как к себе домой, сидели в первом ряду, прямо у бордюра, отделяющего нас от арены.

Однажды голодный послевоенный тигр напал на дрессировщика с венгерской фамилией. Тигра быстро отогнали, но с дрессировщика, когда его уводили, капала кровь.

Вот так вот, дети другой эпохи.

НАСЛЕДИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ ТАРАТОРКИНА

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ГЕОРГИЯ ТАРАТОРКИНА

ФИЛИПП ТАРАТОРНИН

Родился в Москве. Окончил с отличием факультет архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Нандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средневековья и нового времени РГГУ,

директор научно-образовательного центра «Гуманитарный архив РГГУ», почетный архивист.

Общение с папой было и остается счастьем, причем таким счастьем, которое дано все сразу, а не по частям. Поэтому обычно вспоминаются мне и живут со мной не отдельные темы разговоров, поездки, встречи, а как бы всё целиком. И когда вычленяешь мысленно что-то одно, по цепочке вытягивается на свет Божий и все прочее — и не остановиться, как не оторваться от книги, которая драгоценна для тебя каждой страницей.

Нстати, о книгах. У папы была такая драгоценная книга — зачитанный и акнуратно повторно переплетенный том Александра Блока. Он возил его с собой везде. Я видел этот синий том на прикроватных тумбочках в гостиничных номерах, на столиках в купе поездов и в салонах самолетов, на скамейке на даче, в больничной палате. Блок был всегда с ним.

Вспоминается в связи с зачитанным томом и другое — то, что принято называть творческой лабораторией. У папы такая творческая лаборатория — это тексты инсценировок и сценариев, нередко переписанные им и уточненные настолько, что он становится фантически соавтором драматурга и режиссера. Но его творческая лаборатория — это еще и книги. По книжным полкам папиной домашней библиотеки можно проследить историю его ролей. Его подход к работе над ролью был всеохватным, тотальным. Он хотел и стремился прочитать как можно больше из написанного о том, чью судьбу ему предстояло прожить на сцене или в кинокадре. Поэтому в его библиотеке — десятки книг о Достоевском, десятки книг о Блоке, причем есть и прижизненные издания Достоевского и Блока. А потом, по мере возникновения ролей, — книги об Александре II, об адмирале Нолчане, о Максиме Горьком. А у истоков его книжного собрания — уникальные издания 1920-х годов, чудом найденные у ленинградских букинистов, посвященные лейтенанту Петру Петровичу Шмидту и восстанию на «Очанове». Это время ставшего легендарным спектакля Ленинград-

↑ Георгий Тараторнин с мамой Ниной Александровной

ского ТЮЗа — ТЮЗа эпохи Зиновия Яковлевича Корогодского, папиного учителя. «После казни прошу...», в котором папа — Петр Петрович Шмидт. Моя мама, Екатерина Маркова, побывав на этом спектакле, поняла, что бесповоротно влюбилась в Тараторнина, как она часто вспоминает. Потом, десятки лет спустя, когда ТЮЗ отмечал один из юбилеев, папа выйдет на сцену родного театра в том самом нителе лейтенанта Шмидта из «После казни прошу...». Его встретили такой овацией, что он долго не мог начать говорить.

А с Блоком связана еще и история одного портрета. Когда в Театре имени Моссовета папа сыграл Александра Блока в спектакле «Версия» по пьесе Александра Штейна, Фаина Георгиевна Раневская подарила ему фотографию. Это знаменитый фотопортрет Блока, выполненный в студии Наппельбаума. Фотография была подарком самого Блока Анне Ахматовой, которая передала его Раневской, а Раневская — папе. На обороте портрета дарственная надпись: «Юрочке за то, что люблю. А больше всего в жизни я люблю талант. Раневская». Мне представляется очень красивой и правильной такая преемственность, творческая переключенность во времени. Через два рукопожатия (Блок, Ахматова — Раневская, Тараторнин) они встретились — Блок и папа.

Когда мне было девять лет, папа впервые повез меня в свой Ленинград, который он так всегда и называл Ленинградом. Это была довольно обычная поездка. Видимо, девятилетнего меня он решил не вести туда, куда поведет через десять лет — девятнадцатилетнего. Тогда, в первую поездку, мы были на речах и каналах, в Петергофе, в Эрмитаже. А спустя десять лет у нас были уже совсем иные маршруты: он водил меня по дворам и кварталам своего детства, а потом — по дворам и кварталам

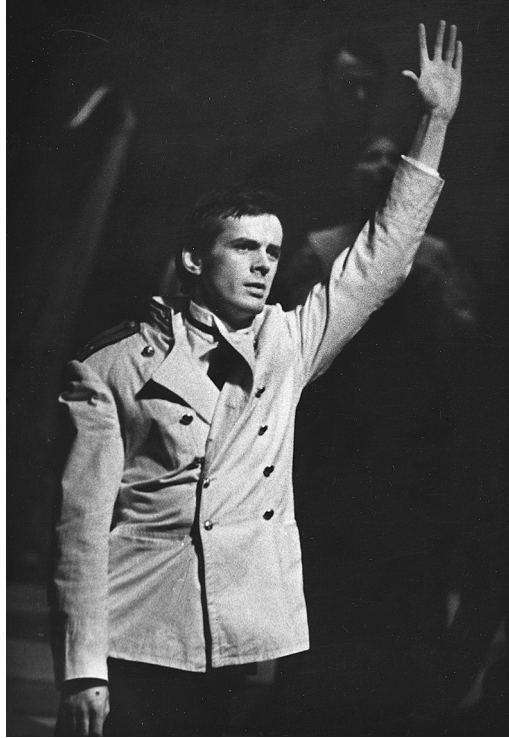
↑ Георгий Тараторнин с Фаиной Раневской

Раскольников. И тогда я ощутил, каким нультом сохранялось в его душе все, связанное с детством, с мамой (отец ушел рано, папе было всего семь лет, воспоминания об отце у него сохранились отрывочные, «атмосферные», как он говорил). Это был нульт тех добрых впечатлений и воспоминаний, вынесенных из детства, о спасительном значении которых говорил Достоевский.

Примечательно, что очень часто театроведы и театральные критики, да и просто внимательные наблюдатели давали папе устно и письменно такие характеристики: «аристократизм», «порода», «благородство». Уверен, эти точно подмеченные черты его личности — тоже оттуда, из ленинградского детства и юности.

И вот он ведет меня в тот мир, в котором внешне уже мало что сохранилось со времени его детства. Но папа помнит каждую точку, каждую примету: где что было тогда, как звали соседей и продавцов в магазине, куда и к кому ходили в гости, как шли в школу они с сестрой Верой. Помню, после долгого монолога он, всматриваясь в изменившийся городской ландшафт, сказал как выдохнул: «Грустно...»

Однако именно грустным я редко вспоминаю его. Как-то он определил самого себя неожиданным для меня словом: «Я же балагур». При папиной способности к внимательности, серьезности и совершенству в любом деле, как творческом, так и обыденном, бытовом, слово «балагур» показалось мне словом не из его репертуара. Но потом я понял, что его изящное чувство юмора, его добрая ирония (по крайней мере, в нашем с ним общении моего взрослого периода он часто бывал ласково ироничен) были естественными спутниками его жизнелюбия и благодарности. Он

↑ Георгий Тараторнин в спектакле «После казни прошу». Ленинградский ТЮЗ

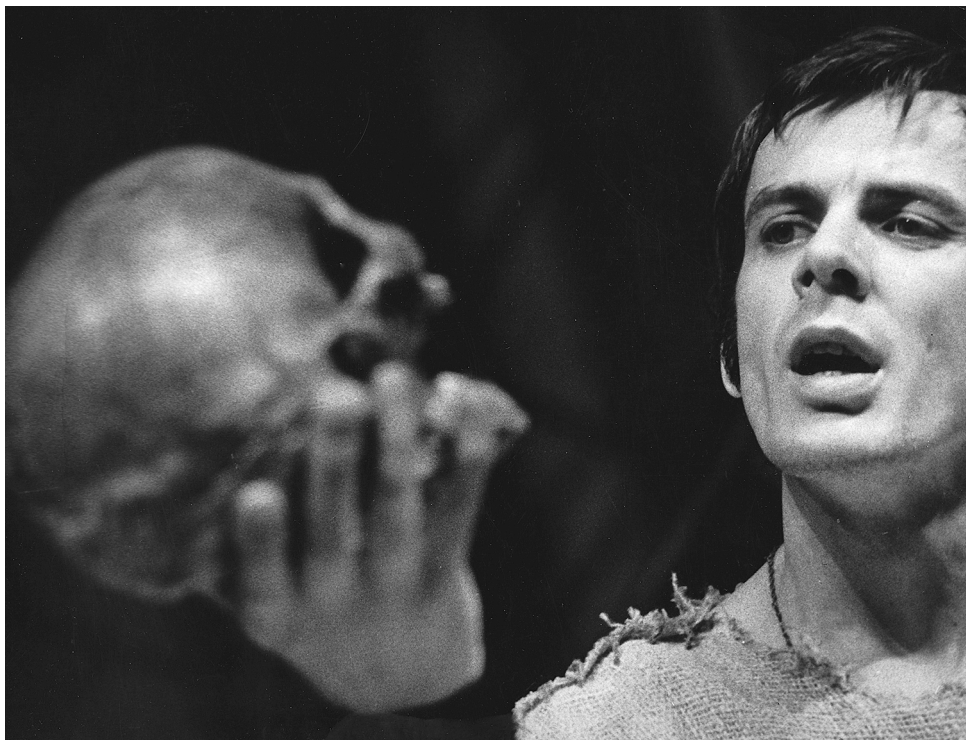

↑ Георгий Тараторнин в спектакле «Преступление и наказание»

нак-то удивительно благодарно жил: благодарно за случившееся и за не случившееся.

Однажды он мне сказал, вспоминая тяжелую болезнь, предшествовавшую съемкам в «Преступлении и наказании» у Нулиджанова: «А я же тогда мог и не встать...» Лев Александрович Нулиджанов выбрал своего Раскольникова заочно, по фотографии. Однако могло ничего не произойти, Раскольников Нулиджанова лежал в ленинградской больнице, не мог ходить, мог и не встать. И встал, и помнил, что мог не встать, и говорил об этом с благодарностью к жизни. И этой, выражаясь по-философски, экзистенциальной благодарности способствовало еще одно счастливое свойство папиной натуры — он умел быть весь здесь и сейчас. Если он читает сказку детям или внукам, он весь в этом действии (и если моет посуду — тоже). Если я прошу его совета, он полностью погружен в ситуацию, потребовавшую этого совета. Если он сорадуется, то полностью, если сопереживает, то целиком.

И так же, «целиком и полностью», он делал то, что было в радость его детям и внукам. Когда я был маленьким, любил ходить в метро и наблюдать прибытие и отправление поездов. Это у меня называлось «нюхать метро». И мы с ним ходили «нюхать» на «Маяковскую», и я был горд и счастлив, что папа с такой серьезностью относится к этой важной для меня процедуре. Однажды все закончилось поездкой в кабине машиниста, который, предложив мне прокатиться, папу предупредил: «А вы на короточки присядьте, здесь вас видеть не должны — это не театр». Когда я увлекся космонавтикой, папа раз десять ходил со мной в павильон «Носмос» на ВДНХ и в Планетарий, в котором, как только гасили свет и начинался

↑ Георгий Тараторнин в спектакле «Гамлет». Ленинградский ТЮЗ

ленционный сеанс, папа безмятежно засыпал: только теперь я понимаю, насколько он уставал, наной насыщенной была его повседневная жизнь.

Дети взрослеют — и уже на другом материале и в других ситуациях проявляется все та же папина душевная включенность во всё. Он не менее заинтересованный собеседник в наших разговорах о русской истории или архивном деле (в связи с моим выбором профессии), а один из афоризмов великого историка Нлючевского запоминает и цитирует во многих интервью: «Закономерность исторических событий обратно пропорциональна их духовности». Иронический ум Нлючевского здесь вступает в резонанс с мышлением «балагура».

Во всяком деле он — артист, артист совершенного стиля. Недаром так часто говорили и писали о его особой породе, благородстве, аристократизме. Воистину так. А причудливый мир документов сохранил еще одно измерение понятия «артист». Папин военный билет — это документальный шедевр. Папа любил рассказывать, как он пришел в Ленинграде в военкомат на перерегистрацию. Военком видит, что в графе «гражданская специальность» в папином военном билете написано, что он слесарь. «Ну, произошли ли с тех пор в вашей профессиональной деятельности какие-нибудь изменения?» — «Да, закончил студию при ТЮЗе». — «И кто вы теперь?» — «Актёр». Военком ничего не исправляет, просто делает приписку в военном билете. Отныне папина гражданская специальность беспрецедентна: «слесарь-актёр».

Он любил и понимал красоту не только в искусстве или природе. Пожалуй, особенно он любил красоту в человеческих отношениях. Несколько раз он мне рассказывал одну и ту же историю. Когда папа с мамой окончательно воссоединились в Москве (до этого папа жил на

два города, продолжал работать в Ленинградском ТЮЗе) в 1974 году, его новым театром на сцене с лишним лет стал Московский академический театр имени Моссовета. Через какое-то время Юрий Александрович Завадский пригласил папу — вторым исполнителем — на роль Раскольникова в спектакле «Петербургские сновидения», в котором первым Раскольниковым был Геннадий Бортников. Правдой будет сказать, что Бортников, конечно, очень переживал ввод другого артиста, ставшего уже хрестоматийным кинематографическим Раскольниковым, на эту роль. И как бы трудно ни было, «первый» Раскольников после первого сыгранного папой спектакля дожидался «второго» Раскольникова в его гримерной с огромным букетом цветов. «Это было красиво!» — не раз вспоминал папа. Как вспоминал и то, как отреагировал Завадский на исполнение папой роли Раскольникова в его, Завадского, спектакле. Он ему сказал: «Знаешь, я про это спектакль не ставил, но я тебе благодарен за то, что ты это сыграл». И еще букетом из того же букета, связанного с Завадским. Поступая в Театр имени Моссовета, папа оговорил с директором театра свое пожелание иметь возможность ездить в Ленинград играть в тех спектаклях, в которых ТЮЗ просил его остаться, хотя бы на время. Директор театра пересказывал Завадскому эту просьбу молодого артиста с явным смущением. А Завадский успокоил директора: «Если бы для этого молодого человека не были важны обязательства перед его театром, я не пригласил бы его в свой».

Так случилось, что я был папиным спутником в его последний — не приезд даже, а проезд — в родной город. Мы ехали на поезде из Хельсинки через Санкт-Петербург. Поезд останавливался на Ладожском вокзале ночью. Почему-то мы оба не спали, а поезд все стоял и стоял, гораздо дольше расписания. А потом очень медленно двигался сквозь город — пустынный, спящий. Папа не отрывался от окна, смотрел на свой любимый Ленинград — и не мог наглядеться. Вот так и я всю жизнь: смотрю на удивительно этого человека, который мой папа, — и не могу наглядеться.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

АННА ТАРАТОРНИНА
Родилась в Москве. Окончила с отличием Высшее театральное училище имени Щепкина (курс В.И. Норшунова).

Артистка Российского академического молодежного театра (РАМТ). Автор многочисленных работ в кино и на телевидении; танже

участвовала в независимых театральных проектах вместе со своим отцом — народным артистом России Георгием Тараторниным.

Не так давно, будучи уже в сознательном возрасте, я, размышляя о папе, поинтересовалась у моего старшего брата Филиппа: «Как ты думаешь, а у папы вообще есть недостатки?»

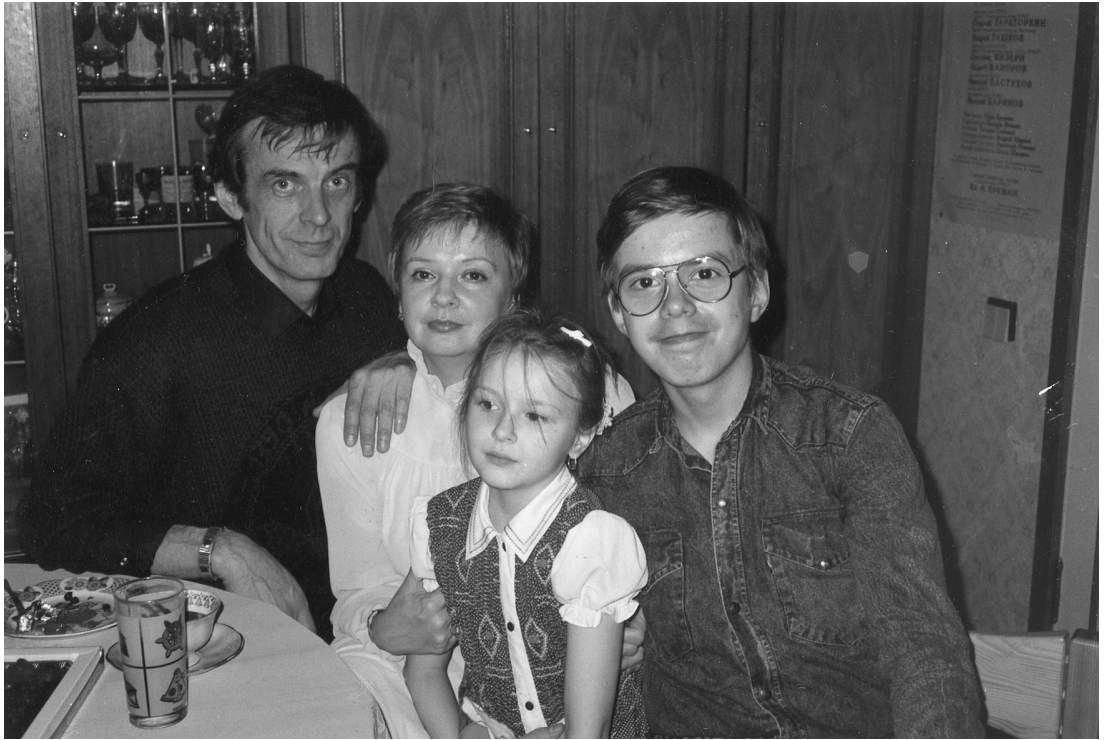
Для меня он был и остается намертоном. Мерилом. Человеком, на примере которого и благодаря которому так многое открывалось и понималось. И открывается, и понимается до сих пор...

Я всегда невероятно гордилась тем, какой у меня потрясающий Папа. Это какое-то непередаваемое ощущение. У нас вообще с ним были свои, особые отношения — он очень чувствовал меня, а я его. В последнее время мы могли часами молчать, а в это время происходил немислимый по интенсивности и содержательности диалог. Наверное, эта «связующая нить» тянется с моих пеленок в прямом смысле — папа готовился к съемкам телеспектакля «Сирано де Бержеран», а со мной, новорожденным орущим нульком, репетировал бессонными ночами монологи к Роксане.

Немного повзрослев, я безапелляционно заявила, что когда вырасту, выйду за него замуж. Однако быстро осознала, что конкуренцию маме я едва ли составлю, и эту идею оставила.

С ощущением папиной человеческой исключительности и избранности я росла. Меня переполнял восторг, когда я видела, что и окружающие это замечают. Я была маленькой, когда папа выпустил спектакль «Бесы» в Театре имени Пушкина, и некие поклонницы написали в арке возле нашего дома — «Ставрогин, вы красавец!». Эта надпись сохранялась долгие годы, и каждый раз, проходя мимо, я расплывалась в счастливой улыбке, а папа в свойственной ему ироничной манере смущенно улыбался и разводил руками.

Изю дня в день папа дарил мне ощущение собственной значимости, нужности, полноценности. Только ему я могла без тени сомнения пове-

↑ Георгий Тараторнин с женой и детьми

дать все тревожащее и быть уверенной в понимании. Уму непостижимо, как при его тогдашней повальной занятости ему удавалось выкраивать время на наши многочасовые прогулки по старым московским дворинам; стоическое ожидание на морозе меня, с упоением мерившей шагами на коньках каток; безузоризненные подъемы-встречи в школу и из школы; совместные катания на ужаснейших, самых негуманных аттракционах в парке имени Горького, после которых его лицо приобретало не самый цветущий оттенок; долгие партии в бадминтон на даче; а его фирменные бутерброды в школу, чуть отдающие его одеколоном, на которые моментально выстраивалась очередь из моих подружек, дружно восклицавших: «О, их делал дядя Юра!..» И еще так много всего, что прочно сформировало образ и ощущение моего детства.

Еще одной папиной уникальной особенностью было какое-то фантастическое понимание ребенка и детства. Стоило ему провести незначительное время в общении с ребенком, как ему начинали доверять сокровенные тайны и возникала обоюдная радость от подлинного, живого диалога. Помню, как младшая сестренка моей подруги, только заведя входящего в дверь дядю Юру, начинала дарить ему буквально все, вплоть до собственных крошечных ботиночек... В тот момент я поняла, что, оказывается, не только для меня он был «своим», «не взрослым». Что он и для остальных детей был из «наших», из «детских».

Он часто повторял — ребенку нужно уметь соответствовать. Много позже, вглядываясь и вслушиваясь в папино общение с моим сыном Никитой, я снова и снова поражалась тому, как он сосуществует с ребенком. Создавалось впечатление, что он знает какой-то только ему ведомый секрет.

Всем своим детским существом я чувствовала его почти священное отношение к делу и к месту, в котором он пропадал с утра и до ночи.

Папа, всегда невероятно трепетно и бережно относившийся к нашему с братом детству и такому хрупкому внутреннему миру ребенка и потому старавшийся оградить от совсем не простого актерского мира, вдруг, как бы невзначай, спросил, а не интересно ли было бы мне сняться в небольшой роли в кино. И вот мы уже идем по коридорам «Мосфильма», заходим в одну из комнат, мне выдают крестьянский сарафан, рубашку, платок, и через несколько минут я уже стою перед «черной коробкой». Папа стоит сбоку от камеры и внимательно смотрит на меня совсем не своими, абсолютно «не папиными» глазами... Я была потрясена и озадачена.

Помню, как мы, весело шагая по улице, вдруг, не сговариваясь, одновременно перепрыгивали с одной ноги на другую — это была наша «фишка», неизменно подтверждающая и как бы проверяющая наличие той самой связующей нас нити.

Когда папа набрал свой первый и единственный курс во ВГИНе, я училась в восьмом классе. Помню свою ревность и полное нежелание делиться папой с его студентами. Я не понимала, почему раньше, кроме меня, был только Филипп, а теперь детей стало больше двадцати, и о каждом он рассказывает взахлеб. Много позже я часто слышала по сарафанному радио истории о том, как Тараторкин ходил со своим курсом на показы в театры и часами дежурил под дверью репетиционного зала, волнуясь и переживая за судьбу каждого своего студента.

Мы с папой часто вместе ходили в театр. И на обычные спектакли, и на спектакли фестиваля «Золотая Маска». Нам всегда было очень комфортно вдвоем в любом возрасте, и в понимании близкого нам в театре мы всегда совпадали. Возможно, опять-таки из-за моего детского зрительского прошлого, бережно организованного папой: когда я достигла четырехлетнего возраста и начала интересоваться, где же мой папа проводит столько времени, он, сначала сам посмотрев в родном Театре имени Моссовета детский спектакль «Пчелка» и удостоверившись, что он созвучен его художественным убеждениям, взял меня за руку и привел в театр. С какой деликатностью, нежностью он открывал мне мир театра! Я до сих пор помню запах его гримерки, коробки с гримом, театральных костюмов, нулис. Всем своим детским существом я чувствовала его почти священное отношение к делу и к месту, в котором он пропадал с утра и до ночи. С тех пор само слово «театр» для меня навсегда приобрело неразрывную связь с папой.

Мне посчастливилось быть его партнером в двух спектаклях. Папа, если и давал какие-то советы, будь то творческие или жизненно-бытовые, то очень осторожно, не оказывая никакого давления, боясь сбить с толку или запутать. Он вел диалог таким образом, что в итоге возникало ощущение, будто ты сам до всего додумался. Он всегда с огромным уважением относился к природе человека и его актерской индивидуальности.

Мы часами говорили о профессии, о совместно увиденных спектаклях, но ни в общении со мной, ни в общении со своими студентами он никогда не давал никаких «готовых рецептов» — ему было важно и интересно увидеть, как отзовется и раскроется человеческая личность в предлагаемых обстоятельствах роли. Он всегда бежал от насилия и от знания «как сыграть», очень не любил их, а слову «роль» предпочитал слово «судьба». Был совершенно лишен педагогической наглости и назидательности — он провоцировал, наталкивал на размышления, открытия, бередил фантазию и часто говорил, что нужно уметь доверять себе и своей природе, которая умнее нас.

И еще с ним никогда не было страшно. В каком-то глобальном смысле. И всегда возникало стойкое ощущение абсолютной уверенности, что все непременно будет хорошо.

Как благодарить Бога за такой невысказанной щедрости дар — ТАКОГО папу?.. Как сформулировать это безграничное счастье, этот свет, эту радость, которыми он был и есть?..

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Я НЕ СПРАШИВАЛ. Я ДЕЙСТВОВАЛ

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ КИРИЛЛА КОВАЛЬДЖИ

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ (1930–2017) — поэт, прозаик, литературный критик и переводчик. Родился в бессарабском селе Ташлын. Онучил Литературный институт имени Горького. Работал журналистом в Нишине, консультантом в правлении Союза писателей СССР, зам. главного

редактора журнала «Советская литература», зав. отделом журнала «Литературное обозрение», зав. отделом критики журнала «Юность» (1977–1990), главным редактором издательства «Московский рабочий», главным редактором журнала СПМ «Нольцо А». Лауреат литературной премии Союза

писателей Москвы «Венец» (2000), премии еженедельника «Поэтоград» (2010), премии журнала «Дети Ра» (2014), заслуженный работник культуры РФ (2006).

Мы готовились к вечеру из нашего цикла «Система координат. Открытые лекции по русской литературе 1950–2000-х», посвященному студии Кирилла Ковальджи. Понимали, что Кирилл Владимирович, лектор и главный герой, по состоянию здоровья едва ли сможет выступить. А без него что за лекция о студии? Было принято решение приехать к нему домой и записать его рассказ, чтобы потом пустить на вечер. Так мы и сделали.*

...Он был уже в таком состоянии, что мы не решились снимать его на видео. Только голос.

Вечер был назначен на 12 апреля. 10 апреля он умер. Все пришли (родные, друзья, ученики, читатели). Слушали его. А наутро поехали хоронить.

Беседуют Кирилл Ковальджи, Дмитрий Бак, Юрий Цветков

Ю. Ц.: Кирилл Владимирович, я знаю, что вы много об этом говорили и писали, но все-таки расскажите, пожалуйста, еще раз историю появления студии при журнале «Юность», которую все впоследствии стали называть студией Ковальджи.

К. К.: Знаете, она появилась довольно неожиданно и парадоксально. ЦК КПСС решил тогда, что надо «усилить работу с творческой молодежью», и горком комсомола придумал одиннадцать студий, в том числе несколько поэтических. Одну предложили мне, я с удовольствием взял. Встречались мы где-то в здании новой «Молодой гвардии», в высотном доме в районе Дмитровского шоссе.

* «Система координат. Открытые лекции по русской литературе 1970–2000-х гг.». Цикл посвящен тем важным для литературы явлениям, которые еще не описаны в учебниках и не до конца осмыслены филологами. В начале вечера основной докладчик рассказывает о рассматриваемом явлении, затем литераторы, имеющие к нему отношение, иллюстрируют его своими текстами, после этого начинается дискуссия. В рамках цикла прошли лекции, посвященные группе «Московское время», истории альманаха «Вавилон», московскому концептуализму, альманаху «Метрополь», клубу «Поэзия», независимым книжным магазинам 1990–2000-х и т. д. Проходили в клубах «Улица ОГИ», «Билингва» и др. В настоящее время вечера цикла проводятся в Государственном литературном музее.

Ю. Ц.: А какой это год?

К. К.: Весна 1980-го. Я стал через Женю Бунимовича набирать интересных ребят, а потом подумал: почему я должен туда ездить, когда у меня есть зал при «Юности»*, и мы переехали. Потом это послужило причиной многих aberrаций: стали называть эту студию «при журнале «Юность»». Она была независимая, просто пользовалась конференц-залом «Юности» с позволения начальства. Стали туда приходить ребята, причем мой принцип был поначалу – открытые двери, никакого фильтра, приходил кто хотел, и сами отсеивались.

Ю. Ц.: А ведь вы до этого и в Кишиневе занимались такой же деятельностью?

К. К.: Да, еще в 54-м году...

Ю. Ц.: «Орбита»?

К. К.: Нет, это потом ее назвали «Орбита», это была просто моя студия при газете «Молодежь Молдавии». Потом, переехав в Москву, я продолжил, у меня какая-то склонность к такому общению.

Д. Б.: А объявления как-то давались? Или как? Откуда люди узнавали о студии – только друг от друга?

К. К.: Мне удалось сложить какой-то коллектив, у меня не было строгого членства или списка, многие приходили, уходили, но оставался какой-то костяк. Да, живой костяк. Это были староста Бунимович, конечно, Марк Шатуновский, Нина Искренко, Иван Жданов, Александр Еременко, Алексей Парщиков, Юрий Арабов, Володя Аристов, Володя Друк... То есть имена, которые сейчас что-то значат в поэзии и в литературе, и они вместе со мной задавали тон. Те, кто почувствовал, что это не их уровень, отваливались сами. Мы не учительствовали, как писать и как жить, давали возможность обсуждать открыто, причем с условием не обижаться, не претендовать на публикации... Жить поэзией, не думая о печати, если можно будет – я скажу, и когда настало время, я сказал. В 87-м сказал: давайте.

Ю. Ц.: Вы упомянули, что с разрешения начальства, а это начальство – оно абстрактное или это конкретные люди?

К. К.: Прежде всего, это главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев.

Ю. Ц.: Как он к этому относился?

К. К.: Сначала с осторожностью, а отдел поэзии просто неохотно, потом я взял и устроил для них чтения стихов этих новых поэтов в конференц-зале, пригласил начальство журнала и отдела поэзии, и они тогда подумали: может быть, на этом можно какие-то дивиденды собрать? Сообразили. И в восемьдесят седьмом году было дано разрешение на публикацию «Испытательного стенда»**. Еще до студии, в 1978-м, удалось с трудом пробить только два стихотворения Ивана Жданова, отдел поэзии сопротивлялся. Жданов поразил совершенно особым мышлением.

Я поймал большую птицу...

Д. Б.: ...Но боюсь ее лечить.

Что-то к смерти в ней стремится...

К. К.: Что-то рвет живую нить.

Такие стихи не печатались тогда. Или:

* К. В. Ковальджи заведовал в то время отделом критики в журнале «Юность» (прим. ред.).

** «Испытательный стенд» – экспериментальная рубрика журнала «Юность», публиковавшая стихи поэтов студии Кирилла Ковальджи и некоторых приглашенных гостей (С. Гандлевский, Д. А. Пригов, Т. Кибиров). С 1987 по 1989 год вышло три выпуска.

Все верили, что это честно, без всяких
карьеристских или задних мыслей,
потому что литературная жизнь сами
знаете какая, а тут была свобода.

*Когда умирает птица,
в ней плачет усталая пуля,
которая так хотела
всего лишь летать, как птица.*

Это вызывало недоумение – что это такое? Бред какой-то. Однако такие строки нашли отклик у читателей.

Д. Б.: А кто заведовал отделом поэзии?

К. К.: Натан Злотников. И он, и сотрудник отдела Николай Новиков были против этого, они были воспитаны на нормальной поэзии, такой внятной, уравновешенной, достаточно идейной, поэтому упирались сколько могли. Чтобы себя обезопасить, Натан подстраховался: «Ты хочешь их опубликовать в “Испытательном стенде”, так вот, напиши предисловие», – имея в виду, что в случае чего на меня все шишки... Я с удовольствием за это взялся, написал целый «подвал». Действительно, тут же нас хлопнули в «Правде», «Литературной России», «Нашем современнике». Особенно постаралась «Комсомольская правда» со статьей «Сила живая и мертвая», но было уже не то время, вегетарианское, и ничего особенного не последовало.

Ю. Ц.: Сколько раз вы собирались, какая периодичность была?

К. К.: В лучшие времена один раз в неделю по четвергам. Каждый по очереди вел протоколы, я назначал оппонентов, обычно двоих, которые начинали в следующую встречу обсуждение. Слава богу, вышло так, что атмосфера сложилась очень свободная и откровенная, не было обид, несмотря иногда на полные разгромы того или иного автора. Все верили, что это честно, без всяких карьеристских или задних мыслей, потому что литературная жизнь сами знаете какая, а тут была свобода.

Помимо постоянных студийцев, заглядывали разные поэты: Дмитрий Быков, Драгомощенко, Пригов, Кальпиди приезжал из Перми, и мы ездили туда с Бунимовичем, проводили там встречи. В общем, это был прорыв в поэзии, содержательный и стилистический. Какие он дал плоды, уже сейчас не будем судить – одни стали знаменитыми, другие менее, но важен толчок. Это то, что было и в начале прошлого века, когда появились, например, будетляне – Хлебников, Бурлюк и компания. Бурлюк, что он, стал большим поэтом? Но его роль немалая в том, что он раскрепостил поэтическое мышление, которое к тому времени было уже слишком элитарным, поднялось до немыслимых высот виртуозности – символисты, Вячеслав Иванов и т. д. Это был бунт, Маяковский ворвался в поэзию, как слон в посудную лавку.

Ю. Ц.: Но здесь наоборот, у вас шло по усложнению, в сторону элитарности. Александра Еременко трудно назвать легким поэтом. *(Смеется.)*

К. К.: Нет, он легко обсуждался у нас и с восторгом. Великолепно было, открытие было. Он пришел ко мне из Литинститута, там он был у Кедрова. Искренно очень ярко выступала. Это был глоток поэтической свободы. Они пытались немножко влезть в политику, но я их одергивал, это неинтересно, это уже

газета. Там было «Борис, ты не прав», кто-то написал стихотворение, имея в виду Ельцина.

Ю. Ц.: А скажите, Кирилл Владимирович, при том что они были, мне кажется, не совсем простые для тогдашнего восприятия, они дружили между собой? Вы оцениваете их стилистически – они как-то друг с другом связаны или они все очень разные, это первое поколение в «Испытательном стенде»?

К. К.: Они и разные, и единые. Единые в том, что прежнее поколение было, скажем, советское, потом было антисоветское, и за границей, и у нас, а это было новое направление – внесоветское, поэтому эти ребята были как бы вместе, несмотря на разительную разницу в их поэтиках. И лидерами этой внесоветской поэзии были Еременко и Жданов.

Ю. Ц.: Лидером этого внесоветского стал будущий депутат Бунимович. *(Смеется.)*

К. К.: Кстати, Еременко дал мощный толчок пародийной поэзии, он породил целое поколение, которое возглавил...

Д. Б.: Кибиров.

К. К.: Кибиров. И другие пробовали, Коркия. Видя, что перехватили эту интонацию, Еременко как-то отошел в тень.

Д. Б.: Думаете, поэтому отошел в тень?

К. К.: Я не думаю, я просто вижу, что отошел, а так могли быть и внутренние причины какие-то, потом через лет десять или пятнадцать он опубликовал ряд стихотворений в «Знамени», но это не произвело впечатления ни новизны, ни интереса. Значит, это было его время, так же, как у Северянина было его время – несколько лет он гремел, король поэтов, а потом жил еще тридцать лет, написал четыре тома – пшик, уже это был не тот Северянин, и сказать ему было нечего. Очень жаль. А так был великолепный, не очень умный, но очень звонкий поэт.

Д. Б.: А как все проходило? Обсуждался каждый раз один поэт, он давал подборку?

К. К.: Да, преимущественно один. Может быть, иногда и двое, если хватало времени. Оппоненты заранее читали стихи и выступали первыми, чтобы завязать разговор, а я и Бунимович подводили итог.

Д. Б.: Понятно. А автор обсуждаемой подборки вслух ее не читал, все читали просто глазами?

К. К.: Читал и вслух, почему, мы ему предоставляли трибуну – почитай нам. Но читал немного, пять, три стихотворения. Кто как хотел: некоторые хотели больше, Нина Искренко всегда была максималистка, она хотела, чтоб вечер был ее.

Д. Б.: А сколько вообще было народу – ну, в среднем? Потому что публикации «Испытательного стенда» мы все хорошо помним, все, кто тогда уже был не в школе.

К. К.: Человек тридцать-сорок... Какие-то списки есть у Саши Самарцева. Многие временно, но приходили, что уж, для них была какая-то польза послушать, тем более что я не просто обсуждал стихи, я создавал культурную атмосферу, читал на память стихи других поэтов – и зарубежных, и малоизвестных наших, так как у меня голова полна чужими стихами.

Ю. Ц.: Тридцать-сорок человек – это много...

К. К.: Иногда приходило двадцать. Тут регулятора не было. Один раз какой-то человек из КГБ меня вызывал, расспрашивал, нет ли такого-то такого-то на студии. Но такого-то не было, поэтому он отстал. Как-то после одного выступления студии в ЦДЛ меня тягали в горком партии: «Что это такое!» «Я изнасиловал отца» Юлия Гуголева – взорвала их эта строчка. Говорю: «Что, у вас нет чувства юмора, что вы?»

Д. Б.: «Я пил из черепа отца» Юрия Кузнецова.

Ю. Ц.: Он Кузнецова, естественно, перефразировал.

В Европе сейчас поэзия стала настолько герметичной и интеллектуальной, что это уже игра в бисер, уже критики между собой занимаются остроумием, а читателя нет.

К. К.: Ну да, но что им объяснять в горькое. А так не трогали. На базе моей студии возник клуб «Поэзия», его я уже отдал им, они в другом месте собирались, я вел только собственную студию и держался в ее рамках*. Потом они устроили вечер в клубе «Дукат», это вы знаете...

Ю. Ц.: Шумная история. У нас есть афиша этого вечера, для выставки «Литературная Атлантида: поэтическая жизнь 1990–2000-х». Кирилл Владимирович, как вы для себя определяете, сколько этих волн ваших студийцев? Мы все время вспоминаем о той первой студии, а ведь вы дальше продолжали это дело.

К. К.: Продолжал, но без особой новизны, резко переменялось время, отменилась советская власть и цензура – и все, оказалось, что эта форма уже как бы не звучит, не нужна. Попытались собраться несколько раз, в разных местах, но уже не клюнуло, уже не было пассионарности, не было цели. А то, что сейчас – я уже перехожу на сегодняшний день, – поэзия все-таки в кризисе, я не вижу ни одного первого поэта. Есть хорошие поэты и замечательные, но после Бродского первого нету. И не предвидится пока. Лосев написал, что на Бродском кончилась русская поэзия. Что она будет продолжаться, но развитие кончилось, как кончилось оно в Европе. Между прочим, это правда. В Европе сейчас поэзия стала настолько герметичной и интеллектуальной, что это уже игра в бисер, уже критики между собой занимаются остроумием, а читателя нет.

Ю. Ц.: Мы с вами об этом в Бухаресте беседовали, когда были в Румынии...

К. К.: И в том же Бухаресте сейчас яркого поэта не видно. В мою пору были очень талантливые поэты – Никита Стэнеску, Марин Сореску, Ана Бландиана, Иоан Александру.

Ю. Ц.: Вы всех их переводили.

К. К.: Да, конечно, и писал о них, и печатали, книжки выходили, пропагандировал и румынскую поэзию, и поэзию Молдавии, много сил на это ушло.

Д. Б.: А как вы думаете, верно ли, что... парадоксальная вещь – для поэзии нужна несвобода и драма?

К. К.: Мне кажется, что для поэзии нужны три фактора: это личность, талант и судьба. Вот три компонента. Между ними играйте, понимаете? Талант – он врожденный, судьба не всегда зависит от поэта, например, что такое Маяковский без революции?

Д. Б.: Но все-таки когда есть свобода, когда все вокруг доступно, то личность, даже очень талантливая, очень часто себя расходует на какие-то другие предложения.

* Клуб «Поэзия» начался с 1985 года, но мы появлялись и в студии, кстати, Ковальджи «прикрывал» и клуб – был записан где-то в бумагах куратором от Союза писателей. После «Дуката» он тоже ездил по кабинетам, объяснялся (Евгений Бунимович).

Сейчас в интернете полно, десятки тысяч стихов, написанных на основе свободы выражения. Но это как раз кризис поэзии.

К. К.: Это зависит от личности. Ну вот Лермонтов. У него была полная свобода писать, что он хотел, никто ему не мешал, просто трагедия, что он так рано погиб. У Пушкина были какие-то сложности с государством. А у Тютчева не было никаких, у Фета не было никаких. Свобода нужна внутренняя. Внешняя свобода – грош цена ей. Сейчас в интернете полно, десятки тысяч стихов, написанных на основе свободы выражения. Но это как раз кризис поэзии. Может быть, как раз иногда прижим создает пассионарность.

Д. Б.: Я именно про это. Слово обесценилось, потому что оно ничего не значит.

К. К.: Ну, сейчас действует на свободу, конечно, и рынок. Вот это давит на поэтов – возможность продать книги, выступить... Это уже другая несвобода, и тут выхода я не вижу пока.

Ю. Ц.: Возвращаясь к студии. Наташа Полякова, Лена Лапшина, Саша Переверзин, люди совершенно другого поколения, тоже считают себя, я с ними разговаривал, вашими студийцами.

К. К.: Ну нет... Мы продолжали собираться в разных местах, собирались как-то в зале московского отделения Союза писателей, потом опять в «Юности» пробовали. Тоже обсуждались, все было ладненько, приятно всем, но это уже не событие. Событие было одно, потом были уже отголоски. Попытались возродить, но уже у меня не хватило сил, и потом, моя эрудиция была основана на прежних запретах, а теперь, когда полная свобода, чем я могу удивить, процитировав, там, Ходасевича или Георгия Иванова? Уже никого, все всё читали.

Ю. Ц.: А вы же знали о студии Игоря Волгина «Луч»?

К. К.: Да, конечно.

Ю. Ц.: У вас были какие-то взаимоотношения с этой студией?

К. К.: Нет.

Ю. Ц.: Абсолютно никаких? Ведь Бунимович был старостой и там и там.

К. К.: И там и там, да, обещал какие-то встречи, но они так и не состоялись.

Ю. Ц.: Странно. Из студии Волгина тоже вышли интересные поэты: Алексей Цветков, Бахыт Кенжеев, Сергей Гандлевский... Правда, в 80-е их уже не было в «Луче».

К. К.: Алексей Цветков не очень интересен. А Гандлевский – видный поэт, хоть и мало пишет. И Бахыт Кенжеев – да, это поэт. Еще за рубежом, в Нью-Йорке, сильный поэт Геннадий Русаков. Он отдельный, его упоминаю просто как современного сильного поэта, хотя немножко однообразного, но это уже дело вкуса. Он как бы перегружает стихи, нет воздуха.

Д. Б.: Есть же сильные поэты, которые однообразны – они остаются сильными.

К. К.: Вот у Есенина – только воздух. Он бывает и нежен, и нахален, и груб. Маяковский тоже бывает разным, очень нежным, сильным поэтом, и очень плохим.

Д. Б.: Ну и Блок, уж я прошу прощения. Очень неровный.

К. К.: Блок? У него много очень неинтересных стихов. Особенно первый том, «Стихи о Прекрасной Даме». Но чем дальше, тем больше он становился поэтом, иногда писал страшные стихи:

*Ночь – как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?*

*Лишь сырая каплет мела с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.*

*Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!*

*И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День – как день; ведь решена задача:
Все умрут.*

Жуткие стихи, но очень сильные поэтически, мужественные. Хотя во многом наивные: люди там сжимают пистолеты в руках – откуда у людей пистолеты? Ничего не сжимают они. Образ.

Д. Б.: Кирилл Владимирович, вы затронули тему первых поэтов, а вот в 60-е годы кто первые поэты – те, кого все считают первыми поэтами, или другие?

К. К.: Это было явление другого рода, не столько поэтическое, сколько художественно-социальное, поэтому их слава не только в стране, но и за рубежом определялась этой их ролью – социально-исторической. Конечно, самые социальные таланты этой группы были Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава, эти четыре... Рождественский меньше. Все вместе они создали поэтическую волну, которая не имела продолжения, потому что поменялось время, и эта социальная поэтика уже не находит читателя. По крайней мере, я пытался моим сыновьям всучить Евтушенко и Вознесенского – не идет, не интересно им.

Ю. Ц.: Как ваша семья относилась к вашему учительству в поэзии, к вашей студийной деятельности?

К. К.: Я не спрашивал.

Ю. Ц.: Не спрашивали?

К. К.: Я действовал.

Ю. Ц.: А друзья? Вы же дружили с очень многими людьми – они знали о студии? Фазиль Искандер, например.

К. К.: Нет, Искандер не заходил. Он уже стихи не писал к тому времени. Я, кстати, будучи главредом издательства «Московский рабочий», издал последний сборник стихов Искандера. И Окуджавы. И Чичибабина.

Д. Б.: Кирилл Владимирович, а если возвращаться к студии, в этих стихах, самых ярких, времен первого «Испытательного стенда», у них же тоже не было специального социального заряда, или это не так?

К. К.: В том-то и дело, что у них был заряд... Я об этом уже говорил. Внесоветский, другого рода заряд, и в этом была их новизна. Все считали, что есть советская поэзия и есть подпольная антисоветская, а оказалось, что есть поэты, которым до лампочки и советское, и антисоветское.

Д. Б.: Читали всякое, «Мы верные граждане ночи», это ведь читалось как антисоветское.

К. К.: Ну да, но это было отвлечение, и это не студия.

Д. Б.: Или «О чем базарите, квасные патриоты».

К. К.: Ну конечно, было, но это все газетное, это публицистика. Но мы говорим по большому счету о роли поэзии.

Ю. Ц.: Раз мы иногда прыгаем в сторону от студии, мне правда, так как мы с вами земляки, интересно ваше мнение узнать о современной Молдавии.

К. К.: Я оторвался, не могу сказать... От их литературы оторвался. Да и от современной русской литературы оторвался вынужденно. Я уже журналы почти не смотрю в интернете. Иногда вскользь скажут – вот это посмотри, я посмотрю, а так – что ж, это уже эпилог, моя роль закончена.

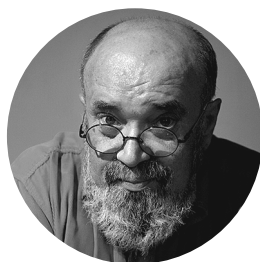
Да. По крайней мере, для нас на этой земле.

Благодарим за помощь в подготовке интервью сотрудников ГМИРЛИ имени В.И. Даля Юрия Борковского, Маргариту Голубеву и Викторину Уваркину

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ТА ЕЩЕ «ЮНОСТЬ»

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Родился в Красноярске. Окончил Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе. Первая серьезная публикация в журнале «Новый мир» (1976) с предисловием Василия Шукшина принесла ему всесоюзную славу. Принятый в Союз писателей в 1978 году, через

семь месяцев и тринадцать дней был из него исключен за создание (вместе с Василием Ансеновым, Андреем Битовым, Винтором Ерофеевым и Фазилом Искандером) легендарного неподцензурного альманаха «Метрополь». Автор множества книг прозы. Отмечен премиями журналов «Волга» (1989), «Стрелец»

(1995), «Знамя» (1998), «Октябрь» (2002), премией Союза писателей Москвы «Венец» (2003), памятным знаком венгерского Министрства культуры Pro cultura Hungaria (2005), премией «Триумф» (2009) и «Большая книга» (2012). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Возвратимся на шестьдесят с лишним лет назад. В 1953 году умер Сталин. Наступила так называемая оттепель. В 1955 году Валентин Петрович Катаев, классик, лауреат и писательский начальник, основал разрешенный временно расслабившимися большевиками молодежный литературно-общественный журнал «Юность», из которого, как из известной «Шинели», вышла практически вся европейски ориентированная русская проза и поэзия второй половины XX века.

Сначала литераторы «Юности», как и их солидные оппоненты из «Нового мира», толковали о «возврате к ленинским нормам» и «социализму с человеческим лицом», в дальнейшем же все они разделились на блистательных конформистов и честных аутсайдеров, лишь в редких случаях менявшихся местами. Твардовского прогнали. Солженицына насильно посадили в самолет. Катаев напечатал в «Новом мире» свои лучшие вещи. Кто только не печатался тогда в «Юности»! Кроме патентованных «звезд» (Ансенов, Ахмадулина, Вознесенский, Гладилин, Горин, Евтушенко, Мориц, Ан. Кузнецов, Сулейменов, Л. Тимофеев,) здесь ного только не было из порядочных литературных людей: Ахматова, Губанов, Евгения Гинзбург, Носов со своим «Незнайкой», Славкин, Розовский, Бродского чуть было не напечатали, да сорвалось «по не зависящим ни от кого обстоятельствам».

Печатались и личности, ныне начисто забытые, но имена которых одно время знала вся просвещенная страна. А страна и на самом деле всегда была, есть и будет просвещенная, несмотря на тоталитаризм и невежество.

Однано не будем нигуда забегать. А лучше вспомним о том, что еще в 1958 году Катаев прозорливо углядел в одном из двух «номсомольских» рассказов никому не известного молодого врача Ансенова великолепную фразу «стоячие воды канала были похожи на запыленную крышу рояля» —

и решил Ансенова печатать. Именно тогда в «Юности» появились «Фанелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы», прошедшие, прямо нужно сказать, почти не замеченными. Зато в одно прекрасное утро 1960 года молодой врач проснулся знаменитым.

В «Юности» был опубликован его роман «Ноллеги», который прочитала «вся страна». Примечательно, что в 1994 году роман был жестоко и жестоко определен автором как «вполне конформистская вещь». А тогда, в 60-е, захлопали крыльями «сталинские соколы», им ответили «прогрессисты», завязались столь любимые тогда «о, эти яростные споры», был снят фильм о «новом поколении, продолжающем революционные традиции отцов», отсюда в народный фольклор ушел лишь легкомысленный шлягер, задушевно исполняемый антером-певцом Олегом Анофриевым:

*Пароход белый-беленький,
Черный дым над трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой.*

И т. д. На следующий год грянул «Звездный билет», как считается, стоивший Валентину Натаеву редакторского кресла, но сделавший Ансенова реальным нумиром поколения 60-х, оттеснившим в общественном сознании родоначальника новой исповедальной прозы Анатолия Гладилина, двадцатилетнего автора романа «Хроника времен Виктора Подгурского». Сотни злобных статей и читательских писем, опубликованных в различных советских изданиях, стали откликом на «Звездный билет».

«Развязность, разухабистость и самонадеянность...», «Номсомол для них даже не существует». Ансенов удостоился мерзкой нарисованной в партийном сатирическом журнале «Крокодил», на знаменитой встрече Хрущева с интеллигенцией царь Никита предлагал Вознесенскому высылку из СССР, а Ансенову орал «Что? Мстите за смерть своего отца?». И сильно удивился, узнав, что бессчетные годы сидевший в лагерях старший Ансенов мало того что жив, но и заново является членом НПСС, совершенно не потеряв веры в правоту «самого передового учения».

То есть Иван Бунин родил Валентина Натаева, Валентин Натаев родил «Юность», «Юность» родила современную русскую литературу, а хороша она или плоха, ясно станет через столетие. Кстати, вот вам еще одна уникальная, вряд ли советская история: Гладилин, который, согласно законам массовой культуры и социалистического реализма, просто обязан был ревновать Ансенова, новую прозаическую звезду, стал его задушевым другом на всю жизнь. Его пример — нам всем наука, в том числе и новому поколению авторов «Юности».

Натаев (1897 года рождения) умер в 1986 году в самом начале перестройки, но кажется, что он все время где-то неподалеку, этот последний классик из той самой плеяды: И. Эренбург и М. Булганов — 1891 год рождения, Н. Паустовский — 1892-й, И. Бабель — 1894-й, Э. Багрицкий — 1895-й, Ю. Олеся и А. Платонов — 1899-й.

Впрочем, Платонов здесь «не совсем причем», как выразились бы, очевидно, в городе Одессе, колыбели «южнорусской школы», одним из лидеров которой являлся Натаев. Да и Эренбург с Булгановым — тоже, пожалуй, существовали отдельно. Просто — сверстники, просто — почти погодни, просто — знаменитые советские писатели со всеми вытекающими из этого последствиями, включая звания и ордена (Эренбург, Натаев),

чахотну (Платонов), алкоголизм (Олеша), мученическую смерть (Бабель), царский гнев и царскую любовь (Булганов). Это уж как кому повезло, как Бог судил, как вышло и как писатель сам сумел и захотел.

Багрицкий умер в 1934-м, Бабель и Булганов закончили свой жизненный путь в сороковом, Платонов — в пятьдесят первом, Олеша — в шестидесятом, Эренбург — в шестьдесят седьмом, Паустовский — за месяц до «пражской весны» 1968-го.

Натаев... удивительно, но кажется, что он еще вчера ходил по передельнинским дорожкам, любовно пестовал «Юность», участвовал в различных писательских собраниях, где клеймили «антисоветчиков», начал писать в конце 60-х ту самую прозу, которая заставила критиков тех лет заговорить о «другом Натаеве» — в смысле, что он как бы теперь и не орденосец вовсе, и не автор советских книг «Белеет парус», «Сын полка» и «За власть Советов», а какая-то такая *модернистская* личность, вроде выпущенных им в свет посредством «Юности» упомянутых шестидесятников.

Ответственно заявляю: «Юность» всколыхнула тогда всю страну, и уверен, что будь тогдашние начальники страны поумнее, они бы сумели использовать возрастную тягу молодежи к честности, справедливости и НОРМАЛЬНОЙ жизни, где художников не считают дырявыми, писателей не душат цензурой, а джаз не считают «музыкой толстых». Практически эти начальники сами вырастили на свою голову «диссидентов» (посмотрите биографию каждого из них!), поссорились с молодежью, интеллигенцией, «технарями», сами же и разрушили свой же Советский Союз, который спокойно мог бы просуществовать еще лет 300, медленно эволюционируя в сторону Разума и Счастья. Не на это ли наменяли авторы тех лет, судя по пропущенным цензурой фразам и мыслям, публикуемым тогда в «Юности»? Дескать, не разрушится, товарищи, ваша любимая коммунистическая власть, если не лезть ТОТАЛЬНО в душу каждому человеку, которого вы считаете советским.

В 1962 году, когда мне было 16 лет, я и мои товарищи, очарованные столичной «Юностью», выпустили в Красноярске три номера самиздатского ЧИСТО ЛИТЕРАТУРНОГО журнала с эпиграфами из шестидесятников. «В век разума и атома мы акушеры нового. Нам эта участь адова по нраву и по норову» (А. Вознесенский), «А мы рукой на прошлое вранье» (Б. Окуджава), «Свежести, свежести хочется, свежести» (Е. Евтушенко).

Криминалом была статья ныне, пожалуй, самого заметного сибирского прозаика Эдуарда Русакова «Заклинатель трав» о поэзии Бориса Пастернака, которого к тому времени уже «простили» и книгу стихов «Избранное» которого выпустили. Не о прозе, разумеется, статья, не о «Докторе Живаго», «антисоветском пасквиле», за «чтение и хранение» которого таскали в НГБ.

Другой криминал уж непосредственно был связан с «Юностью». Это была моя статья «Куль личности и "Звездный билет"». Ну а третью нашу проделку публично нарекли хулиганской провокацией. Журнал, который делали исключительно русские сибирские ребята, носил название «Гиршфельдовцы» в честь старого, только что ОТНИНУВШЕГОСЯ зэна Бориса Исаковича Гиршфельда, с которым мы случайно познакомились в каком-то кабаке и который поразил нас гениальным знанием ВСЕЙ русской литературы начала XX века и лагерного жаргона. Всех нас исключили из комсомола, включая и меня, который в этом комсомоле не состоял ни «до», ни «после». За что, спрашивается, исключили, когда там и тени не было

«антисоветчины»? Умолкаю я, нет у меня больше слов описывать все эти варварские глупости. А за журнальчин, жалкое подобие «Юности», мне стыдно. Он сейчас в Красноярском Литературном музее, но это особого энтузиазма у меня не вызывает.

В 1963–1968 годах я учился в Московском геологоразведочном институте и много раз посещал редакцию «Юности» по делам моего друга красноярского поэта Романа Солнцева, который в одночасье стал знаменитым, после того как Андрей Вознесенский процитировал в «Литературне» его стихотворение «Человек», чрезвычайно созвучное объявленной эпохе «физионов и лириков». Я был горд, приезжая в Сибирь на наникулы, что своими глазами видел всех этих юных и великих. Даже молодого и красивого навказца-поэта, которым был тогда Фазиль Искандер, даже легендарных уже тогда Юрия Ряшенцева, Натана Злотникова и Сергея Дрофенко.

Ну а в 1969 году, уже окончив институт и вернувшись в Сибирь, я совершил поступок, с нынешней моей точки зрения безумный. Я послал из Красноярска рассказы в Москву, на домашний адрес В.П. Катаева в Лаврушинский переулок. Меркантильности в этом моем поступке, слава богу, не было. «Юностью» всюду правил в это время Борис Полевой. К моему скорее нынешнему, чем тогдашнему удивлению, я вскоре получил ответ Катаева, писанный собственноручно ручкой, а не на машинке либо секретарем. Мало того, и на конверте адрес был написан все той же рукой мэтра, который сообщал мне следующее:

— что человек он старый, больной и обычно в переписку с авторами не вступает;

— но что рассказы мои показались ему талантливymi, и поэтому он все же отвечает мне;

— хотя крайне огорчен моей писательской грубостью и малой изобретательностью, следствием все той же грубости;

— и что он рекомендует мне ни в коем случае не бросать мою основную работу, печатать меня вряд ли будут;

— и советует попытаться писать более изящно, иначе с меня не будет никакого толку.

Письмо это мною в процессе биографических коллизий навсегда утрачено или хранится где-то в недрах Лубянки, так что я не могу точно восстановить его даже по памяти. Надеюсь, читатели не обвинят меня во вранье, так как, во-первых, у меня есть свидетели, а во-вторых, во всем этом нет ничего для меня выгодного, зато облик Катаева высвечивается весьма благородно: боюсь, что редко кто из нынешних мэтров всех поколений способен на такое — взять да и ответить *по делу* совершенно незнакомому провинциалу юных лет. И, подчеркиваю, *своей собственной ручкой*! Думаю, он понял, что провинциальный парень обращается к ПИСАТЕЛЮ, КОТОРОГО ОН ЧИТАЛ, а не к чиновнику. И вроде бы ничего не просит.

Чему-то все же научившись из этого письма, я личных встреч с мэтром не искал, но указанных им грубостей, увы, не оставил, что и привело меня в промежуточном итоге в знаменитый альманах «Метрополь» (1979), несомненным лидером которого был «открытый» Катаевым В.П. Ансенов, с которым у меня никаких расхождений по части грубостей не имелось, а скорее даже наоборот. Время заката советской империи стало уж совсем гнусным, и антисоветское сознание наше, как формулировал нелюбимый нами тов. Н. Маркс, вполне соответствовало советскому бытию.

Натаев же к тому времени отличился созданием ряда новых виртуозных текстов, которые я перечел на днях и свидетельствую, что это — литература на все времена. Ну и традиционным для него, Героя Соцтруда и советского функционера, подписанием различных писем против диссидентов и за родную коммунистическую партию, в которую он ухитрился вступить только в 1958 году. Писем, начисто опровергающих тезис о несовместимости гения и злодейства.

И это — главная тайна его личности, по крайней мере для меня. Зачем ему все это было нужно?

Зачем нужно было старому человеку, лауреату премий, настоящему, а не дутому класснику срываться с уютной переделкинской дачи клеймить «отщепенцев»?

Или ему это нравилось? Но наш альманах «Метрополь» он, в отличие от некоторых будущих «прогрессистов», не громил.

«Детский вопрос» — так, очевидно, реагировал бы Натаев на мои риторические восклицания.

И я имею право на такой прогноз, потому что в 1977 году участвовал в чрезвычайно любопытной встрече мэтра с молодыми писателями, где именно так отвечал он на вопрос жаждущего правды прозаика Юрия Аранчеева, отчего вот мастер писал всю жизнь по-советски, а теперь вот пишет как бы совсем не по-советски, не мешает ли ему *в творческом плане* это двоемыслие? «ДЕТСКИЙ ВОПРОС!» — в конце концов сказал ему Натаев.

Любопытна была эта первая и последняя беседа, моя первая и последняя личная встреча с Натаевым. Поразительно, что на вопросы для него ДИСКОМФОРТНЫЕ он просто-напросто не отвечал, даже не ссылаясь на глухоту, а просто начиная говорить о другом.

Потому что редко кто из благоговевших перед классиком молодых осмеливался спросить об одном и том же другой раз, и только тогдашняя юношеская настырность Аранчеева позволяет мне вспомнить это.

Затем Натаев сообщил, что *никак* не относится к «Чевенгуру» Платонова, потому что *никогда* Платонова не читал, равно как и Джойса.

Зато Марселя Пруста читал вместе с *лучшим русским писателем двадцатого века* Ю. Олешей, величие которого состоит в том, что он «вместе со мной» (В. Натаевым) изобрел «ассоциативную прозу».

Бог ты мой! Но почему же мы все-таки смотрели на него влюбленными глазами и нам было интересно все, что он говорит?

Да потому, повторяюсь, что он был великий писатель, еще в литературной юности решивший этот ребус — о гении и злодействе. Не в пользу ни того ни другого.

И разгадка тайны его, конечно же, в художественных текстах, а не в подлой советской публицистике.

Вопрос из 1977 года о *«раньше и теперь»* в творчестве В.П. Натаева еще и оттого «детский», что ведь Натаев, сформировавшись к началу 20-х, практически больше потом не менялся, только стиль его становился все более отточенным и изощренным, особенно когда это стало *можно*. А что касается содержания, то одной из навязчивых тем писателя является эта самая одесская ЧеНа, в гараже которой новые саннюлоты бойно расстреливали свежеепеченных «врагов народа», судьба ченистской «Мурни», сдавшей любимого-белогвардейца, почти фрейдистская сыновья неблагодарность («Отец»), а также понятное, но патологическое желание бывшего офицера царской армии выжить среди сонма Хамов любой ценой — отсюда

и те знаменитые американские ботинки, за которые, если верить желчному Ивану Бунину, молодой литератор Валя Натаев клялся пришить любого.

Никого, кажется, не пришиб, никого не посадил, ни на кого не донес. Написал блестящую прозу. Всю свою сознательную жизнь прожил в качестве циника и романтика. Не судите, да не судимы будете... Вот и созданный им журнал «Юность» РЕИНКАРНИРУЕТ. Натаев тогда предложил властям дорожную карту эволюции, путь наилучшего устройства. Ногда и волки (коммунисты), и овцы (творческая интеллигенция) были бы целы. И молодежь бы не бунтовала, и абстракционисты тихо рисовали бы свою наляку-малюку, а прозаики писали бы свою высокохудожественную «Шнолу для дураков», издавая ее на родине, а не в «Ардисе».

Но ему не поверили. Я надеюсь, что у нынешней власти хватит соображения не повторять ошибки предшественников, и тогда все будет хорошо. Я надеюсь на юность и «Юность».

10 января 2020 года

Забыл упомянуть добрым словом Андрея Дементьева, последнего из редакторов ТОЙ ЕЩЕ «ЮНОСТИ». Ведь это он взял на себя смелость напечатать в своем журнале мой короткий рассказ после того, как меня за «Метрополь» выперли из Союза писателей СССР и я долгие годы пребывал в нетях.

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

СОФИЯ АГАЧЕР

*Окончание. Начало в №6-12 за 2018 год,
№1-12 за 2019 год, №2 за 2020 год*

Симпатичный смуглый островитянин за прилавком помахал мне рукой, разрезал булочку, опалил ее на гриле, потом сбрызнул ее оливковым маслом и соком лимона, засунул вовнутрь чоризо и желтый перец, заполнив оставшееся пространство зеленью, и протянул мне.

– Только сожмите очень крепко пальцы, мэм, когда будете засовывать эту конструкцию в рот, приятного аппетита.

Как же это было вкусно! А сейчас полжизни за глоток кофе! Вот и кофе: ароматный и горький! Дальше – больше!

Сухопарая дама зрелых лет в шляпе указывала пальцем по очереди то на одну устрицу, то на вторую. Раковины тут же открывала рыжеволосая девушка, поливала их соком лайма и протягивала покупательнице, которая отправляла их тут же в рот.

По соседству на сковородке жарились морские грешки и еще много каких-то неведомых мне ракушек, причем все это заворачивалось в кокосовые блинчики.

Английские пироги с почками и сотни сортов разливного пива; бесчисленные баночки с вареньем и горы булок и батонов, немыслимых форм и наименований; специи и десятки видов соли; паште-

ты, девонские сливки, страусиные яйца и крепкий фермерский эль; бесконечные полки с сырами, приготовленными по старинным рецептам (к примеру, чеддер выдерживался два года в пещере над океаном), лежали, стояли и были выставлены на продажу. И все это пробовалось и покупалось лондонцами и многочисленными туристами, одетыми в классические костюмы и рваные джинсы, в шляпы и бейсболки, укладывалось в корзины, которые несли слуги, или в рюкзаки покупателей. Здесь можно было услышать безупречную английскую речь, сленг обитателей юго-восточной части Лондона и русский мат. Удивительно, как мои соотечественники теряют чувство родного языка за рубежом и, почему-то пересыпая речь солеными словечками, уверены, что их не понимают. Боромакет представлял такую модель современного Ноева ковчега.

Смертельно объевшись и поддерживая живот двумя руками, я притаилась к Танюше. Племяшка уже распродала свой шоколад и ждала меня.

– А вот теперь, тетя Соня, ты можешь попробовать мои конфеты, – рассмеявшись, предложила она.

– Ты что, издеваешься, я так наелась, что даже дышать сейчас не могу, – со стоном ответила я.

– Да-да, именно сейчас. Настоящий шоколад надо есть очень сытым, чтобы почувствовать после-

Приготовление еды – это не просто искусство, это, скорее, дар или магия. Вкусной еды в мире ровно столько же, сколько добра и радости.

вкусию и оценить всю прелесть обеда. Это как финальный аккорд в симфонии: либо возвысит до небес, либо испортит все впечатление, — объяснила Татьяна и протянула мне маленькую коробочку с единственной конфетой.

Я осторожно взяла конфету и откусила... Как же это было вкусно! Блаженство разлилось по всему моему телу и мягко окутало; тяжесть из желудка испарилась, голова прояснилась, а ноги готовы были бежать опять куда угодно.

- Тань, это потрясающе! Я никогда в жизни не ела таких конфет! – воскликнула я.
- Тетя Соня, не переживай, я тоже только совсем недавно узнала, что то, что продается в магазинах, никакого отношения не имеет к шоколаду. Приготовление еды – это не просто искусство, это, скорее, дар или магия. Вкусной еды в мире ровно столько же, сколько добра и радости. Злой или несчастный человек никогда не вырастит и не испечет потрясающий хлеб. В наш век обезличенной еды, когда влияние человеческой энергии на нее практически исключено, пища стала источником исключительно калорий. Многие забыли, что домашняя еда, приготовленная с любовью, является основой здоровья и благополучия семьи. Когда раньше приезжали свататься, то будущая невеста обязательно должна была приготовить для жениха еду. И если девушка была доброй, то и еда была вкусной. Вот так-то! А теперь гулять, я покажу тебе свой Лондон.

Набродившись вдоволь по набережным Темзы, мы с распухшими ногами вползли в небольшую Танюшину квартирку, я села в кресло и решила проверить сообщения на телефоне. «София, здравствуйте! Меня зовут Джейкоб Петрофф. Звонил Ларс и просил встретиться с вами. Если я вписываюсь в ваши планы, то жду завтра в Британском музее с десяти до двенадцати. Позвоните мне, и я встречу вас у входа с торца здания. Джейкоб».

Картинка 22. Британский музей

|||||

Маршрут: встреча с Джейкобом Петрофф – треугольники Шухова – египетские залы – Бранко – артефакты со «змеиным» орнаментом – информационная диктатура – обучаемость и выживаемость – пряжи

Назавтра, ровно в десять утра, такси доставило нас на знаменитую Great Russell Street к зданию Британского музея. Вдоль решетки, огораживающей двор музея, уже выстроилась нескончаемая очередь жаждущих приобщиться к мировому могильнику артефактов. Была она пестрой и разноязыкой, но, в отличие от покупателей Боро-маркета, какой-то сосредоточенной и слегка «пришибленной».

За время существования Британской империи ее «дипломаты» переместили в свою столицу все, что могли утащить, настолько сомнительным путем, что в 1963 году Британский парламент принял специальный закон о невозврате музейных ценностей. Урарту, Ассирия, Месопотамия, Египет, Индия, Китай, Греция, Рим, Византия, государства майя и инков – и это далеко не полный перечень цивилизаций и империй, подлинные свидетельства существования которых были пронумерованы, разложены по полкам и внесены в каталоги этого огромного хранилища.

Мы свернули за угол и увидели с торца здания совсем небольшую очередь, ведущую к еще одному входу, где и была назначена встреча с Джейкобом. К нам подошел высокий седовласый господин в сером костюме и в ярко-синем галстуке-бабочке. Движения его были четкими и энергичными.

- Здравствуйте, меня зовут Яков Петров, – поздоровался он по-русски, слегка грассируя.
- Доброе утро, очень приятно, я София, а это моя племянница Татьяна, – представила я нас обеих и протянула руку Якову.

Он слегка нагнулся и вместо традиционного рукопожатия старомодно и галантно поцеловал мне руку.

- Я родился в русской семье, хотя и в Каире, где мой отец, бывший царский офицер, служил в знаменитой английской армии Нила. Благодаря матери я получил хорошее домашнее образование. В семье всегда говорили по-русски и хранили традиции и культуру нашей родины. Родители в любой момент готовы были вернуться в Россию, но, увы, этого так и не случилось – похоронил я их в Англии. Но пройдемте в мой рабочий кабинет – там и пообщаемся. Он находится на первом этаже недалеко от экспозиции египетских мумий и саркофагов, а точнее, совсем рядом с одним из самых ценных экспонатов музея – Розеттским камнем, именно с него египтология началась как наука, а не как собрание легенд и предположений, – четко, по-военному рассказал о себе Яков и двинулся вперед.
- Извините, Яков, – крайне удивилась я, стараясь не отставать от него, – но... разве мы не пойдем вначале к экспозиции украшений и предметов быта викингов?
- А зачем вам смотреть на украшения и мечи викингов? В Британском музее выставлено всего несколько витрин с археологическими находками того периода. Броши, мечи, браслеты и кольца этих северных воинов надо смотреть в археологических музеях Осло, Берлина, Новгорода. Англичане не очень любят вспоминать о том, что в крови шотландцев и ирландцев есть нормандская кровь. И потом, насколько мне объяснили Мария и Ларс, вас интересуют тканые пояса и пряжи? А об этом лучше всего разговаривать у меня в кабинете. Или вы являетесь поклонниками фантастического сериала «Викинги»? – с сарказмом произнес Яков и улыбнулся Татьяна.
- А что, разве сериал «Викинги» – это художественный вымысел, не основанный ни на каких фактах? – заинтересовалась она.
- Исторические факты, милая барышня, – продолжал Яков, – произошедшие почти 1000 лет тому назад, – это почти всегда легенда, а вот материальные носители культуры, найденные при археологических раскопках, близки к реалиям. Поэтому на выставке «Викинги: жизнь и легенды», организованной в Британском музее в 2014 году, экспонировался настоящий боевой корабль, привезенный из музея в Осло; мечи и украшения, доставленные из берлинского

и русских музеев; традиционная одежда, воссозданная на основании изображений на предметах того времени, и многое другое, что давало возможность посетителям окунуться в ту эпоху.

- Вы хотите сказать, что настоящие викинги выглядели совсем иначе, чем в фильме? – с вызовом и явно готовая спорить на эту тему, задала вопрос Татьяна.
- Да-а, вот что творит художественный вымысел с историей! Конечно, викинги не были одеты в кожаную одежду, как современные рокеры. Холодно и неудобно, знаете ли, под пронзительным балтийским ветром. Северные воины одевались в меха, шерсть, лен, а их женщины – в сарафаны, вышитые рубахи и шерстяные накидки. Кроме того, цвет материй был ярким, а не серым и коричневым. Женщины и мужчины носили изумительной работы украшения из меди, серебра, золота, янтаря. И личная гигиена у северных народов была намного выше, чем у кельтов и саксов...

Бурно беседуя, мы довольно быстро добрались до внутреннего двора музея. Его стенами служили исторические фасады, на которых покоилось высокое, летящее перекрытие-небо. Белые стены и потоки яркого света, льющиеся через стеклянную крышу, заставили меня зажмуриться, и вдруг показалось, что внутренний двор – это последний зыбкий остров настоящего в темной, тяжелой реке времени. Я задрала голову вверх и увидела знакомый с детства по эмблеме советского телевидения треугольный сетчатый рисунок свода.

- Странно, но рисунок перекрытия напоминает мне что-то до боли близкое и родное, – произнесла я вслух свои мысли.
- Конечно, лорд Норман Фостер, автор проекта реконструкции Британского музея, считал себя учеником Владимира Григорьевича Шухова, изобретателя сетчатых оболочек перекрытий и творца радиотрансляционной башни в Москве, – тут же пояснил Яков.
- Тетя Соня, это же основной стиль современности – хай-тек! – дополнила Танюша.
- А вот и Бранко, мой ассистент и ученик. Он любезно согласился показать египетские залы музея! – воскликнул Яков при виде приближающегося молодого человека, одетого в джинсы и коричневую рубашку.

Огромные синие глаза Бранко явно произвели впечатление на мою племянницу. Она перестала спорить, притихла и даже немножко порозовела.

Уже только при одних словах «древний Египет» все внутри меня скукожилось от страха, ладони и спина покрылись потом, а сердце начало громко выстукивать неритмичную чечетку. Ба, да то же самое было в Каире, в археологическом музее, где я отключилась при виде египетских мумий и саркофагов с огромными злыми глазами. Моя рука непроизвольно скользнула в сумку, висящую на плече, и нащупала пояс. От него исходило мягкое обволакивающее тепло. Я согрелась, задержала дыхание, сердце забилося спокойно и ритмично, а сознание начало погружаться в некое состояние блаженного транса. Слова Бранко долетали откуда-то издалека...

Обогнув бюст Рамсеса II Великого в образе «благородного бога, который подавил юг и покорил север, сражаясь своим мечом» и туристов, толпящихся вокруг Розеттского камня, мы приблизились к бронзовой статуе богини Бастет в виде кошки с кольцами в носу и в ушах.

И здесь я заметила, что Татьяна необычайно бледна и слушает Бранко исключительно из-за его васильковых глаз.

– Бранко, мне кажется, что на сегодня достаточно. Да, и нам с Софией пора поговорить, тем более что мой кабинет уже рядом. И проводи Таню на свежий воздух, угости ее в кафе «Рио», лучше – биштексом с бокалом красного вина, – перебил своего ассистента Яков и шуточно помахал ребятам рукой.

Он толкнул незаметную дверь в стене и жестом пригласил пройти в небольшую комнату.

– Проходите, София. Это моя скромная обитель. Устраивайтесь поудобнее в кресле. – Хозяин кабинета молчал сел напротив и выжидающе-пристально посмотрел на меня.

Повисло неловкое молчание. Левая моя рука по-прежнему находилась внутри сумки и сжимала пояс, а правую я пристроила на колено.

– А что, левую руку, Софи, вы так и не достанете из сумки? Или вы сжимаете в ней пистолет? Так я уже в том возрасте, что неопасен для женщин! – наконец-то прервал паузу Яков и рассмеялся.

Я улыбнулась и достала из сумки зажатый в ладони пояс:

– Это пояс, сотканный и подаренный мне моей тетей Олей, о нем я и хотела с вами поговорить.

– Извините меня, София, за этот маленький эксперимент в залах Древнего Египта. Да-да, именно эксперимент, – еще раз повторил Яков. – Прежде чем начать наш разговор, мне надо было про-

демонстрировать вам, как работает «гадючий» пояс.

– И что, продемонстрировали? – отрывисто спросила я.

– Да. Видите ли, есть древние артефакты, которые интенсивно воздействуют на человека, особенно много их среди экспонатов Древнего Египта, поэтому египтологом может стать не каждый человек, а только тот, к кому, так сказать, благоволят древние египетские боги.

– Похоже, что к Бранко и к вам эти боги действительно благоволят, а меня с Татьяной вы своим экспериментом чуть не угробили, – продолжала злиться я.

– Открою вам теперь наши маленькие секреты. Бранко носит «змеинный» пояс своей бабушки, вас во время нашей прогулки защищал ваш, а меня... – Яков встал, снял пиджак, поднял короткий рукав рубашки и показал мне татуировку на плече в виде змеи. – Эту татуировку сделала мне старая няня в Каире, когда я мальчишкой умирал от какой-то их местной болезни. Она называла ее урей. Позднее я узнал, что урей – это налобная змея, носимая на царской диадеме или короне египетскими фараонами, а еще позднее я предположил, что урей – это не кобра, как считают большинство египтологов, а гадюка рогатая. Кстати, вы видели сегодня ее на бюсте Рамсеса II, где священный урей высечен на лбу фараона и приготовился к смертельному броску на любого врага, что посмеет посягнуть на божественные права правителя. Так что оба мы под защитой гадюк, только вы – гадюки европейской, а я – рогатой египетской. Почти родственники! Я показал вам свою татуировку, теперь ваша очередь познакомить меня с вашим поясом.

Я выложила на стол пояс, сложенный втрое. Яков встал, подошел к комоду, выдвинул ящик и начал доставать из него предметы и размещать их рядом с поясом.

– София, а теперь расскажите мне, пожалуйста, что вы видите, – попросил он меня.

– Около моего пояса находится мужской перуанский пояс с «гадючьим» витым зигзагообразным рисунком в желто-коричневых тонах. Он соткан из хлопка и шерсти в форме пращи – традиционного оружия воинов империи инков, – выложила я свои скудные познания, полученные во время недавней поездки в Перу.

– Отлично, – довольно улыбнулся Яков. – Этот пояс сплела одна очень пожилая крестьянка из гор-

Приближается еще неизвестная для нашей цивилизации форма диктатуры – информационная.

ной деревушки в перуанской провинции Куско. Согласно устным преданиям индейского народа кечуа, составлявшего правящую касту государства инков, именно такими поясами, в виде пращи со «змеиным» орнаментом, Сапа Инка, или Верховный правитель, награждал своих военачальников и самых храбрых воинов. А ткали пояса аллахуаси, в европейской литературе их принято называть невестами Солнца. Специальный священнослужитель ездил по селениям империи и отбирал девочек восьми лет: красивых, хорошо развитых умственно и физически, и самое главное, имевших талант к плетению и к тканью поясов, плащей и других одеяний из шерсти вигонь и альпака. Этих девочек отдавали в школы аллахуаси при храмах. Они прислуживали во время храмовых церемоний и занимались плетением и ткачеством.

– Подождите, Яков, – выпалила я. – Но в археологическом музее столицы Перу Лимы мне рассказывали, что аллахуаси ткали одежду для членов семьи Сапа Инки с изображениями фигур токапу, что внешне напоминают скандинавские руны.

– София, чувствую, что не только ваша племянница, но и вы большая поклонница сериала «Викинги». Да и прилетели вы в Лондон из Копенгагена, вот и мерещатся повсюду следы присутствия северных воинов. Не было викингов в Южной Америке. «Руна» на древнем языке кечуа означает «человек, мужчина», а сам язык называется рунасами. Но это совсем не означает, что священные фигуры на одеждах рода Верховного правителя инков или токапу являются древней письменностью, к которой все же относятся скандинавские руны, – подбирая каждое слово, медленно говорил Яков. – К тому же отвлекаться от нашей основной темы мне бы не хотелось. Итак, какие предметы вы еще видите?

– На столе лежит браслет, украшенный выгравированным зигзагообразным орнаментом, – рассказывала я, описывая только то, что видела, без всяких предположений.

– А вот этот браслет как раз относится к цивилизации викингов. Он отлит из металла, выкован и украшен гравировкой. Такие браслеты дари-

ли отличившимся воинам за одержанную в бою победу или за проведение удачного похода. Браслеты выполнялись в том числе и из драгоценных металлов. Золотыми браслетами с зигзагообразным орнаментом награждали выдающихся воинов. Обычай отмечать самых значимых воинов таким орнаментом сохранился до наших дней.

- Что-то я не видела таких знаков отличия... – совсем растерялась я.
- Помилуйте, София! Вспомните, как выглядят в русской армии генеральские погоны. Ведь это широкий золотой галун с зигзагообразным рисунком, – изумился Яков.
- Действительно, этот древний браслет викинга очень похож на генеральский погон, – удивилась я и быстро добавила: – Кроме того, зигзагообразный орнамент сейчас в качестве одного из элементов защиты применяется почти на всех мировых денежных купюрах.
- Милая леди, остановитесь, пожалуйста, и рассказывайте дальше, что вы видите еще на столе, – опять перебил меня Яков, не давая фантазировать дальше.
- Последним лежит на столе ливский пояс, сотканный столь умело, что похож на настоящую гадюку. Я видела такие пояса в Лиелвардском музее в Латвии, – продолжала я.
- Верно, это ливский пояс XVI века. Ливские женщины ткали изумительные и очень сложные по своему орнаменту пояса, – подтвердил мое предположение Яков.
- Экскурсовод в Лиелвардском музее рассказывала, что это не просто орнаменты, а очень важная для человечества информация, не расшифрованная до сих пор, – вставила я пару слов.
- Софи, любая неоднородная среда – уже информация, а вот восприятие и понимание ее сознанием человека – это совсем другое. Энергия, материя и информация – основные атрибуты нашего мира. И мы с вами вступили в эру технических революций, происходящих каждые десять лет. Это приводит к тому, что человек должен постоянно учиться и приобретать новые

навыки. Что ощущает при этом обычный человек? – задал хозяин кабинета вопрос на совсем неожиданную тему.

- Страх, неуверенность в завтрашнем дне, опасения, что он не сможет переучиться на новую специальность, потеряет работу. Человек находится в состоянии постоянного стресса, выгорает и впадает в депрессию. Начинает принимать антидепрессанты, которые вызывают гибель нейронов головного мозга. Ведь я врач и знакома с этой темой, – уверенно заговорила я.
- Видите, вы врач и знаете этот процесс применительно к человеку, а я историк и опишу вам возможное будущее развитие событий. Человечество все больше разделяется на толпу, эмоциями которой манипулируют, и небольшую группу людей, что обладает информацией, владеет путями ее доставки и манипулирует массами. К примеру, известный политик или ученый публикует в социальных сетях теорию очередного апокалипсиса и вызывает страх у большого количества людей, иными словами, манипулирует сознанием и вызывает дестабилизацию эмоционального состояния человека. Приближается еще неизвестная для нашей цивилизации форма диктатуры – информационная. Так неужели «божественный замысел» развития человечества не имеет базовых механизмов повышения обучаемости и выживаемости человека?! Ответьте мне, в каком состоянии вы лучше всего воспринимаете информацию?
- Когда я никуда не спешу... Когда меня ничто не тревожит... Когда у меня ничего не болит... Когда я спокойна... – медленно и тщательно подбирая слова, бубнила я.
- Конечно, человек лучше всего обучается, действует и развивается в состоянии эмоциональной стабильности. Следовательно, сама природа или предшествующие цивилизации должны были нам оставить нечто, помогающее противостоять стрессу. Почти во всех легендах мира змея – это символ мудрости, целительства, власти, богатства, молниеносной реакции, а всего этого может достигнуть только эмоционально стабильный человек.
- Неужели, Яков, вы хотите сказать, что «гадючий» орнамент – это то, что способствует уравниванию человеческих эмоций?! – скептически спросила я.
- А что вас так смущает? Подобное лечится подобным. Мир прост и буквален на всех планах. Гадюка – одно из самых приспособленных к вы-

живанию существ на Земле. Она распространена повсеместно от вечной мерзлоты до гор и пустынь. Ее терморецепторы совершеннее любого физического прибора. Они улавливают изменение температуры в сотые доли градуса за миллисекунды, – со знанием дела продолжал свою теорию мой новый знакомый.

- Как просто! Сделал татуировку в виде «гадючьего» рисунка или купил себе тканый пояс – и ты самый умный и храбрый?! – немного с издевкой в голосе произнесла я.
- К сожалению, у ученого путь от общего принципа до реализации порой тернист и долог, но существует озарение. То, что «гадючий» орнамент преобразует энергии, приводя к эмоциональной стабильности, я понял лет пятнадцать тому назад, когда вместе с Марией писал книгу о «змеиных» поясах. Но то, что этот орнамент должен быть индивидуальным для каждого человека, понял не так давно. Приложите свою ладонь поочередно к каждому «охранному» артефакту, лежащему на столе, и опишите мне, что вы чувствуете, – попросил меня Яков.

Я подолгу держала свои пальцы на каждом предмете, но ощущала лишь холодный металл или фактуру тканей. Потом дотронулась до своего пояса, он по-прежнему был теплым. Яков внимательно наблюдал за мной.

- Простите, но я чувствую тепло только от своего пояса, – извиняющимся голосом произнесла я.
- София, вы повторили опыт, проделанный в этом кабинете пять лет тому назад другой обладательницей семейного «змеиного» пояса, после которого я вскрикнул: «Эврика!» – и понял, что «гадючий» узор должен быть соткан для конкретного человека и может передаваться лишь кровным родственникам. Причем если пояс становится теплым на ощупь в условиях, когда у человека возникает чувство страха или паники, то он работает как стабилизатор эмоций. Я объехал почти весь мир, заказал для себя у ткачих более двух сотен поясов, и что вы думаете, только четыре из них оказались теплыми на ощупь. Я их сейчас вам покажу!

Яков убрал предметы со стола, бережно завернул их в холст и спрятал в комод. Потом выдвинул другой ящик, достал четыре пояса и разложил их на столе.

- София, я прошу вас опять внимательно посмотреть на эти пояса и потрогать их.

Я придирчиво оглядела первый пояс и коснулась его, потом второго, третьего, затем опять

вернулась к первому. У меня начало рябить в глазах, я не верила увиденному, но наконец выдала:

- Яков, эти пояса очень похожи, и они холодные на ощупь, хотя мой пояс остается теплым.
- Что и требовалось доказать! Четыре женщины – из Перу, Ирландии, Белоруссии и Канады, – никогда не общавшиеся друг с другом, разного возраста, соткали для меня похожие, теплые на ощупь пояса. Вот таких женщин, дорогая гостья, и называют пряжами. Ткали они эти пояса по-разному: одна молилась, вторая пела, третья слушала запись джазовой музыки, а четвертая периодически разговорила по телефону со своими подругами и многочисленными родственниками. И никаких тебе специальных ритуалов или заговоров. Но мой вопрос, почему они соткали именно такой «змеинный» пояс для меня, каждая из них ответила: «Красиво!»
- Как необычно. Мне представлялось, что пряжи – это очень пожилые женщины, живущие в глухих местах, искусство прядения и ткачества которых передалось по наследству. И потом, их осталось единицы! – совсем обалдела я.
- В одном вы правы, искусство ремесла очень часто передается по наследству, но мода на тканье поясов, браслетов и рушников возрождается. Посмотрите, сколько открывается школ народных ремесел, сколько издается книг по технике прядения и ткачества, сколько продается таких изделий на ярмарках и фестивалях. Прях рождается все больше и больше. И у меня появляется надежда, что эволюция по «божественному замыслу» все же защитит себя перед эволюцией по «замыслу человека», – закончил Яков и встал. – София, мне кажется, я вас уморил и запутал окончательно своими сказками. Давайте прогуляемся с вами до кафе «Рио», где нас уже ждут ребята.

Путь до кафе мы преодолели молча и быстро. Через стеклянную витрину было видно, как Бранко и Татьяна, примостившись за столиком, беседуют и держат друг друга за руки. Мы с Яковым переглянулись и, не сговариваясь, прошли мимо.

- Знаете, София, кажется, нас никто не ждет, так что пойдёмте есть английские пироги в другое место.

Вот так и закончилось мое самое увлекательное путешествие – путешествие внутри себя, которое может совершить каждый, читая легенды и рассматривая картинки с видами городов в компьютере.

Главное – нарисовать из своего детского сна орнамент или птицу и проложить на карте или в своем сознании их путь.

Август 2016 – июнь 2019 года

*Гомель – Ветка – Орша – Москва –
Санкт-Петербург – Рига – Таллин –
Копенгаген – Лондон – Чикаго*

COMPANY BY ANA4220

СЕРГЕЙ
НОСАЧЕВ,
СТР. 44

ΦΑΙΝΑ.
ΣΤΡ. 84

